

Рис. 1. Здоровьесберегающие принципы студентов в контексте эстетического аспекта
Рисунок автора.

Рис. 2. Корреляция здорового питания и спорта – тенденции среди россиян (Роспотребнадзор, 2022 г. [9])
Рисунок автора.

нировок, здорового питания и соблюдения режимов дня и сна) – данные тенденции отмечены в процессе учебных бесед с обучающимися.

Выводы

С учетом тенденций развития у «цифрового» поколе-

ния «клипового мышления», характерного для молодежи начала XXI в., в качестве учебного материала на занятиях по физической культуре следует использовать короткие видеоролики из Интернета, материалы из социальных сетей и каналов блогеров-спортсменов профессионального или любительского уровней, которые являются для студентов эстетическим эталоном.

вом томе «Москвитянина» выходит статья С.П. Шевырева о творчестве В.А. Жуковского, которая задает общий тон взгляду на лирику московского журнала [18]. Профессор обращается к анализу стихотворений Жуковского, частично Пушкина, чтобы напомнить о наследственной линии развития поэзии. Центральное место для него в лирических жанрах занимают понятия «красоты» и «нравственности». Шевырев последовательно разводит европейское и русское восприятие этих двух понятий. Красота в западной культуре проявляется как эстетическая категория прекрасного. Такова природа: ее картинность вызывает восхищение европейца. Прекрасное для русского человека неразрывно связано с образом души. Душа, а не глаза истинно воспринимает мир. И природа, и человек созданы Богом «в гармоничном замысле». Мировая гармония Божьего мира есть то «невыразимое», которое осознается душой поэта. Посредством соприкосновения души художника с замыслом всемирного Творца поэзия сближается с религией [18; 100]. Категория нравственности связана с высшим призванием поэта. Он должен быть «чист сердцем» и нести людям христианскую мысль. Шевырев резюмировал, что современное западное искусство поставило под сомнение самое бытие искусства, разрушая его сущность, – красоту [18; 108]. В произведениях русских поэтов должна для читателей раскрываться жизнь человеческой души. Для Шевырева важны «данность» (прошлое) и «вечность» (будущее). Жизнь человека – это путь от данности к вечности, где настоящее практически нивелировано. Тем самым критик отвергает положение о социальной злободневности литературы и утверждает главным веру поэта в идеальную основу жизни и искусства.

Члены «молодой редакции», в отличие от «старшей редакции», приняли новый курс лирики на «объективность». Однако для них она отличается от понимания «объективности» прозаических и драматических жанров. У поэта особое мирозерцание, ему не стоит испытывать себя в литературе иных родов. «Объективность» лирики для «молодой редакции», на первый взгляд, близка понятию «искренности» авторов цикла о «Второстепенных поэтах». Так, Григорьев писал, что важна «честность» в изображении чувств, то есть эмоциональность лирического произведения должна принадлежать автору, быть им самим пережитой. «Спокойное» изображение и лирика несовместимы. Для Алмазова «объективный» момент в лирике связан с выбором «поэтических впечатлений». «Туманность и неясность» вредят поэзии и не создают никакого колорита [4; 24]. Задача художника передать те чувства, которые им владели в конкретный момент. Идеально, если поэт в состоянии описать свои эмоции в момент акта их переживания. Тем самым будет достигнут эффект максимальной точности и «честности». В противном случае поэт должен обратиться к личным воспоминаниям и выступить по отношению к своему эмоциональному фону, как живописец к нату-

ре. Алмазов предостерегает начинающих стихотворцев от выражения «странных» чувств и «общих мест» [4; 27].

В лирических жанрах «объективности» противостоит не «субъективность» (она неоспорима в данном роде литературы), а «напряженность», которую можно охарактеризовать как эмоциональную несвободу поэта. Например, творчество Щербины заслужило в 1850 г. положительные отзывы «молодой редакции». Впоследствии, по их мнению, он оказался неспособен высказать какое-либо новое чувство, кроме восхищения красотой. «Напряженное» состояние поэта несут стихотворения, где больше видна работа над формой, чем над внутренним наполнением стиха.

Примером «объективного» поэтического произведения может служить «Весенний бред» А. Майкова [2]. Оно навело Алмазова на размышления о разности научной и поэтической мысли. «Логика» и «дисциплина» противопоставляется «жизни». Лирический поэт «высказывает свой внутренний мир, как он есть» [2; 31]. Поэтическая мысль зарождается в душе и в ту же минуту выражается в «естественной органической связи» с ней [2; 31]. «Духовное» происхождение обуславливает ей «вечную молодость». Мысль философа, наоборот, подлежит обстоятельной логической шлифовке, она искусственна по форме. «Весенний бред» начинается почти дневниковой записью: лирический герой три дня провел в пути, два раза ночевал в харчевнях, устал от дороги. Тем не менее эти дни, проведенные наедине с самим собой, вместе с ощущением возрождения природы, с кипением жизни вокруг, «обновили» его душу. В этом взбудораженном состоянии лирической герой «продумал столько дум о мире и о Боге», «проверил все теории искусств» [14; 307]. Сиюминутность, непосредственность изложения – залог искренности и истинности, согласно утверждению Алмазова. Майков как человек может ошибаться в своих воззрениях, но при этом в стихотворении сохраняется «поэтическая истина», обусловленная свободой выражения мысли и чувств. Основная идея «Весеннего бреда» созвучна славянофильской философии. Уходя «от старого», погружаясь в «изучение жизни», люди забывают «о благе, красоте и о едином Боге», ломают свою культуру под «чуждый образец» [14; 308-309]. Слово и дело поэта предстает в стихотворении образом дикого коня, который вдохнет родного воздуха и вырвется на свободу. В связи с этим объяснимо рассуждение Алмазова о поэзии в противопоставлении с философией. Славянофильская мысль, высказываемая теоретически «сухо», может лечь на дно исторических архивов, у Майкова она выражена в художественной форме, поэтому обретает статус «вечно юной», обращенной к «грядущим поколениям» [2; 30].

Григорьев обозначил критерии, по которым следует оценивать творчество современных поэтов: «цвет лиризма» и «искренность чувства» [9; 36-37]. У поэта, как и у

прозаика, должно быть собственное мировоззрение, отраженное в произведениях, настаивает критик «Москвитянина», и своя манера выражения. Художественность формы, особенность поэтики, выбора средств образного выражения составляет «цвет лиризма». По данному критерию Григорьев рассматривает особенности стихосложения, речевые ошибки и пр. Однако искренность чувства для него гораздо важнее и оказывается понятийно шире, чем авторская откровенность. «Искренним» в художественном смысле может быть только то чувство, «которое нужно и важно для души человека» [9; 37]. Главным образцом становится Пушкин, воплощавший в поэзии «идеал красоты, чистоты, ясности мирозерцания» и «спокойствия любви» [9; 37].

На материале поэзии Огарева и Фета Григорьев проводил противопоставление «болезненных» и «здоровых» чувств в современной лирике. Романтические настроения Огарева часто обозначаются «тоской». Однако в ней критик не находит отголосков ни лермонтовского чувства, ни его подражателей, поскольку у Огарева нет 1) отрицания действительности; 2) ощущения вины мира перед людьми. Поэт и, как следствие, лирический герой, обладают «нежной душой», чутко воспринимающей действительность. При этом они любят жизнь, полны желаний и стремлений. «Здоровые» настроения близки и полезны человеческой душе; они создают гармоничное содержание, не требующее сложной формы. «Полнота содержания поэтического произведения всегда неразлучна с простой формой» [3; 224]. И наоборот, «украшенность» стиха выдает его внутреннюю пустоту.

Понимание членами «молодой редакции» «ложного», «болезненного» чувства можно проследить в анализе Григорьевым творчества Фета. Свои мысли критик формулировал, вступая в общее пространство высказываний о нем журналов. Так, рецензент (авторство приписывается Ап. Григорьеву) «Отечественных записок» резюмировал: вся русская поэзия находится в рамках «лермонтовского направления», но своим происхождением она обязана западноевропейским образцам [10]. Критик приходит к выводу, что Фет – оригинальный поэт, несмотря на то что учился на образцах европейских романтиков. В его лирике присутствуют личные впечатления и «самобытный элемент» – «русская беззаботность» [10; 64]. Творчество носит «светлый» и «объективный» характер. Примечательно, что П. Кудрявцев, автор статьи о Фете в «Современнике» [12], также отметил факты ученического заимствования у западноевропейских поэтов, но природой лирического в его стихах является личная внутренняя жизнь.

В 1853 г. Григорьев приступает к анализу творчества Фета с иной точки зрения. Он отмечает дуализм: «объективность» антологической лирики и «субъективность» остального поэтического материала. В полемике с кри-

тиками «Современника» и «Отечественных записок» относительно безоговорочной «искренности» Фета Григорьев задается вопросом о степени оригинальности фетовского поэтического восприятия. Критик «Москвитянина» выделяет отдельный вид лирического творчества – «болезненная поэзия», рассматривает ее генеалогию и выделяет характеристические черты. В данной поэзии две ведущие темы: неразделенная любовь и разлученные возлюбленные. В основе всегда мотив «демонического» страдания, что проявляется в форме радости от боли другого, в удовольствии от процесса собственных мучений. Григорьев поднимает тему «здорового» мировосприятия, где «объективный» человек желает быть счастливым и видеть радость вокруг себя. Лирика Фета отмечена следующими особенностями мировосприятия: «причудливость», «странная неясность», «утонченность», «изысканность», «болезненность», которая «сама собой любит и наслаждается» [9; 42]. Таким образом, Григорьев отказывает поэту в «искренности». Влияние западноевропейских образцов, отмеченное всеми рецензентами фетовского творчества, повлияло не только на «форму» и «манеру», но и отразилось на мировосприятии. «Здоровое» восприятие действительности у русского поэта для членов «молодой редакции» является одним из положений о самобытности искусства.

К наследию «натуральной школы» (и «болезненным» настроениям) в поэтическом искусстве члены «молодой редакции» относят 1) изображение неприглядных сторон жизни; 2) светскую «изломанность» чувства [8; 17]. В первом случае яркий представитель школы Белинского – Некрасов – для младославянофилов прозаик, пишущий в форме стиха. Примером «светского стиха» являются произведения Н. Хвоцинской. Общие мотивы ее лирики выражены в романтических ощущениях скуки, разочарования, тоски, горя без обозначения причины. Собственно авторские чувства и мотивы в творчестве Хвоцинской отсутствуют [8; 18]. Критик «Москвитянина» отмечал «бесплодность» подобного творчества. Единственным содержанием стиха становится грусть. Это часто дневник, в котором читателя ждут «рассуждения», «жалобы», «грустные откровения», но идеи, смыслы в нем отсутствуют [17; 42]. «Молодой редакцией» утверждалось, что поэт, напротив, «призван» давать людям «силы» для борьбы с грустью, несправедливостью и другими тяготами жизни [17; 40]. Нравственная идея способна укрепить человеческие внутренние силы.

Усиление нарративного начала, что было характерно для лирики 50-х гг., членами «молодой редакции» отдельно не рассматривалось, но в рецензиях они всегда положительно отзывались о стихотворениях с «серьезной мыслью». Большое внимание они уделяли патриотической лирике, удельный вес которой стал больше в связи с Кавказской и Крымскими кампаниями 1853-1854 гг. Алмазов в рецензии на стихотворение «Разговор в Крем-

ле» (1854) К. Павловой упоминает, что мысль в стихотворениях должна быть выражена «не сухо», «не в форме диссертации» [1; 1]. Стихотворение Павловой посвящено вопросу о значении русского народа во всемирной истории. В произведении критиком было отмечено, что важнее заимствованной науки для русского человека «святыи истины», которые и являются источником народных сил. Члены «молодой редакции» при рассмотрении лирических произведений оставались верны положениям о наличии национального идеала в произведении.

Таким образом, современный поэт, по мнению «молодой редакции», не стеснен ни видом поэзии, ни направлением, ни авторитетом. В классических формах (например, антологическом стихе) нужно воплощать мировоззрение текущего времени с высокой степе-

нью прямоты, откровенности и нравственности. Для оценки лирики членами «молодой редакции» учитывался фактор наличия «ложных» настроений: заимствованных из западноевропейского искусства и принадлежащих «болезненной» личности. «Здоровое» мировосприятие представляет собой наследственную линию воплощения сферы духовного в лирике и должно лежать в основе самобытного искусства. Поэт искренне выражает те личные чувства, которые способны помочь адресату в укреплении его нравственных сил, в воспитании духовных свойств личности. Критика должна направить свои усилия на то, чтобы предложить литературе идеальную форму согласованности искусства и нравственности, то есть религиозности, переживаемой скорее эстетически.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазов Б.Н. Разговор в Кремле. Стихотворение К. Павловой // Москвитянин. 1854. № 17. Отд. IV. С. 1-7.
2. Алмазов Б.Н. Современник №№ IV и V // Москвитянин. 1854. № 13. Отд. IV. С. 27-198.
3. Алмазов Б.Н. Современник, № XII-й 1852. № I-й 1853 г. // Москвитянин. 1853. Том 1. Отд. V. С. 213-232.
4. Алмазов Б.Н. Современник. 1854 года, №№ 3-й и 4-й // Москвитянин. 1854. Том 3. Отд. IV. С. 24-43.
5. Белинский В.Г. Собрание сочинений в 3 томах. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 1. 799 с.
6. Белинский В.Г. Собрание сочинений в 3 томах. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 3. 928 с.
7. Боткин В.П. Русские второстепенные поэты. Н.П. Огарев // Современник. Том 19. № 1-2. Отд. VI. С. 158-175.
8. Григорьев А.А. Пантеон. Август. Книжка VIII // Москвитянин. 1852. № 21. Отд. V. С. 16-18.
9. Григорьев А.А. Русская изящная литература в 1852 году // Москвитянин. 1853. Том 1. Отд. V. С. 1-64.
10. [Григорьев А.А.] Стихотворения А. Фета // Отечественные записки. 1850. Т. 68. № 2. Отд. V. С. 49-72.
11. Кибальник С.А. Русская антологическая поэзия первой трети 19 века. Л.: Наука, 1990. 282 с.
12. Кудрявцев П.Н. Русские второстепенные поэты. А. Фет // Современник. Том 20. № 3-4. Отд. VI. С. 4-22.
13. Майков А.Н. Греческие стихотворения Николая Щербины // Отечественные записки. 1850. Т. 70. № 6. Отд. VI. С. 59-67.
14. Майков А.Н. Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1984. Т. 2. 576 с.
15. Мехтиев В.Г. Поэма И.С. Тургенева «Разговор» в оценке критика-славянофила Ф.Д. Студитского // Вестник МГОУ. 2013, №1. С. 1-12.
16. Панаев И.И. Заметки Нового Поэта о русской журналистике. Октябрь, 1851 // Современник. 1851. Т. 30. № 11-12. Отд. VI. С. 78-91.
17. Эдельсон Отечественные записки. 1852 г. № 8. Август // Москвитянин. 1852. № 17. Отд. V. С. 39-51.
18. Шевырев С.П. О значении Жуковского в русской жизни и поэзии // Москвитянин. 1853. Т. 1. Отд. I. С. 75-138.

© Абалуева Снежана Николаевна (abaluevasnezana@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О НЕГАТИВНОЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ХЕДЖИРОВАНИЯ

NEGATIVE PRAGMATIC NATURE OF LINGUISTIC HEDGING

*S. Alikova
T. Fedorova*

Summary: This article is devoted to the study of hedging with a negative pragmatic attitude. A variety of hedges, hedging strategies and hedging functions are considered as mutually interactive components of discourse. Hedging in fiction and the socio-political press is more subjective than in the scientific style. In most cases, negative speech intentions are conveyed by modal and epistemic verbs. Compound hedges are more often used in journalism to influence public opinion.

Keywords: hedging, negative politeness strategy, depersonalization, subjectivization, uncertainty.

Аликова Светлана Викторовна

*к. филол. н., доцент, Краснодарский университет
МВД России
kopraeva1979@yandex.ru*

Федорова Татьяна Валериановна

*ст. преподаватель, Краснодарский университет
МВД России
Frau.fedorova2011@yandex.ru*

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию хеджирования с негативной прагматической установкой в художественной литературе и общественно-политической прессе. Разнообразие хеджей, стратегий хеджирования и функций хеджирования рассматриваются вместе как взаимоинтерактивные компоненты дискурса. Хеджирование в художественной литературе и общественно-политической прессе отличается большей субъективной отнесенностью, чем в научном стиле. Негативные речевые интенции в большинстве случаев передаются модальными и эпистемическими глаголами. Составные хеджи чаще используются в публицистике для оказания влияния на общественное мнение.

Ключевые слова: хеджирование, стратегия негативной вежливости, деперсонализация, субъективизация, неопределенность.

В последние годы исследование в области хеджирования получили широкое распространение в самых разных дисциплинарных областях. Хеджирование играет решающую роль в стратегиях социального взаимодействия, поскольку используется для облегчения смены темы разговора, проявления вежливости и нейтрализации/смягчения негативных коммуникативных интенций и контента. Изучению хеджей посвятили свои работы П. Браун, С. Левинсон, А. Мауранен, Е. Салагер-Мейер и др. В отечественной лингвистике исследованиями хеджирования занимаются Власян Г.Р. (разговорные диалоги), Азарова О.А. (академическое письмо), Щемелева И.Ю. (академический дискурс), Марюхин А.П. (научный дискурс в сопоставительном плане). Цель данной статьи - дополнить общую совокупность знаний о хеджировании в конкретных дискурсах путем анализа этого явления в двух письменных стилях - художественной литературе и публицистике. Разнообразие хеджей, стратегий хеджирования и функций хеджирования рассматриваются вместе как взаимоинтерактивные компоненты дискурса. Данными исследования явились примеры из известных литературных произведений, а также прессы, включенные в британский Национальный корпус (BNC).

Необходимо отметить, что мы рассматриваем хеджирование как одну из стратегий негативной вежливости, которая направлена на то, чтобы избежать прямоты в выражении своего мнения, смягчить категоричность вы-

сказываний и суждений, но все же донести некомплементарную информацию или недовольство говорящего адресату. На негативный характер хеджирования обратили внимание некоторые исследователи. Так, П. Браун и С. Левинсон рассматривают все речевые акты как потенциально угрожающие лицу - либо говорящему, либо слушающему, либо и тому, и другому. Они также проводят различие между положительным и отрицательным намерением. Положительное: желание каждого участника сделать свои намерения желанными, по крайней мере, для некоторых других. Отрицательное: желание участника, чтобы другие не препятствовали его действиям [1, с. 61].

Понятие хеджирования (hedging) впервые было введено в лингвистических обиход Дж. Лакоффом в статье «Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts». Согласно автору, данные слова символизируют неясность [2, с. 471]. Сам же термин «хеджирование» был заимствован из экономической сферы, описывает меры, которые включают страхование рисков на финансовых рынках. Целью лингвистического хеджирования также является не только «страхование» ответственности говорящего за категоричность высказывания, но и склонение слушающих к негативной пропозиции, как показывают представленные примеры. По мнению Т. Никулы, хеджирование — это техника общения, которую говорящие используют в своих высказываниях, чтобы «смягчить» категоричность своих речей. Этот подход

направлен на усиление степени согласия между говорящим и слушателями. Использование хеджей помогает привести слушателей и говорящих на один и тот же эмоциональный коммуникативный уровень и улучшить взаимопонимание [4]. А. Мауранен [3, с. 173] рассматривает хеджирование «... как прагматическое, независимо от его семантического явления». Он утверждает, что хеджи не только передают семантическое содержание, но и способствуют прагматическим стратегиям, таким как непосредственность и вежливость в процессе общения. Хеджирование чаще всего применяется в ситуациях, связанных с критикой. Таким образом, этот подход действует как инструмент, позволяющий охладить эмоции слушателей, заставляя их принять точку зрения говорящего. Хеджирование может служить заменой вежливости или средством, с помощью которого говорящий сознательно использует свои высказывания, чтобы найти необходимый инструмент воздействия, тем самым избегая любого негативного восприятия со стороны своих слушателей. По мнению Ф. Салагер-Мейер, одна из проблем многих функциональных определений заключается в том, что они имеют тенденцию быть «редукционистскими» в том смысле, что они игнорируют важность ментальной и психологической природы феномена хеджирования и отрицают фундаментальную роль, которую играют самоанализ и знание культурного контекста в процессе идентификации хеджирования [5, с. 177]. Итак, поскольку нет единого мнения относительно точного определения хеджирования, на данный момент ясно, что любое определение должно учитывать семантические, а также прагматические и когнитивные аспекты этого явления. Таким образом, хеджирование можно в широком смысле определить как специфичный для жанра, интерактивный, многофункциональный феномен, который объединяет семантические, прагматические, социальные и когнитивные факторы.

В предыдущих исследованиях, посвященных стратегиям хеджирования, были перечислены, среди прочего, три следующих, которые были обнаружены в изученном корпусе: деперсонализация (или обезличивание), субъективизация, неопределенность (Мейер, 1997; Минна-Риитта и Маркканен, 1997, Намсараев, 1997). В некоторых юридических жанрах выделяется четвертая стратегия, которая называется ограничение [6, с. 127]. Данный факт свидетельствует о том, что частота и разнообразие хеджирования варьируются в зависимости от жанра.

Данными этого исследования были примеры из известных литературных произведений, а также прессы, включенные в британский Национальный корпус (BNC). В нашей работе использовался описательный метод для анализа прагматических функций хеджей, используемых в качестве маркеров негативных стратегий вежливости, а также контекстуальной интерпретации лингвистических явлений.

Хеджи не образуют отдельного грамматического класса. Они могут быть выражены различными лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами. Наиболее распространенными явились элементы хеджирования, выраженные модальными глаголами, эпистемическими глаголами, модальными словами, аппроксиматорами. В ходе нашего исследования мы выявили, что преобладающее число примеров выражено следующими лексическими и грамматическими средствами.

Модальные глаголы (could, should, may, would, might, can)

*"My dear man, any one **may** have chucked a bottle away"* (А. Кристи «Зло под солнцем»). В данном примере использование модального глагола и неопределенного местоимения указывает на широту круга подозреваемых и сомнение в успехе расследования. *'Don't overlook the possibility that this man **might** be feigning psychosis to escape the drudgery of the work farm! He looks up at McMurphy* (К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»). Употребление **might** подчеркивает сомнение в искренности поведения человека. *"Let's get this straight," I said. "How do you know you **can** trust the ship to me? What do you know about me?"* (К. Саймак «Роковая кукла»). Данный пример демонстрирует сомнение в разумности поведения адресата. *Mrs Rival and the name alone **might** have aroused suspicion. Muccis Райвл - тут одно имя способно вызвать подозрения* (А. Кристи «Часы»). Саркастическое использование глагола **might** усиливает степень подозрения, падающего на обсуждаемого персонажа.

Модальные слова: наречия, существительные, прилагательные (probable, possible, un/likely; claim, assumption, possibility, likely, suggestion, estimate, probably, virtually, practically, perhaps, possibly, presumably, apparently)

*"Then this Frank Carter would, quite **possibly**; have a grudge against your brother."* Значит, Картер вполне мог затаить зло на вашего брата? (А. Кристи), *A scapegoat **possibly**. Козел отпущения, пожалуй, найден* (Т. Драйзер «Финансист») *As winter continues, conditions appear **likely** to deteriorate further. В зимний период условия, по всей видимости, будут продолжать ухудшаться* (undocs.org) *Presumably it's because you are used to driving on the wrong side of the road. По-видимому, это потому, что ты водишь по неправильной стороне дороги* (Б. Клейн «Топ Гир») *The fat woman was bawling at the prisoner beside me, her husband **presumably**, a tall, fair, pleasant-looking man. Толстуха кричала во весь голос моему соседу, вероятно, своему мужу, высокому белокурому парню с открытым взглядом. Они продолжали разговор, начатый до меня* (А. Камю «Посторонний»). *If you don't have that, there is **virtually** nothing you can do in software terms to make something work fast on an outdated computer. Если у вас этого нет, вы*

практически ничего не можете сделать с точки зрения программного обеспечения, чтобы заставить что-то быстро работать на устаревшем компьютере (Stack Overflow). Использование модальных слов в вышеперечисленных примерах подчеркивает высокую вероятность утверждаемого, но в то же время снимают с адресанта персональную ответственность за достоверность данной информации (деперсонализация).

Слова, выражающие приблизительное значение (аппроксиматоры) (generally, usually, somewhat, somehow, a lot of)

Siena's conquest of Florence proved short-lived, as did peace generally in the history of Siena. Завоевание Сиенной Флоренции оказалось недолгим, как и мир в целом в истории Сиены (The New York Times). There are still big groups of by now generally quite drunk England and Wales fans outside a few bars. За пределами нескольких баров все еще есть большие группы, как правило, довольно пьяных фанатов Англии и Уэльса (The Guardian). They all can find her somewhat queer Provincial and affected creature. Ее находят что-то странной, Провинциальной и жеманной (А. Пушкин). I guess they're somewhat symbolic of the band. Мне кажется, они в некотором роде символизируют группу (headbanger.ru). Использование аппроксиматоров в данных предложениях способствует обобщению и генерализации представленной информацией, а также акцентирует внимание на массовом характере описываемого события, как в примере про английских фанатов.

Эпистемические глаголы (to speculate, to believe, to propose, to think, to assume, to estimate, to suggest, to tend, to indicate, to argue)

The captain approached the bed and hoisted a familiar, heavy black briefcase onto a chair. «I believe this belongs to you.» Капитан подошел к кровати и водрузил на стул знакомый тяжелый черный портфель. «Я полагаю, это принадлежит вам» (Д. Браун, «Код Да Винчи»). Then the world would believe! (Д. Браун, «Ангелы и демоны») If we can change the way households believe and think, we can change the way communities believe and think. Если мы сможем изменить то, во что верят и мыслят домохозяйства, мы сможем изменить то, во что верят и мыслят сообщества (www.ted.com). Time, "in his own grey style," taught Farfrae how to estimate his experience of Lucetta—all that it was, and all that it was not. «Время в свойственном ему

одному невеселом стиле» научило Фарфрэ, как следует расценивать его отношения с Люсеттой, и показало все, что в них было и чего в них не было (Г. Томас «Мэр Кэстербриджа»). People tend to want to be in the majority. Люди стремятся быть в большинстве (Сериал «Discovery»). We intend to argue the defendant, Larry Henderson, murdered his wife, Margaret Henderson, in an act of rage, by throwing her through a plate-glass window. Мы утверждаем, что подсудимый, Ларри Хендерсон, убил свою жену, Маргарет Хендерсон, в приступе ярости выбросив её через зеркальное окно (Д. Блитц «Методом проб и ошибок»). You want to argue not guilty and have insanity as a fallback. Вы хотите доказать невиновность и иметь безумие как запасной план (М. Листо «Юристы Бостона»). В приведенных примерах говорящие дают оценку поведению третьих лиц, обостряя категоричность своих высказываний и, тем самым, пытаясь убедить слушающих в своей правоте.

Составные хеджи (seems reasonable, looks probable)

It seems reasonable to wonder whether an app — especially one that costs \$1.99 every month — is necessary when its core function essentially duplicates a free emergency service. Кажется разумным задаться вопросом, необходимо ли приложение, особенно такое, которое стоит 1,99 доллара каждый месяц, когда его основная функция по сути дублирует бесплатную службу экстренной помощи (The New York Times). As calls mounted for Northam to resign, it started to look probable that Fairfax would become governor. По мере того, как нарастали призывы к Нортхэму уйти в отставку, стало казаться вероятным, что Фэрфакс станет губернатором (The Guardian). Обобщающий характер составных хеджей обладает высокой степенью персуазивности, поскольку апеллирует к экспертной оценке и общепринятым нормам и убеждениям, оказывая влияние на общественное мнение.

Итак, хеджирование в художественной литературе и общественно-политической прессе отличается большей субъективной отнесенностью, чем в научном стиле. Негативные речевые интенции в большинстве случаев передаются модальными и эпистемическими глаголами. Это объясняется тем, что диалоги протагонистов художественных произведений не носят широкой публичной направленности, имеют функции и характеристики обиходно-разговорного стиля. Составные хеджи чаще используются в публицистике для оказания влияния на общественное мнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brown, P., Levinson, S. (1987). Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Lakoff, G. (1973). Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. Journal of Philosophical Logic, 2 (4), 458-508.
3. Mauranen, A. (1997). "Hedging in language revisers hands" in Markkanen & Schröder (eds.), 115-133.
4. Nikula, T. Interlanguage View on Hedging. Markkanen, R. / Schroder H. (eds.) // Hedging and Discourse. Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in

Academic Texts. Berlin, 1997.

5. Salager-Meyer, F. (2000). Procrustes recipe: hedging and positivism. *English for Specific Purposes* 19: 175-187.
6. Vass, H. (2004). Socio-cognitive aspects of hedging in two legal discourse genres. *Ibérica* 7:125-141.

© Аликова Светлана Викторовна (koraeva1979@yandex.ru), Федорова Татьяна Валериановна (Frau.fedorova2011@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НРАВСТВЕННЫЕ ПОИСКИ ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ПИСАТЕЛЯ АДАМА ШОГЕНЦУКОВА «НАЗОВУ ТВОИМ ИМЕНЕМ»

Бозиева Наима Борисовна

Кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
(г. Нальчик)
naimabozieva@mail.ru

MORAL SEARCH FOR A HERO IN THE STORY OF KABARDIAN-CHEKASSIAN WRITER ADAM SHOGENTSUKOV "I WILL CALL YOUR NAME"

N. Bozieva

Summary: The article attempts to analyze the moral problems in Adam Shogentsukov's story "I will call you by your name". The author of the article connects the moral quest of Hell. Shogentsukov with a national character. The relevance of the research topic is determined by its innovative nature. The purpose of the study is to identify the specifics of the hero's moral quest in Kabardian-Circassian prose based on the material of the story Hell. Shogentsukov "I will call you by your name". A number of general scientific methods (generalization, analysis, description) were involved in the research. The results obtained can become a theoretical aid in further studying the work of the Kabardian-Circassian writer Adam Shogentsukov.

Keywords: Kabardian-Circassian literature, Adam Ogurlievich Shogentsukov, story, morality, lyrical hero.

Аннотация: В статье предпринята попытка анализа нравственных проблем в повести Адама Шогенцукова «Назову твоим именем». Автор статьи связывает нравственные поиски Ад. Шогенцукова с национальным характером. Актуальность темы исследования определяется ее новаторским характером. Цель исследования заключается в выявлении специфики нравственных поисков героя в кабардино-черкесской прозе на материале повести Ад. Шогенцукова «Назову твоим именем». К исследованию привлечен ряд общенаучных методов (обобщение, анализ, описание). Полученные результаты могут стать теоретическим подспорьем при дальнейшем изучении творчества кабардино-черкесского писателя Адама Шогенцукова.

Ключевые слова: кабардино-черкесская литература, Адам Огурлиевич Шогенцуков, повесть, нравственность, лирический герой.

Художественное решение нравственных проблем в адыгской литературе остается одной из малоизученных тем. Повесть «исследует человека с его бытовыми, социально-экономическими и нравственными проблемами» [1, с. 3]. Эту тематику поднимает в своих повестях Адам Огурлиевич Шогенцуков. Его произведения обнаруживают устойчивые принципы, которые делают узнаваемыми почерк их автора. «Повести Шогенцукова – значительный вклад в адыгскую прозу» [4, с. 413].

«Одним из произведений, которые отвечают высоким требованиям развитого реализма, социалистического реализма, является повесть «Назову твоим именем» Ад. Шогенцукова» [2, с. 114].

Бурные изменения современной реальности предстают в повести через изображение традиционных мотивов и привычных коллизий. Фабульной основой стала история одной, но показательной во многих отношениях жизни.

Повесть посвящена истории чистой, светлой, но сложной и даже трагической любви Мусаби и Залины. Героев повести Шогенцукова отличает жар душевной чи-

стоты, с которым они входят в жизнь читателя, удивляя и радуя его этой душевной чистотой.

Ничем, кажется вначале, не осложнены настоящее и будущее главной героини повести Залины Шаджоковой. Дома ее всегда ждут старый дедушка Каншао и преданный брат Назир. Сама она умна, обаятельна, с хорошими оценками заканчивает школу и вскоре поедет в город учиться. Ко всему добавляется большое и светлое чувство к однокласснику Мусаби Конокову. Любовь оказывается взаимной, и сердце девушки наполняется счастьем.

Конфликтная ситуация завязывается в повести быстро и развивается стремительно. Совершенно неожиданно в судьбу Залины вторгается Хапача Хакумышев. Он признается ей в любви, навязывает ей свою волю и склоняет на свою сторону Назира, убежденного в том, что по старообрядному праву брат может распоряжаться жизнью сестры.

Композиционная и психологическая «усложненность» не мешает поэтическому построению повести. Начало повести напоминает газетное криминальное сообщение: «Поздним вечером 27 июня 1962 года в селе

Малуко была похищена и увезена в неизвестном направлении выпускница местной школы Залина Шаджокова» [5, с. 3]. Это чрезвычайное событие взволновало многих, но больше всех удручен Мусаби, одноклассник Залины.

«...Уже позади школа, экзамены, волнения. У Мусаби день рождения. Собрались одноклассники, молодежь строит планы о жизни, о работе, о поступлении в институты...» [6, с. 8] Но этот день стал самым темным днем для юноши – Залина похищена.

Автор вновь, уже детализируя повествование, подробно воспроизводит событие, с которого столь неожиданно началась повесть. Острота восприятия у читателя не теряется, хотя цепь жизненных событий ему известна.

Полный отчаяния бежит Мусаби по улице. Где-то в глубине души теплится надежда: быть может, брат Залины, который был среди похитителей, отвез ее домой? Но их нет дома. Каншао тихо и спокойно отвечает: «Может, Назир выдал сестру замуж? Это его право. Он взрослый мужчина» [5, с. 34]. Дедушка знает только этот традиционный способ определения судьбы молодой девушки. Судьбой черкешенки распоряжались отец, брат или муж. Она не могла послушаться их – таково мнение деда Каншао. Иной взгляд на это у молодых, у некоторых он «компромиссен». Здесь, в сущности, и завязывается основной, не событийный, а нравственный конфликт произведения.

Каждый новый поворот сюжета позволяет писателю глубже показать проблему. Похищение – только начало, только завязка драмы. Побег девушки, как и вторичное похищение, хотя оно кончилось побегом героини, приводит к ситуации, в которой действуют моральные стимулы, представления, побуждения. Романтическая четкость и ясность конфликта уступает место жизненной коллизии, которая сохраняет в себе идеальность моральной оценки, но позволяет многовариантность реальных решений. Героиня смиряется и связывает свою жизнь с «похитителем», которого не любит, хотя и жалеет. Во всяком случае, она внутренне убеждена, что после всех перипетий она уже не может в глазах людей претендовать на свою романтическую юношескую любовь.

Известная в литературе тема решается в повести с учетом многосложности человеческой психологии. Каждый герой повести Ад. Шогенцукова наделен индивидуальностью, неповторимым характером. И главное – персонажи взаимодействуют, сопрягаются, соперничают на всем протяжении повести.

В повести Ад. Шогенцукова диалог играет большую роль. Порой кажется, что писатель привнес в прозаическое повествование драматургический принцип. И поскольку каждый персонаж наделен индивидуализиро-

ванной речью, за которой стоит характер и его судьба, диалог раскрывает жизненные ситуации и место в них героев с наибольшей реалистической полнотой.

Шогенцуков в повести «Назову твоим именем» конструктивен, то есть он строит сюжет и композицию, что является свидетельством, в частности, новой дистанции между автором и повествованием. Композиция повести позволяет реалистически достоверно раскрыть жизненные ситуации, показать прошлое в движении к настоящему. Более того, сама «конструкция» повести в некотором смысле психологична, она несет в себе возможность многомерности – даже в том случае, как это наблюдается во второй, заключительной части произведения, где автор уже не столь детально воспроизводит ситуации и характеры.

Событие похищения развернуто писателем во многих направлениях. Это жизнь молодежи, воспитание ее нравственных идеалов всей системой нашей действительности, основанной на принципах равенства, справедливости, творчества, коллективизма. Это и жизнь села, перерастающая в панораму современной национальной жизни. Это и этическая проблема, которая не ограничивается проблемой женской эмансипации, но ставит общие нравственные проблемы современности. Это и проблемы столкновения идеала с жизненной реальностью.

Идеал постигается не путем кульминации идей, которые в этом случае получают оттенок отвлеченной или заданной идеальности, а путем воссоздания всей сложности жизненных явлений и характеров.

Героиня повести как будто смирилась перед всякого рода необходимостями и обстоятельствами, но помимо того, что это «смирение» есть жизненная реальность, оно интересно тем, что, во-первых, острее дает почувствовать необходимость идеала, которому нужны не «слова», а «дела», то есть перевоспитание человека на началах социалистической морали, во-вторых, это «смирение» человечно, гуманистично, оно направлено в сторону жизни.

Контрастность изображения уступает место реалистической проработке деталей, дающих ощущение глубины изображаемого.

Писатель видит в отрицательном герое возможность чувств. Героиня идет навстречу ему, жалеет и, не любя, соединяет с ним свою жизнь и т.д. То есть персонажи обладают возможностью саморазвития, некоторой независимостью от «авторского диктата», что возможно более всего именно в реалистическом повествовании.

Автор не стремится обнаружить «злодея», который оказывается во всем виноватым. Помимо чисто челове-

ческой многомерности, имеющей многие варианты, которые для романтика кажутся всегда неожиданностью, писатель-реалист демонстрирует взаимосвязь малого и большого, частного и общего. Писатель смело дает понять, что в освобождении «похитителя» и «злодея» Хапачи «виновны», если угодно, окружающие, которые не доводят, когда это было нужно и можно, ситуацию до справедливого и праведного возмездия. Причем писатель достигает двойного эффекта: он показывает возможность в этом случае подкупа, кумовства, приспособленчества, беспринципности, семейственности, которые вдруг «организовали» защиту «невинно пострадавших», когда их привлек к ответу советский суд и закон, – и как моральную нечистоплотность, и как жизненную и даже – человеческую реальность, которую не столь просто преступить, поскольку она опирается на свою систему ценностей и понятий. В этом смысле реалистическое отрицание далеко от романтического. Первое происходит в сфере реальности, второе – в сфере идей. Первое – развивающееся и взаимопричинное начало, второе – констатирующее и останавливающее.

Ад. Шогенцуков, характеризуя героя или явление, открывает в нем именно те черты, которые наиболее полно передают их сущность. Он выделяет именно те детали и подробности, которые буквально выхватывают, озаряют не только сам предмет изображения, но и целую панораму, широкое поле действия. Именно этот внутренний переход, эта неуловимая связь единичного, частного с общим расширяет рамки повествования и дает читателю идейно-эмоциональную остроту восприятия.

Необходимо отметить, что второстепенных образов в повести Ад. Шогенцукова нет. Все они встают перед нами в своей неповторимости, индивидуальности, как живые, индивидуализированные характеры. Это и «рыцарь правды» – председатель сельского исполкома Нашхо Джатагежев, твердо уверенный в том, что член партии должен быть образцом во всем и для всех и требующий сурового наказания Хапачи. Или «молодой, хоть и с посеребрёнными висками, румяно-загорелый с весны, с брюшком, слегка перехваченным кавказским поясом, председатель колхоза Бекболат Кодзев», которого волновало во всей ситуации лишь сохранение престижа колхоза.

Вот девочка Надя, помогавшая Залине бежать от похитителей. Она не побоялась своего сердитого отца, озверевшего Хапачи, муллы – помогла Залине выбраться из дома, проводила ночью до родного села. И дело не только в определенности этого образа, но и в том, что он, с одной стороны, служит контрастом дальнейшему «смирению» Залины, а с другой – служит залогом того, что в будущем такие случаи не смогут иметь места и потому, что ничего «традиционно-смирненного» не будет заключено, хотя бы как реликт прошлого, в самой женщине, по отношению к которой не сможет даже возник-

нуть и мысли о ее похищении, в то время как Залина, видимо, заключает в себе такую возможность, несмотря на свою молодую романтическую любовь и привязанность к Мусаби. Ум не принимает насилия, но «традиция» не позволяет ему сопротивляться до конца. Именно в эпизоде совместного побега с Надей у Залины, сумевшей до этого стойко перенести выпавшие на ее долю испытания – похищение, избиение Мусаби, ночной побег, вторичное похищение, уговоры муллы, просьбы Назира и Хапачи, побег с Надей, – впервые сдают нервы и силы. Всегдашнее – «а что скажут люди?» – ошеломляет ее, она уже не верит, что кто-то сможет ее понять и защитить. В дальнейшем мы уже с трудом будем находить в ее покорности судьбе прежнюю непреклонную, гордую, убежденную в своей правоте Залину. Пожалев брата, над которым нависла угроза суда, уступив просьбам деда, а главное, осознавая свое положение как традиционно сомнительное и двусмысленное, Залина становится женой «похитителя» Хапачи.

Ад. Шогенцуков с большим тактом ставит вопросы человеческих взаимоотношений. И напрашивается вопрос: а не была ли сила Залины именно в этом самопожертвовании, в спасении брата? Но потом, увидев Залину на ферме, приглядевшись к ней внимательней, приходишь к иному выводу. Залина так и живет без любви, мучительно думая: «Разве не могло быть все красивее, душевнее, чище?..»

Залина осознает свое положение, как несправедливость, поскольку лишена любви и красоты, ее единственная надежда – это ребенок, которого она назовет именем Мусаби.

Уже сама эта многовариантность коллизии говорит о громадной роли вымысла в повести Ад. Шогенцукова, при всем том, что она, конечно, исходит из реальных фактов, которые, однако, стали в реалистическом произведении именно фактами – проблемами искусства.

«Изображая духовный мир современника, Ад. Шогенцуков осмысливает его в связи с изменившейся социально-нравственной атмосферой эпохи, что приводит автора к новому толкованию привычных мотивов и традиционных коллизий. Эволюция героя определяется типологически закономерной тенденцией, высветившей «самоценное значение личности» [3, с. 241].

Появление повести «Назову твоим именем» – свидетельство найденной и достигнутой цели. Повесть Ад. Шогенцукова представляется нам примером победы искусства реализма в кабардино-черкесской прозе, примером органического перерастания жанра повести в романские формы. Она результат глубинного постижения автором характера современника в аспекте его социальных, национальных, нравственных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бозиева А.А. Художественное решение нравственно-этических проблем в современной кабардинской прозе (повесть): автореф. дисс. . . . к. филол. н. Нальчик, 2008. – 23 с.
2. Мусукаева А.Х. Поиски и свершения. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 140 с.
3. Панеш У.М. Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур. Майкоп, 1990. – 277 с.
4. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 441 с.
5. Шогенцуков А.О. Назову твоим именем: Повесть. Авториз. перевод с каб.яз. М. Дальцевой и Н. Отарова. – Москва: Советский писатель, 1970. – 192 с.
6. Шогенцуков А.О. Повести. – Москва: Советская Россия, 1986. – 272 с.

© Бозиева Наима Борисовна (naimabozieva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФАМИЛЬЯРНОГО СТИЛЯ КОММУНИКАЦИИ БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛОВ “MISFITS” И “THE BIG BANG THEORY”)

**LINGUISTIC FEATURES OF FAMILIAR
COMMUNICATION OF BRITISH AND
AMERICAN YOUNG PEOPLE (BASED
ON THE SERIALS "MISFITS" AND
"THE BIG BANG THEORY")**

**D. Gaynutdinova
M. Andreeva
A. Galiakhmetova**

Summary: The article is devoted to the description of linguistic features of the familiar style of communication of British and American youth. The definition of familiar style of communication and its characteristic features are given. The factual material of this study is presented by the British serial "Misfits" and the American sitcom "The Big Bang Theory". This publication presents the main grammatical, phonetic and lexical features of the mentioned phenomenon.

Keywords: familiar style of communication, linguistic features, lexical level, grammatical level, phonetic level, emotionality, simplicity.

Гайнутдинова Дина Зявдатовна

кандидат филологических наук, доцент, Казанский
(Приволжский) федеральный университет
gajnutdinova.dz2017@yandex.ru

Андреева Мария Игоревна

кандидат филологических наук, доцент, Казанский
государственный медицинский университет
lafruta@mail.ru

Галиахметова Альбина Тагировна

кандидат педагогических наук, доцент, Казанский
государственный энергетический университет
albinagal2601@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена описанию лингвистических особенностей фамиллярного стиля коммуникации британской и американской молодежи. Дано определение фамиллярного стиля коммуникации и приведены его характерные черты. Фактический материал данного исследования составил британский сериал "Misfits" и американский ситком "The Big Bang Theory". В данной публикации представлены основные грамматические, фонетические и лексические особенности указанного феномена.

Ключевые слова: фамиллярный стиль коммуникации, лингвистические особенности, лексический уровень, грамматический уровень, фонетический уровень, эмоциональность, упрощенность.

Изучение особенностей различных стилей коммуникации – одно из новых направлений современной прагматики [8, с. 8]. Понятие «стиль коммуникации» изучалось многими исследователями [2; 3; 4; 7], однако несмотря на обилие определений, выделение различных особенностей стилей коммуникации на сегодняшнем этапе развития лингвистической науки остается много вопросов, связанных как с единым подходом к определению данного явления, так и с исследованием его особенностей на примере разных коммуникативных культур.

И.А. Стернин выделяет понятие «фамиллярно-разговорный тип речевой культуры» и приписывает ему следующие черты:

- владение только разговорной системой общения, которая используется в любой обстановке;
- несоблюдение этических и коммуникативных норм в профессиональных ситуациях и межличностном общении;
- небольшой словарный запас;
- сбивчивость, нелогичность речи, ориентированной только на диалогическую форму;

- преимущественное использование разговорного (неполного) стиля произношения – скороговорка с предельной редуцией;
- большая доля грубых слов и просторечных элементов в речи [7, с.3].

В рамках данного исследования мы будем придерживаться терминологии, которую использовала Л.В. Фанакова в своем исследовании [8]. Она определяет фамиллярный стиль коммуникации как «особый стиль коммуникации, предполагающий намеренное (или ненамеренное) отклонение коммуникантом от статусной иерархии и проявляющийся в необоснованном сокращении коммуникативной дистанции с партнером по общению» [8, с. 10].

Выбор материала исследования неслучаен, поскольку «в современной англоязычной коммуникации проявляется устойчивая тенденция к использованию фамиллярного стиля коммуникации» [там же].

На вербальном уровне фамиллярный характер об-

щения реализуется в речи употреблением сниженной лексики: разговорной, грубой, просторечной, а также использованием различных форм собственных имен при обращении к адресатам ... небрежностью в произношении, частым включением в речь слов-паразитов и др. [5, с. 54].

Исследование фамильярного стиля коммуникации британской и американской молодежи проводилось на примере сериалов "Misfits" и "The Big Bang Theory". Начнем рассмотрение лингвистических особенностей с грамматики. Анализ фактического материала позволил нам выдвинуть тезис о том, что для фамильярного стиля коммуникации характерна *упрощённость грамматических структур*.

В большинстве примеров опущен один из главных членов предложения, что не свойственно стандартному английскому языку. Ответом на вопросы также являются неполные, краткие, часто состоящие из одного – двух слов, предложения. Подтвердим сказанное примерами: 1. *You sure?* [14]. В данном примере наблюдаем опущение части сказуемого – формы "are" глагола "to be". 2. *Big or small?* [15]. В данном примере прослеживается неправильное построение английского вопросительного предложения. 3. *You and Alexie, you together?* – *Yeah, Finn* [23]. Здесь также наблюдаем отступ от правила построения предложения.

Следующая грамматическая особенность – это «особая передача категории времени» [1, с. 398]. Часто используются простые временные конструкции (например, настоящее простое, прошедшее простое и т.д.), а сложные временные конструкции (прошедшее завершённое, будущее завершённое и т.д.) упрощаются или же заменяются более простыми. Например: 1. *Oh! Let's just say, been there – boof! – done that* [18]. 2. *And you never even tried to contact him!* [18]. В этих примерах хоть и предполагается использование завершённого времени, употребляется упрощенная его версия. 3. *- I ain't killing him. – Ain't nothing personal* [20]. В данном примере вместо привычного для стандартного английского языка **am not (I'm not)** употреблено **ain't**.

Следующей особенностью фамильярного стиля коммуникации молодежи являются такие *способы словообразования*, как сложение нескольких слов, смена части речи, сокращение основы слова, добавление аффиксов. Приведём несколько примеров: **kissy face**; **yelly face**; **super-retarded**; **to graffiti** (e.g. *Next thing I know, good-bye kissy face. Hello, yelly face* [13]. – *И вдруг прощайте поцелуйчики, и да здравствует скандал!*).

По справедливому замечанию Л.В. Фанаковой, фамильярная тональность общения преимущественно соз-

дается средствами эпатирования собеседников, апелляции к их чувственному восприятию, сопряженному с эмоциональными переживаниями [8, с. 12]. Такая эмоциональность коммуникантов проявляется в частотном использовании *восклицательных предложений*: 1. *Your body's bangin'!* [14]. 2. *Nah! Bye!* [14]. 3. *Hey, don't sweat it!* [21]. 4. *Well, this is a big load of wank!* [19]. 5. *Wow, it's bright out!* [14].

Перейдем к рассмотрению лексических особенностей фамильярного стиля коммуникации. На лексическом уровне наблюдается преобладание эмоционально окрашенной, образной и экспрессивной лексики, доминируют стилистически-маркированные средства – разговорные и находящиеся за пределами литературного языка (жарг., прост., груб., вульг. и др.) [8, с. 12].

Рассмотрим оскорбительные слова в речи героев британского сериала [22, 25]. Так, слово **twat** имеет значение «a person regarded as stupid or obnoxious» и употребляется в реплике героя: *Like my mum. What a twat.* – *Как мамка моя. Та ещё...*

Слово **bastard** переводится как «ублюдок, поденок, скотина»: *He is a stubborn bastard, I'll give him that.* – *Унёртый он, это у него не отнять.*

Существительное **slap** имеет значение *брум., груб.* «шлюха», в следующем предложении приобретает несколько иной окрас: *Cos if you go round saying someone's a slap, you're gonna get a slap.* – *Когда кто-нибудь обзывает тебя, готовься получить пинка.*

О насыщении речи героев образностью и экспрессивностью говорят такие слова, как **kind of, thing, guess, issue, to suck** (в значении «не везёт»), не несущие большой смысловой нагрузки.

Эмоционально окрашенная лексика влечет за собой использование различных *усилительных слов*. На это указывают и авторы исследования «Особенности употребления языковых единиц в фамильярно-разговорном стиле современного английского языка» [5]. Такие *слова-усилители*, как **freaking, bloody, hell (of a lot), insanely, dead** и т.д. являются неотъемлемой частью лексикона героев сериалов. Для доказательства данного тезиса приведём несколько примеров: 1. *Of course I've bloody seen him* [23]. – *Ну ячень пень ходил!* 2. *That's ... that's fuckin' it!* [25] – *Это...это уже край!* 3. *Frigging free at last!* [25] – *Пусть радуется, что один, наконец, остался!*

Как видим, в переводе на русский язык усилительные слова часто опускаются либо переводятся описательными прилагательными.

1 Представленный перевод (здесь и далее) выполнен компанией «Кубик в Кубике»

Наиболее распространённой группой слов в фамиллярном стиле коммуникации оказались *слова-обращения*. Они часто использовались героями для привлечения внимания, усиления экспрессивности высказывания, подчёркивания принадлежности к той или иной социальной группе. Рассмотрим несколько примеров: 1. *Excuse me, fellas* [12] – *Пардон, ребята!*. 2. *Welcome back, buddy!* [11] – *Рад видеть тебя в строю, дорогая*. 3. *Sweetie, I'm so sorry!* [10] – *Милый, прости*. 4. *Man, they take one look at you...* [16] – *Они на тебя посмотрят и* 5. *I don't know, guys* [15] – *Ну не знаю я!*. Отличительной особенностью обращений в фамиллярном стиле коммуникации является тот факт, что они не обуславливаются половой принадлежностью. Так, например, в четвёртом примере слово **man** было адресовано представительнице женского пола. В стандартном английском языке такое использование данного слова было бы неуместным. Примечательно, что при переводе мы не наблюдаем слов-обращений.

Анализ лексической составляющей фамиллярного стиля коммуникации выявил частотное *употребление фразовых глаголов*, позволяющих в неформальной обстановке, в кругу «своих» людей, выразить коммуникативную интенцию и показать свою принадлежность к той группе людей, с которой происходит коммуникация. Как правило, такие фразовые глаголы имеют словарную помету *разг., сл., infml: to flip out выходить из себя; to go out with встречаться, быть в отношениях; to get away with втемяшивать себе (что-л.), забивать себе голову (чем-л.); to pop in заглянуть, заскочить; to catch up нагнать, наверстать; to buddy up стать друзьями, корефаниваться; to make-out целоваться; to screw up испортить (что-л.), напортчить (в чём-л.); gang up якшаться, водить компанию*. Рассмотрим несколько предложений: 1. *Make-out session!* [13] – *Рассеянные поцелуи!* 2. *I just want to pop in and make sure Ma's okay* [13] – *Я хочу заехать к маман на минутку проверить, как она*. 3. *But we're ganging up on you, so I agree!* [10] – *Но мы настроены против тебя, так что я согласен*.

Следующей лексической особенностью анализируемого фактического материала явилось преобладание в речи героев *описательных прилагательных и собирательных существительных*. Приведём несколько примеров: 1. *I don't know, they're chummy* [13]. В представленном примере мы наблюдаем использование описательного прилагательного **chummy** имеющего значение «общительный, контактный». Однако переводчики прибегли к описательному переводу: *Ну не знаю, как это сказать, они прямо как лучшие подружки стали*. 2. *That was really intense* [15] – *Вот это ничё себе*. В переводе наблюдаем замену части речи. 3. *I don't know, guys* [15] – *Ну не знаю я*. 4. *It's too early for this bullshit* [17] – *Рано ещё для всей этой херни*. Здесь мы наблюдаем, что оскорбительное слово **bullshit** *сущ., груб. абсурд, ерунда* было

употреблено в качестве собирательного существительного в значении «всё происходящее».

Перейдем к рассмотрению фонетических особенностей фамиллярного стиля коммуникации британской и американской молодежи. Как отмечает в своем исследовании Л.В. Фанакова, «с фонетической точки зрения фамиллярный стиль коммуникации проявляется в небрежном, скороговорочном, иногда аффективном и невнятном произношении, которое сопровождается пропусками звуков, слогов, иногда целых слов» [8, с. 14]. Фактический материал доказывает правильность этого постулата. Так, речь героев изобилует соединением нескольких слов в одно, «проглатыванием» или изменением окончаний и сокращением слов, например: **want to = wanna** (хотеть); **going to = gonna** (собираться); окончание – **ing = n'**; **have got to = gotta** (быть должным, обязанным; нужно); **them = 'em** (их); **isn't it = innit** (не так ли?); **kind of = kinda** (типа; вроде); **there = 're** (там); **do = d'**; **no = nah** (нет); **yes = yeah** (да). Рассмотрим несколько реплик из фактического материала [13, 14]: 1. *Your body's bangin'!*. 2. *I'm gonna miss you*. 3. *Honestly, I'm kinda glad*. 4. *What do you wanna do?* 5. *But I've gotta get this done!* 6. *I'm gonna quiz you!*.

Подобное произношение не кодифицировано и противоречит правилам этикетного общения [8, с. 14].

Ещё одной фонетической особенностью фамиллярного стиля коммуникации является *употребление звукоподражательных слов*. Например: 1. *All right! Brr!* [22] – *Как они. Брр!* 2. *Mew, mew! The bird's still there?* [9] – *Мяу, мяу! - Она что, всё ещё там?* 3. - *Quick, what does a hawk sound like? - I don't know, scree – scree!* [9] - *Быстро! Покажи, как гласит ястреб! - Вообще я не умею, но скви – скви*.

Подводя итоги всего вышеизложенного, необходимо отметить, что фамиллярный стиль коммуникации характеризуется на языковых уровнях следующими особенностями:

- грамматический уровень (упрощённость грамматических структур; особая передача категории времени; такие способы словообразования, как сложение нескольких слов, смена части речи, сокращение основы слова, добавление аффиксов; эмоциональная составляющая влечет за собой использование восклицательных конструкций);
- лексический уровень (эмоционально окрашенная и экспрессивная лексика, оскорбительные слова, усилительные слова, слова-обращения, фразовые глаголы, описательные прилагательные и собирательные существительные);
- фонетический (пропуски звуков, слогов, иногда целых слов; соединение нескольких слов в одно, «проглатывание» или изменение окончаний и сокращение слов, употребление звукоподражательных слов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Годунова Е.В. Особенности английского сленга в свете теории Д.С. Лихачёва // Вестник Башкирского университета. – 2011. - № 2. – С. 397-399.
2. Казаринова М.С. Концептуальные основы оптимизации вербальных и невербальных возможностей деловой коммуникации // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 25-29.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с.
4. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л.В. Куликова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Монография – Красноярск, 2006. – 392 с.
5. Малкова А.И., Мирошниченко Л.Н. Особенности употребления языковых единиц в фамильярно-разговорном стиле современного английского языка // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 1(32). С. 52-59.
6. Сиротинина О.Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. - 1995. - № 4. - С. 17-27.
7. Стернин И.А. Типы речевых культур. Учебное пособие. – Воронеж: «Истоки», 2013. – 23 с.
8. Фанакова Л.В. Прагматические особенности фамильярного стиля коммуникации в русской и американской коммуникативных культурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Фанакова. – Екатеринбург, 2013. – 25 с.
9. The Big Bang theory, season 5, episode 9 – URL: <https://ww3.series9.ac/film/the-big-bang-theory-season-5/watching.html?ep=9> (дата обращения: 8.02.2022)
10. The Big Bang theory, season 7, episode 4 – URL: <https://ww3.series9.ac/film/the-big-bang-theory-season-7/watching.html?ep=4> (дата обращения: 11.02.2022)
11. The Big Bang theory, season 7, episode 10 – URL: <https://ww3.series9.ac/film/the-big-bang-theory-season-7/watching.html?ep=10> (дата обращения: 11.02.2022)
12. The Big Bang theory, season 7, episode 20 – URL: <https://ww3.series9.ac/film/the-big-bang-theory-season-7/watching.html?ep=20> (дата обращения: 19.02.2022)
13. The Big Bang theory, season 8, episode 1 – URL: <https://ww3.series9.ac/film/the-big-bang-theory-season-8/watching.html?ep=1> (дата обращения: 20.01.2022)
14. The Big Bang theory, season 8, episode 5 – URL: <https://ww3.series9.ac/film/the-big-bang-theory-season-8/watching.html?ep=5> (дата обращения: 30.01.2022)
15. The Big Bang theory, season 8, episode 24 – URL: <https://ww3.series9.ac/film/the-big-bang-theory-season-8/watching.html?ep=24> (дата обращения: 25.01.2022)
16. Misfits, season 1, episode 5 – URL: <https://www2.cmovies.ac/film/misfits-season-1-wnh/watching.html?ep=5> (дата обращения: 30.01.2022)
17. Misfits, season 2, episode 1 – URL: <https://www2.cmovies.ac/film/misfits-season-2-wnh/watching.html?ep=1> (дата обращения: 5.02.2022)
18. Misfits, season 2, episode 2 – URL: <https://www2.cmovies.ac/film/misfits-season-2-wnh/watching.html?ep=2> (дата обращения: 15.01.2022)
19. Misfits, season 2, episode 3 – URL: <https://www2.cmovies.ac/film/misfits-season-2-wnh/watching.html?ep=3> (дата обращения: 11.02.2022)
20. Misfits, season 3, episode 5 – URL: <https://www2.cmovies.ac/film/misfits-season-3-wnh/watching.html?ep=5> (дата обращения: 12.02.2022)
21. Misfits, season 3, episode 8 – URL: <https://www2.cmovies.ac/film/misfits-season-3-wnh/watching.html?ep=8> (дата обращения: 30.01.2022)
22. Misfits, season 4, episode 8 – URL: <https://www2.cmovies.ac/film/misfits-season-4-wnh/watching.html?ep=8> (дата обращения: 21.02.2022)
23. Misfits, season 5, episode 1 – URL: <https://www2.cmovies.ac/film/misfits-season-5-iwv/watching.html?ep=1> (дата обращения: 10.10.2022)
24. Misfits, season 5, episode 3 – URL: <https://www2.cmovies.ac/film/misfits-season-5-wnh/watching.html?ep=3> (дата обращения: 20.02.2022)
25. Misfits, season 5, episode 4 – URL: <https://www2.cmovies.ac/film/misfits-season-5-wnh/watching.html?ep=4> (дата обращения: 20.02.2022)

© Гайнутдинова Дина Зявдатовна (gajnutdinova.dz2017@yandex.ru), Андреева Мария Игоревна (lafruta@mail.ru),
Галиахметова Альбина Тагировна (albinagal2601@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПРЕССИИ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ИЛОНА МАСКА

LANGUAGE MEANS OF FORMING EXPRESSION IN ELON MUSK'S PUBLIC SPEECHES

**T. Galeeva
N. Merzlikina
I. Sinitsyna
E. Shugaeva**

Summary: This article is devoted to the study of the means of expression used by the famous entrepreneur Elon Musk, using the example of two speeches. As a result of the study, the main means of expression were identified, and it was also shown how they affect the audience. It was concluded that the use of these language tools is an effective way to convince the audience of the correctness of their ideas and increase the effectiveness of public speaking.

Keywords: expression, Elon Musk, persuasiveness, effectiveness, audience.

Публичные выступления Илона Маска – это одно из самых ярких и запоминающихся событий в мире бизнеса, науки и технологий. Каждый, кто слышал его речь, остаётся поражен ее силой, четкостью и убедительностью. В данной статье рассматривается, каким образом Илон Маск применяет различные языковые средства для формирования выразительности и воздействия на аудиторию.

Целью данной статьи является исследование средств экспрессии, используемых Илоном Маском в его публичных выступлениях. В частности, статья обращается к вопросам того, какие именно средства экспрессии он применяет, как их использование влияет на аудиторию, какие выводы можно сделать на основе анализа его выступлений.

Для достижения данной цели в статье были поставлены следующие задачи:

1. рассмотреть основные средства экспрессии, которые использует Илон Маск в своих публичных

Галеева Татьяна Ильинична
кандидат философских наук, доцент, Московский
Международный университет
t.galeeva@mtmu.ru

Мерзликина Наталья Ивановна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ), (г. Москва)
nataliamerzlik@gmail.com

Синицына Ирина Андреевна
кандидат филологических наук, доцент, Российский
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева,
(г. Москва)
sinitsyna@rgau-msha.ru

Шугаева Екатерина Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент, Московский
государственный университет технологий и управления
имени К.Г. Разумовского (ПКУ)
chougaeva@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию средств экспрессии, используемых знаменитым предпринимателем Илоном Маском, на примере двух выступлений. В результате исследования были выделены основные средства экспрессии, а также показано, как они влияют на аудиторию. Были сделаны выводы о том, что использование данных языковых средств является эффективным способом убедить аудиторию в правильности своих идей и повысить эффективность публичных выступлений.

Ключевые слова: экспрессия, Илон Маск, убедительность, эффективность, аудитория.

выступлениях;

2. проанализировать эффекты, производимые языковыми средствами на аудиторию;
3. сделать выводы о том, каким образом использование средств экспрессии может повышать убедительность и достигать коммуникативного эффекта.

Публичные выступления являются примером коммуникации, успешность которой важнейшим образом связана с воздействием на адресата. Публичная речь, в соответствии с классификацией Р.Я. Гальперина, принадлежит к формальному стилю английского языка – публицистическому, что определяет ее основные характеристики [2].

Особенности делового общения и политического дискурса являются объектом внимания современных исследователей: Жданыко А. П. [3], Крутова И.Н. [5], Николаева А.В. [9], Пальтова Д.В. [10], Плетнёва Н.С. [11], Чижикова С.Н. [12].

Взаимодействие говорящего и адресата речи, прагматический потенциал текста являются актуальными областями исследования в современной лингвистике: «Современная лингвистика всё чаще рассматривается исследователями в русле функционального подхода, для которого характерно системное изучение обеих сторон коммуникации – говорящего и слушающего. Одним из наиболее важных понятий в данном подходе является понятие эффективности коммуникации» [4, с. 76], «Сегодня всё чаще объектом лингвистического исследования становится речевая манипуляция. Исследуется как её вербальная, так и невербальная составляющие (интенции, ценности, эмоции)» [3, с. 50], «В качестве одного из примеров манипулятивности [...] можно привести использование эмоционально-окрашенной лексики, которая вызывает у реципиентов речи эмоциональный отклик и усиливает их чувства и убеждения» [8, с. 57], «Каждое выступление любого политика строится в соответствии с определенной миростратегией, для реализации которой подбираются нужные и эффективные языковые средства» [7, с. 290].

Говорящий должен стремиться максимально эффективно использовать экспрессивные возможности языка с целью убеждения аудитории в правильности своих идей, создания положительного образа своей личности и своего дела. При этом важным является то, что в случае неудачи в достижении коммуникативной интенции крайне сложным, если возможным, будет исправить возникшую ситуацию, так как не только факт неудачи закрепится в сознании адресата, но и в информационном поле надолго останется все то, что было выражено вербальными и невербальными средствами. Это требует ответственного подхода к подготовке и высокого уровня развития коммуникативной компетенции.

В связи с этим выбор языковых средств не может быть случайным и отражает ту часть языковой личности говорящего, которую он считает нужным предъявить своей аудитории, в том числе своим конкурентам.

При этом важен баланс между экспрессией и демонстрацией сдержанности и уверенности в себе, что влияет на соотношение экспрессивных, оценочных языковых средств и использования языковых единиц в их номинативном значении.

Под экспрессией в данной статье понимается «круг оттенков, выражаемых словом» [1, с. 25]. «Экспрессивность – совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию и адресату речи» [7]. Изучение способов формирования экспрессии является частью познания языковой картины мира говорящего, исследования его идиолекта. «Экспрессия всегда субъективна, характерна и лична» [1, стр. 25].

В статье рассмотрены экспрессивные средства различных языковых уровней, используемые Илоном Маском на материале широко известного выступления «Think big and dream even bigger» [15] перед выпускниками Калифорнийского технологического института «Caltech» (2012 год) и речи, произнесенной на конференции по климату в Париже в 2021 году, известной как «The 21st Conference of the Parties» (или «COP») [14]. Выбор данных статей основан на их языковом разнообразии, обусловленном различиями в аудитории, к которой обращается Маск, что, в свою очередь, приводит к различиям в использовании риторических средств. «Реализация [...] коммуникативной задачи, то есть форма репрезентации прецедента, во многом зависит от дискурсивной формации, в которой он представлен» [13, с. 387]. Исследование проведено на материале стенограмм выступлений, что исключило возможность изучения невербальных языковых средств и языковых единиц фонетического уровня.

Язык Илона Маска с точки зрения лексики является достаточно простым, не изобилующим научными, техническими терминами, а также относительно редко употребляемыми лексическими единицами и грамматическими структурами. Это делает содержание выступления доступным для слушателей и читателей, принадлежащим к различным социальным классам, сближает говорящего с его аудиторией. При этом речь также не перегружена эмоциональными, оценочными, аффективными речевыми единицами, что позволяет слушателю сконцентрироваться на ее предметно-логическом содержании.

Средства воздействия на аудиторию используются умеренно, сбалансировано. При анализе выступлений были собраны достаточно широкий перечень примеров использования экспрессивных средств различных языковых уровней.

Одним из основных средств риторики, которые Маск использует в своих выступлениях, являются метафоры. Они позволяют объяснить сложные технические концепции простым языком, что позволяет аудитории лучше понять его сообщение.

Например, в речи «Think big and dream even bigger» наука сопоставляется с концептом магии, данная метафора идёт красной линией через весь текст: *“In fact, I think it actually goes beyond that, because there are many things that we take for granted today that weren't even imagined in times past, that weren't even in the realm of magic.”* Лексема “magic” неоднократно применяется для описания необыкновенных достижений технического прогресса, например, в той же статье *“This stuff that really would be magic – that would be considered magic in times past”*. Развивая метафору, Маск иронизирует: *“the things we take for granted today, you'd be burned at stake for.”* *“Go out there and create some magic”* – мотивирующее обращение к студентам в конце выступления. Связь науки и магии в языковой картине мира Илона Маска может яв-

ляться предметом отдельного научного исследования.

Сравнение – еще один способ оказать влияние на чувства аудитории. Привлекая внимание к проблеме изменения климата, стремясь заставить слушающих испытать сильные чувства по поводу серьезности проблемы, Маск сравнивает последствия бездействия со всеми войнами в истории человечества: *The worst case however is more displacement and destruction than all the wars in history combined* (“The 21st Conference of the Parties”). Сравнительная формулировка здесь помогает живо представить, что могло бы случиться в будущем.

На лексическом уровне можно обнаружить употребление сленга, слов со сниженной стилистической окраской: *«But then eventually, I thought the idea of inventing would be really cool»; “Being able to fly. That’s crazy”* (“Think big and dream even bigger”), *“That is why I call it the dumbest experiment in history ever”* (“The 21st Conference of the Parties”), слов с непрямым просторечным значением *“...the rules today incent people to create carbon and this is madness”* (“The 21st Conference of the Parties”). Это создает впечатление спонтанности речевого акта, сближает говорящего с аудиторией, делает речь похожей на дружескую беседу. Важно отметить употребление данных лексем наряду с нейтральной и формальной лексикой.

Неформальные выражения и шутки формируют атмосферу доверия. Созданию данного эффекта способствуют просторечные слова и выражения: *“So, That was okay”; “That was 10 years ago, I guess”; “But if people think it’s impossible, then well it’s going to completely break the federal budget”* (“Think big and dream even bigger”), *When I was a little kid* (“The 21st Conference of the Parties”).

Использование сленга и просторечий создаёт более дружественную и неформальную атмосферу. Приведенные примеры широко используются в обществе, но обычно не употребляются в официальных выступлениях, что создаёт более расслабленную атмосферу и помогает установить связь с аудиторией.

Характерным также является использование небольшого количества фразовых глаголов, что делает речь менее книжной: *«So, I decided to drop out”: “Whenever we’d show the system off to someone, we’d show the hard part, which was the conglomeration of financial services, which is quite difficult to put together”* (“Think big and dream even bigger”). С этой же целью Маск использует идиомы: *«This is what I would call the turd in the punch bowl”* (“The 21st Conference of the Parties”).

Для усиления передаваемых смыслов, привлечения внимания адресата к затрагиваемой проблеме Илон Маск использует оценочные прилагательные: *«overwhelming signs of the consensus”; “a hidden carbon subsidy of enormous size”; “very, very extreme threat”* (“The 21st Conference of the Parties”).

Нельзя не отметить лёгкость, естественность, с которой все выше названные слова и фразы, принадлежащие к просторечию, сленгу, идиоматическим сочетаниям различного типа Илон Маск употребляет научную и деловую лексику, принадлежащую к формальным стилям, например *“I think it’s pretty much a given that the 2-degree C increase will occur”* (“The 21st Conference of the Parties”). Смешение стилей способствует созданию эффекта непосредственной беседы, идей, рождающихся прямо во время устного общения, как это бывает в разговоре, в неподготовленной речи.

В то же время известно, что ни одна публичная речь не является спонтанной. Даже если в ней не используются записи, она в любом случае до определенной степени всегда подготовлена заранее. Таким образом, можно сделать вывод, что Маск намеренно использует на лексическом уровне методы разговорной речи для привлечения к себе симпатий слушающих.

На морфологическом уровне также можно обнаружить некоторые языковые средства, экспрессивно окрашивающие высказывание: в речи *“Think big and dream even bigger” “I wasn’t that crazy”* – усилительное местоимение *that*, *“They thought I was crazy, but I did have money”* – вспомогательный глагол *did*, выполняющий в утвердительных предложениях эмфатическую функцию. В примере из той же речи *“it’s going to completely break the federal budget”* расщеплённый инфинитив выступает как эмфатическая конструкция, усиливающая значение слова *“completely”*.

Среди наиболее часто использованных усилительных синтаксических конструкций в обоих выступлениях можно выделить риторические вопросы, создающие эффект контакта с аудиторией, подчёркивающие важность того, что он говорит, призывающие аудиторию к размышлениям: *“How did these things happen?”* (“Think big and dream even bigger”), *“How do we accelerate this transition away from fossil fuels to a sustainable era and what happens if we don’t?”*, *“The worst case however is more displacement and destruction than all the wars in history combined. [...] Why would you do this?”* (“The 21st Conference of the Parties”). Обращаясь к аудитории и предлагая свои ответы на вопросы, Маск склоняет слушающих к принятию своей точки зрения. Риторические вопросы помогают удерживать внимание аудитории и подчеркивают ключевые идеи и убеждения.

Активно используется такой прием художественной выразительности, как повествовательные вопросы. Таким образом Маск создает видимость спонтанности рассуждения, в которое активно вовлекаются слушающие, делает содержание своей истории более близким, понятным и логичным для аудитории, сближаясь с ней: *“I always had an existential crisis, because I was trying to figure out ‘what does it all mean? Like what’s the purpose of things?’; “But then, I thought, well, what is a way to increase NASA’s budget? That was actually my initial goal.”* (“Think big and dream even big-

ger"). Как было отмечено выше, данная речь была произнесена перед студентами, для которой Маск последовательно выбирает языковые средства, приближающие выступление к разговорному стилю коммуникации.

В обоих рассматриваемых выступлениях можно наблюдать использование синтаксического параллелизма для привлечения внимания слушающих к определенным идеям, усиления воздействия сказанного на аудиторию: *"If you go back say, 300 years, the things we take for granted today, you'd be burned at stake for. Being able to fly. That's crazy. Being able to see over long distances, being able to communicate, having effectively with the Internet as a group mind of sorts, and having access to all the world's information instantly from almost anywhere on the earth"* ("Think big and dream even bigger") – ряды причастий описывают необычность и значимость перечисленных достижений человеческого прогресса. *"It's going into the air, and then getting absorbed by plants and animals, and then going back into the air, and this carbon is just circulating on the surface"* ("The 21st Conference of the Parties") – здесь также конструкция основана на причастиях настоящего времени, но в данном контексте они показывают непрерывность и повторяемость делящегося процесса.

Повторение слов и фраз – еще один инструмент риторики, которые Илон Маск часто использует в своих выступлениях. Повторение помогает закрепить в памяти аудитории основные идеи, а также подчёркивает их важность. Например, в выступлении "The 21st Conference of the Parties" Маск говорит о переходе на возобновляемые источники энергии следующими словами: *"The only thing we gain by slowing down the transition is just slowing it down. It doesn't make it not occur. It just slows it down"*. О кажущейся лёгкости основания успешной компании Маск рассказывает, сравнивая планы и реальность: *"Everything looks great on PowerPoint. You can make anything work on PowerPoint"* ("Think big and dream even bigger"), здесь Power Point, приложение для составления презентаций, ассоциируется с прототипом бизнеса в противопоставлении работающей компании.

Нередко Илон Маск прибегает к парцелляции, выстраивая таким образом высказывания, несущие наиболее важное или необычное, способное удивить аудиторию, смысловое содержание: *"So, I originally came out to California to try to figure out how to improve the energy density of electric vehicles – basically to try to figure out if there was an advanced capacitor that could serve as an alternative to batteries. And that was in 1995"*; *"And I did some Internet stuff, you know. I've done a few things here and there. One of which is PayPal"* ("Think big and dream even bigger").

Необходимо также упомянуть риторический приём «умолчание». Маск использует его в начале своей речи "The 21st Conference of the Parties", чтобы вызвать инте-

рес и внимание слушателей, не упоминая детали и технические аспекты проблемы: *"Where we are today is ... See, if this is working or not"*.

Следует отметить, что речь "The 21st Conference of the Parties" адресована более зрелой аудитории, имеющей высокое положение в обществе. В отличие от имеющего мотивационный характер и нацеленного на молодежь выступления "Think big and dream even bigger", данная речь представляет собой пример публицистического стиля, приближенного к научному, так как изобилует терминами из различных сфер (*"absolute zero"*; *"neutral carbon tax"*; *"untaxed negative externality"*). Некоторые грамматические конструкции здесь более сложные, характерные для письменной речи, например, сложные предложения *"They would take the approach of even though the overwhelming signs of the consensus was that smoking cigarettes was bad for you, they would find a few scientists that would disagree and then they would say, «Look, scientists disagree»*, страдательный залог группы Continuous: *"This is being fought quite hard by the carbon producers"*. При этом, как показал приведенный выше анализ, эта речь является эмоциональной, обращенной не только к логике, но и к чувствам аудитории, чему способствует сосуществование книжных и разговорных языковых приёмов в одном контексте.

В итоге можно сделать выводы о том, что использование средств экспрессии является эффективным способом убедить аудиторию в правильности своих идей. Это связано с тем, что данные средства помогают увеличить эмоциональную связь между говорящим и аудиторией, что повышает убедительность выступления. Таким образом, использование средств экспрессии может существенно облегчить взаимодействие участников коммуникативной ситуации.

Были проанализированы различные средства экспрессии, которые применяет Илон Маск в своих выступлениях. Было рассмотрено, каким образом использование риторических средств позволяет Илону Маску привлечь внимание аудитории и сделать идеи понятными широкой публике. Основные из них включают использование юмора, разговорного стиля в академическом контексте, риторических вопросов и повторов, а также эмоционально окрашенной лексики. Маск часто выражает свои идеи как что-то простое, используя примеры из повседневной жизни, таким образом они легко запоминаются и получают эмоциональный отклик.

Изучив языковые средства, используемые Маском в его выступлениях, можно выделить несколько основных приёмов, формирующих экспрессивные значения.

Во-первых, Маск использует метафоры и сравнения, чтобы создать более доступное для понимания изложение своих идей и проектов.

Во-вторых, он успешно использует просторечия, сленг, фразовые глаголы, оценочную лексику и усиленные конструкции, привлекая внимание своей аудитории, делая идеи более интересными, обеспечивая доверительную атмосферу между ним и слушателями.

В-третьих, Маск использует умолчание, парцелляцию и риторические вопросы для привлечения внимания к своим идеям и проектам. Он не останавливается на незначительных деталях и зачастую пропускает технические аспекты, чтобы вызвать интерес и желание узнать больше. Наоборот, при помощи этих языковых средств он подчеркивает общую цель и важность своих проектов.

В-четвёртых, стилистическая окраска выступления и выбор риторических и экспрессивных средств связана с адресатом речи и ее тематикой.

Таким образом, данное исследование показывает, что использование средств экспрессии Илоном Маском является важным компонентом успеха в публичных выступлениях. Маск мастерски использует риторические средства для формирования связи с аудиторией. Его выступления являются примером того, как правильное использование языковых приёмов и средств помогает достичь интереса и вовлечённости публики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. – 4е изд. – М.: Рус. яз., – 2001.
2. Гальперин, И.Р. Стилистика английского языка: учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков / И.Р. Гальперин. – 3-е изд. – Москва: URSS, 2010.
3. Жданько, А.П. Специфика речевых манипуляций в современной англоязычной интернет-рекламе (на примере рекламных видеороликов на портале Youtube) / А.П. Жданько // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2022. – № 1. – С. 50-54. – DOI 10.18137/RNU.V925X.22.01.P.050. – EDN TNYWKV.
4. Ковалева, С. В. Эффективность коммуникативного акта в контексте лингвопрагматики (на примере фольклорных текстов) / С. В. Ковалева // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности : Сборник научных трудов по итогам 5-й Международной научной конференции, посвященной 75-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Н.Ф. Алефиренко, Белгород, 17–19 сентября 2021 года. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2021. – С. 76-79. – EDN RGZGMN.
5. Крутова, И.Н. Информативность политического текста как способ влияния на реципиента речи (на примере выступления Президента США Дж. Байдена) / И.Н. Крутова, Г.А. Хорохорина, Е.А. Акбилек // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 6-2. – С. 64-68. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.06-2.12. – EDN FFEJYB.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
7. Малышкин, К.Ю. Прагмалингвистическая специфика речевой стратегии Б. Джонсона в политическом дискурсе Великобритании / К. Ю. Малышкин // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 5(96). – С. 290-293. – DOI 10.24412/1991-5497-2022-596-290-293. – EDN ONTCQD.
8. Манипулятивность как аспект воздействия на реципиента в политическом дискурсе / А.С. Калинина, Н.В. Полякова, В.А. Марциновская [и др.] // Современный ученый. – 2023. – № 3. – С. 56-60. – EDN LPURUC.
9. Николаева, А.В. Рекламный текст как источник лингвокультурной информации / А.В. Николаева, Т.Н. Шайхутдинова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 8(197). – С. 9-13. – DOI 10.23951/1609-624X-2018-8-9-13. – EDN VMXYOA.
10. Пальтова, Д.В. Особенности английского языка делового общения / Д.В. Пальтова, А.О. Костева, М.В. Шурупова // Лингвистика и лингводидактика: сборник научных тезисов и статей по материалам Всероссийской научно-практической очно-заочной конференции, Орехово-Зуево, 28 апреля 2023 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2023. – С. 208-211. – EDN KJSGTE.
11. Содержательно-подтекстовый слой информативности политического дискурса (на примере речи президента США Дж. Кеннеди от 22 октября 1962 г.) / Н.С. Плетнева, А.Д. Каплунова, Е.И. Пожидаева [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 7-2. – С. 97-101. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.07-2.18. – EDN KYBURS.
12. Чижикова, С.Н. Функциональные особенности лингвистических и паралингвистических феноменов в коммуникативном пространстве гипертекста (на материале гипертекстов по изобразительному искусству): специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чижикова Светлана Николаевна. – Ставрополь, 2012. – 21 с. – EDN ZOMPGR.
13. Чумак-Жунь И.И. Прецедентный феномен как метатекстовый знак. В сборнике: Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей IV Международного симпозиума: в 2 томах. 2020. С. 387-391.
14. Elon Musk. Full text of Elon Musk's Paris COP21 speech. URL: <https://www.autoblog.com/2015/12/05/full-text-of-elon-musks-paris-cop21-speech/> (дата обращения: 10.06.2023).
15. Elon Musk. Think big and dream even bigger. URL: <https://www.englishspeecheschannel.com/english-speeches/elon-musk-2021-speech/> (дата обращения: 10.06.2023).

ГЛАГОЛЫ НАЧАЛЬНОЙ ФАЗЫ БЫТИЯ, СУЩЕСТВОВАНИЯ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИЕ В ГОВОРАХ КАМЧАДАЛОВ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Каргина Анна Петровна

Кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга» (г. Петропавловск-Камчатский) annakarg@mail.ru

VERBS OF THE INITIAL PHASE OF BEING, EXISTENCE, FUNCTIONING IN KAMCHADALS DIALS: LEXICAL-SEMANTIC AND LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECTS

A. Kargina

Summary: The article examines the question of the existential aspect of the dialect picture of the world of the Kamchadals. The author dwells on the understanding of the existence of speakers of the Kamchatka dialect, which is dialects of secondary settlement. Based on the analysis of the verbs of the initial phase of being, existence, used by Kamchadals in speech, a conclusion was made about the detail in their linguistic picture of the world of the causation of the beginning of existence as a reflection of the existential process that is important for dialect speakers. The work was carried out within the framework of the implementation of a grant from the federal state budgetary educational institution of higher education «Kamchatka State University named after Vitus Bering» (competition of research grants of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kam State University named after Vitus Bering» 2023), scientific project No. 15-12 «Functional-semantic description of language units (based on Russian dialects of Kamchatka).»

Keywords: dialectal linguistic picture of the world, lexical-semantic system, existential verbs, dialects of the Kamchadals.

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос о бытийном аспекте диалектной картины мира камчадалов. Автор останавливается на осмыслении бытия носителями камчатского наречия, представляющего собой говоры вторичного заселения. На материале анализа глаголов начальной фазы бытия, существования, используемых камчадалами в речи, сделан вывод о детализации в их языковой картине мира каузации начала существования как отражении важного для диалектоносителей бытийного процесса. Работа выполнена в рамках реализации гранта федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга» (конкурс научно-исследовательских грантов ФГБОУ ВО «КамГУ им. Витуса Беринга» 2023 год), научный проект № 15-12 «Функционально-семантическое описание единиц языка (на материале русских говоров Камчатки)».

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, лексико-семантическая система, бытийные глаголы, говоры камчадалов.

Лексический уровень любой языковой системы, в том числе диалектной, – это связующее звено между языком и мышлением. Поэтому важно «детальное рассмотрение... лексикона и системных отношений внутри него, за счет чего языковая картина мира носителя диалекта просматривается еще рельефнее и ярче» [2, с. 491]. Разные этнические группы характеризуются «своими собственными специфическими характеристиками, непосредственно связанными с той или иной национальной общностью. Она обусловлена спецификой его исторического развития, культурными особенностями и традициями и той языковой средой, в рамках которой существует определенный этнос» [6, с. 8]. Эта специфичность диалектной картины мира, отражающая особый взгляд на окружающую действительность, отмечена многими исследователями [3; 4; 6; 8; 10]. Носитель диалекта оценивает мир «с точки зрения значимости его составляющих для удовлетворения своих

потребностей», а не просто познает его [4, с. 49]. Поэтому и процессы, представленные в мире, в том числе бытийные, отражаются в диалектной речи с этой прагматической точки зрения.

Категория бытийности в языке – одна из важных проблем в отечественном языкознании [1; 7; 13; 14]. Представление о бытии, существовании занимает важное положение в языковой картине мира любого этноса. Отражение бытийного пространства в мировосприятии диалектоносителей имеет свои особенности, которые проявляются в языке при использовании бытийных глаголов, обозначающих как «существование вообще: вне его качественных, темпоральных и локативных характеристик» [12, с. 77], так и содержащие в своей семантической структуре подобные характеристики.

Среди бытийных глаголов русского языка выделяют:

1) глаголы начальной фазы бытия, существования; 2) глаголы существования; 3) глаголы прекращения бытия [11, с. 458–462]. В настоящей статье рассмотрим глаголы¹ начальной фазы бытия, существования, функционирующие в камчатском наречии. Данная диалектная система представляет собой русские говоры позднего заселения, носителями которых первоначально были потомки браков казаков, приехавших на камчатские земли, и представительниц коренных народов полуострова (ительменов, коряков, эвенов).

В говорах камчадалов группу начальной фазы бытия, существования составляют как общерусские, так и собственно диалектные слова, не имеющие соотносительного по форме выражения слова в литературном языке [5, с. 29]. В пределах группы данных глаголов выделяют следующие подгруппы: 1) глаголы каузации начала существования (типовое значение: способствовать появлению, возникновению кого-чего-л); 2) глаголы начала существования (типовое значение: начинать или начать свое существование, появляться или появиться); 3) глаголы начала события, действия (типовое значение: начинать или начать совершать какие-либо действия, начинать или начать происходить) [11, с. 458–462].

Каузация начала существования выражается в говорах камчадалов прежде всего общерусскими лексемами **родить, рожать** в значении «Давать (дать) жизнь кому-л. путем родов, производить (произвести) на свет подобных себе – младенца, детеныша (о женщине или самке животного)»: *Была́ то́лько гинеко́логия, лежа́ли же́нщины, приходи́ли, рожа́ли и уходи́ли. Рожáли мно́го. У-К. Яа рожу́ ра́нше, яа узé в неде́лю хожу́ по́лностью, фсе́ рабо́тайу: и со ското́м, и те́сто ка́ждый день. Цуть на у́лицэ не роди́ла, яа койэ-ка́к добеза́ла, яа тут на койке и роди́ла. Клч. Корóва стéльная была́, да́ли траву́, йэйó ста́ло дуть, на́до пробе́жать йэйó и роди́ла². Млк.*

В системе камчатских говоров существуют собственно диалектные наименования, имеющие общий компонент указанного выше значения – «произвести (или производить) потомство»: **родивать, народивать**. В семантической структуре данных глаголов представлены актуальные для камчадалов семы.

Так, у слов **родивать** и **народивать** актуализируется сема «много, в большом количестве», но при этом отсутствует отрицательная коннотация, которая есть у сходного по значению глагола *нарожать*, функционирующего в литературном языке: *В три́дцатых*

года́х родива́ла, четы́ре бра́та бы́ло или пять ли, а оста́льныйэ дефчо́нки, а ра́нше́ так и родива́ли ско́лько у те́тушки быва́йт там, сто́лько и родива́ли, фсе́ так и у фсех, помно́гу бы́ло. Ско́лько родива́ла, помно́гу бы́ло по де́сять, двена́цать. Народи́вать — вот наро́дива́ла мать де́сять дите́й. Млк.

Для камчадалов, которые занимаются традиционными видами промысла (охотой, рыбалкой), а также животноводством, огородничеством, оказывается важным отразить в наименовании, какое именно животное производит потомство. Так проявляется «парцеллирование объектов концептуализации», характерное для диалектной языковой картины мира [9, с. 39].

Например, собственно диалектный глагол **кролиться** обозначает «Давать жизнь кому-л. путем родов, производить на свет подобных себе детенышей (о самке кролика)»: *Кро́лики кро́ляца помно́гу. У-Б.*

С другой стороны, диалектоносители используют общерусский глагол **котиться** для называния процесса рождения не только кошек, овец, коз, зайцев (как в литературном языке: *Ко́шечка око́тилась, вот тепе́рь котя́тки бе́гайт. Одна́ <коза> до́йна, фтора́йа дол́жна в а́вгусте око́тица. А о́фцы, уш сам зна́йэш, да э́та то́лько ф про́шлом году́ око́тилась. Кро́ликоф не так уш ма́ло, послéдняйа око́тилась, одна обгу́ляла, в ийу́ле дол́жна око́тица. Млк.*), но и собак: *У них су́чечка око́тилась, щас йэ́сть щено́к, не зна́йт. Млк.*

Общерусская лексема **телиться** используется в говорах камчадалов в том же значении, что и в литературном языке – «Рождать теленка (о корове, а также самке оленя, лося и некоторых других животных)»: *Коро́ва теле́тица, на́до йэйó подо́ить хоро́шо. Сбл. До́йка-то, йэ́сли рожа́йт каро́вы теле́ца, то разо́ф пять-шесть. Млк.*

Общерусский глагол **семениться** в системе говоров камчадалов имеет значение, отличное от значения идентичного по форме выражения глагола в литературном языке, и относится к действию не растений, а диких птиц. Он обозначает «Давать потомство, производить на свет подобных себе птенцов (о диких птицах)»: *Ле́том ани́ начина́ют семени́ца, дите́й производи́ть, ле́том не убива́ли нико́во, бчень стро́го бы́ло, до са́мой о́сени, пока́ птенцы́ не ста́нут на крыло́. Млк.*

Значительное место в языковой картине мира камчадалов занимают лексемы называющие процессы кауза-

1 Значения, совпадающие с идентичными по форме выражения глаголами литературного языка, даются по «Толковому словарю русских глаголов: идеографическое описание. (Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы)» под редакцией Л.Г. Бабенко [11]. В каждой группе дана не вся семантическая структура глагола, а представлен только тот лексико-семантический вариант, который соответствуют подгруппе.

2 Диалектная речь дается в упрощенной фонетической транскрипции.

ции начала существования рыбы. Период нереста – это время сезонной рыбалки, заготовки рыбы впрок для будущего пропитания членов своих семей, общины, а также кормления ездовых собак. Важность этого события подчеркивается наличием нескольких вариантных лексем для обозначения нереста рыбы: **нереститься**, **нерестовать**, **нерестоваться**, а также их приставочных дериватов.

Общерусский глагол **нереститься** употребляется в значении, присущем этой лексеме и в литературном языке, – «Находиться в состоянии нереста»: *Ф притоках нерестилась рыба, там делалась рыба, а потом в море*. Млк. В камчатском наречии имеются более употребительные словообразовательные варианты данной общерусской лексемы, представляющие собой собственно диалектные наименования:

Нерестовать. *Карась ниристуйэт обычно в гнилушке, где стойаच्या вода, йэво гибнет очень много*. Млк. *На медведя ф шесть часоф идеш на караулку, на то место, где рыба нэрэстуйэт*. Сбл.

Нерестоваться. *Перека́ты, где рыба нерестуйэца, нересту́ца, на быстрых местах мелких*. Млк. *Это уже осенью нерестуйуца, в зиму ону рано нерестуйуца*. Квр.

Глаголы *нереститься*, *нерестовать* и *нерестоваться* имеют распространенные в говорах камчадалов приставочные дериваты с приставками *от-* (**отнерестовать**, **отнерестоваться**), *с-* (**снерестовать**), *-об* (**обнереститься**): *Арабуць, она крепче, живёт длго, дажэ после тово, как отниристуйэца, он жэ ходит в родниковыйэ воды. Она отниристуйэт и в ийуне назат скатывайэца ф Камчатку, не пагибайэт, или в море пагибайэт. Белохво́ска обнересту́ца, пускайэт, прёт и умирайэт, блédнайа станóвица*. Млк. *Осенью снерестуйэт, а зимой живут – до весны, в реках*. Квр. Эти глаголы имеют финитивное значение, указывают на окончательное завершение процесса и относятся уже к другой группе бытийных глаголов (прекращения бытия).

Для выражения значения «Давать жизнь кому-л. путем родов, производить на свет подобных себе детенышей (самке животного)» в говорах камчадалов используется также общерусский глагол **плодить**: *Можэт, он сам там родилс в этом запуске, это йэйо гнездо, он там и плодит зверькоф своих*. Млк. В отличие от лексемы с идентичной формой выражения в литературном языке, в говорах данный глагол относится к каузации существования в мире животных, не имеет отрицательной коннотации. Для диалектоносителей оказывается неактуальной сема «много», характерная для данного глагола в литературном языке [11, с. 458]. Однако в дериватах этого слова в говорах явно прослеживается компонент, указывающий на многочисленность потомства. Например:

Расплодиться – «Произвести на свет многочисленное потомство, способствуя появлению, распространению каких-л. животных, размножиться». *А вот внук там ловит дажэ сазана, за Ключьями, он такой светлый, как карась, он там, здесь йэво не бывайэт, а вот карась ужэ расплодился, вездé йэсть*. Квр.

Для обозначения начала существования в мире растений используется собственно диалектный глагол **расплождаться**: «(о растениях) Давать ростки, способствуя появлению новых растений того же вида, размножаться вегетативным путем». *Туда вода не поступайэт <в корень>, и он расплождайэца. Расплождайэца, когда <о клубнике> усы дайот, ону ф землю когда фпутьивайуца, воста́йут, и дальшэ так эти усы расплождайуца, она выкыдывайэт прямо <усы>*. Млк.).

В числе глаголов каузации начала существования в говорах камчадалов можно назвать слова, относящиеся и к миру неодушевленной природы.

Например, глагол **разжигать** (или сов. **разжечь**) имеет такое же значение, как и идентичная по форме выражения лексема в литературном языке – «Способствовать появлению огня, производя определенные действия с какими-л. горючими материалами или с чем-л. способным гореть, воспламеняться»: *Вот обря́т начинайут, сначала огонь ражжечь, потом кормлют йэво*. Млк. *Выбирайут бат новый, кладут туда рыбу, ражжыга́ют костёр большой*. У-К.

В ходе сбора материала были обнаружены не все глаголы каузации начала существования, функционирующие в литературном языке. Например, не зафиксированы слова *рождать*, *зарождать*, *колоситься*. Это обусловлено, во-первых, экстралингвистическими факторами: из-за климатических условий выращивание злаков (ржи, пшеницы и других) на Камчатке не практикуется, в отличие от центральных территорий, поэтому глагол *колоситься* камчадалами не используется.

Неактуальны для камчатского наречия, как и для диалектов вообще, употребление слов в абстрактном значении [9, с. 42]. Глагол *зарождать* в переносном значении «Способствовать появлению в ком-л. каких-л. чувств, мыслей и т.п.» относится к области абстрактного мышления. Для камчадалов же более важным оказываются не размышления, а конкретные хозяйственно-бытовые действия (как, например, разжигание костра, уход за скотом). По этой же причине в речи диалектоносителей не зафиксировано значение лексемы **родить** («Дать (давать) начало чему-л., создать (создавать), послужить (служить) причиной появления чего-л.»), свойственное глаголам в литературном языке в рамках группы каузации начала существования [11, с. 458]. Вместо глагола *рождать* используются другие, синонимичные ему глаголы *родить*, *рожать*.

Следующая группа глаголов начальной фазы бытия – глаголы начала существования. Данная подгруппа представлена в камчатском наречии следующими общерусскими глаголами, значение которых совпадает со значением идентичных по форме выражения лексем в литературном языке.

Наступать (сов. наступить) – «Возникать (возникнуть), начиная проявлять свои признаки, особенности (о каких-л. состояниях) или начинаясь в определенный момент (о каких-л. отрезках времени)». *Зимá наступáйт, хóлодно им станóвица.* Клч.

Образоваться, образовываться – «Возникать (возникнуть) где-л., в чем-л., на поверхности чего-л. (о различного рода естественных, природных новообразованиях) или создаваться (создаться) в результате соглашения и деятельности людей по определенным правилам (о каких-л. группах, организациях и т.п.)». *Когдá дуйэт сéверный сýльный вéтер, из переметённово снéга образуйэца мнóго мéлких бугоркóф, и тундра кáжеца волнистой, на собáках йэздить бывáло плóхо.* Сбл.

Появляться (сов. появиться) – «Возникать (возникнуть) где-л., проявляя, обнаруживая себя каким-л. образом». *Сначяла не запрещáли промышлять, потóm рыбнадзór появилсá, гóльчики ловили.* Млк.

Родиться – «Возникать (возникнуть), появляться (появиться) на свет в результате акта рождения; начинать (начать) свою жизнь (о человеке, животном)». *Я родилась не здесь, в Анавгайэ я родилась, там жили.* Клч. *Йа родилась ф семьйэ заытоцьной.* Тгл. *Випороток – это о1ень мáленькой, тó1ко родилишá.* Кмн. Как показывает анализ контекстов, чаще данный глагол используется по отношению к человеку, а не животному.

В говорах камчадалов не были обнаружены в активном употреблении такие глаголы начала существования, как: *возникать, возрождаться, воссоздаваться, закрадываться, зарождаться, нарастать, нарождаться, организовываться, прорезываться, рождаться, складываться, создаваться, учреждаться, являться.* Это может быть вызвано большей употребительностью других глаголов со сходным значением. Например, глагола *появляться* – вместо *возникать, возрождаться, воссоздаваться; образовываться* – вместо *создаваться, учреждаться* и т.п. Во-вторых, значения некоторых глаголов (*закрадываться, зарождаться* и пр.) метафоризованы, относятся к области абстрактного мышления. Кроме того, труднопронизносимость некоторых глаголов (*учреждаться*) тоже может служить причиной нераспространения в говорах камчадалов.

Третья подгруппа глаголов начальной фазы бытия – глаголы начала события, действия. В рамках типового

значения данной подгруппы были зафиксированы следующие общерусские и собственно диалектные глаголы.

Общерусский глагол **загораться** имеет то же значение, что и соответствующая ему лексема в литературном языке – «Начать гореть (об огне или чем-л. способном воспламениться) или светиться, блестеть (о каком-л. источнике света)»: *Г дóму дáже никто не потхóдит, в двенáцать часóф, рассвет загорéлся.* Млк. В говорах имеется случай употребления глагола диалектного глагола **загореть** (без -ся) в идентичном значении: *Это свечá загорéла.* Млк.

С идентичным значением в говорах используется и другой общерусский глагол – **зажигаться**: *Жырник, такáйá жестянка, зажигайэца с угóлкóм, дéлайэца фитиль.* Млк.

Общерусский глагол **начинать** относится к данной подгруппе в двух значениях. Во-первых, в значении «Приступать (приступить) к какому-л. действию, приниматься (приняться) за какое-л. дело, совершая его с самой первой стадии, фазы». *Стёсывалу верх топорóм, начинáли кайурить. Потóm стáвилу четыре распóрки, начинáли рыбий жир топить.* Клч. *Собáка мэввэдя занюхаит в бэрлóге, в берлóгу прибежёт, начинáит láит.* Сбл. *Онi с вéчера прихóдит заквáску здéлать, онá звонит по магазíнам, по фсем, скóлько нáдо, потóm начинáйт печь.* Млк. Во-вторых, в значении «Делать (сделать) что-л. началом, первым, отправным моментом какого-л. действия, процесса, состояния»: *Начинáйтш уздéчкой дёргать, порóть, покá тот не начнёт рвáца фперёт.* Анв. Поскольку данный глагол часто используется при описании процессов, связанных с различными ремеслами, то естественно, что в диалектологических записях он встречается достаточно часто.

Общерусский глагол **светать** и синонимичный ему собственно диалектный глагол **зориться** используются в значении «Начинаться, становиться явным, видимым (о наступлении светлого времени перед восходом солнца)»: *О рассвéте – зóрица, стáло быть, светáйт.* Млк *Потóm говорит, нáдо г бéрегу, г бéрегу, цуть стáло светáть.* Кмн.

Также в говорах функционирует собственно диалектный глагол **морочать** в значении «Становиться пасмурным перед ненастьем»: *Морочáйт, стáло быть, дóждь бóдет.* Млк.

Неактуальными для говоров оказываются такие глаголы, составляющие подгруппу начала события, действия в литературном языке, как: *возобновлять, возобновляться, воспламениться, вспыхивать, приниматься, приступать, рассветать, стартовать* [11, с. 462–463]

Таким образом, группа глаголов начальной фазы бытия, существования представлена в говорах камчадалов как общерусскими, так и собственно диалектными словами, которые составляют три подгруппы: глаголы начала каузации бытия, существования; глаголы начала существования; глаголы начала события, действия.

Проведенный анализ показал, что для диалектной картины мира камчадалов характерна детализация при обозначении процесса каузации начала существования. Если речь идет о субъекте действия – человеке, то широко употребимы не только общерусские лексемы (*родить*, *рожать*), но их собственно диалектные варианты, в которых актуализируется сема – «много, в большом количестве» (*родивать*, *народивать*). При этом данные глаголы не имеют отрицательного коннотативного компонента (в сравнении со сходными глаголами, функционирующими в литературном языке, *нарожать*, *наплодить*). Наоборот, диалектные контексты употребления этих слов показывают отношение камчадалов к многодетности как к распространенному и социально одобряемому явлению. В некоторых глаголах лексическая сочетаемость оказывается шире (*котиться*) или иной (*семениться*) по сравнению с литературной лексемой.

Диалектные бытийные глаголы детализируют представление носителей об окружающем мире, выделяя важные для них аспекты бытийности в мире животных (*семениться*, *расплодиться*, *котиться*, *телиться*, *кролиться*, *нереститься*, *нерестовать*, *нерестоваться*) и, в меньшей степени, растений (*расплодяться*). Это свя-

зано с тем, что огородничество не было традиционным видом деятельности народов Камчатки. Камчадалы занимались собирательством дикоросов, ягод, корней. Но этот вид пищи не был основным (в отличие от рыбы и мяса диких животных), поэтому в языке не представлены глаголы, которые бы детально описывали особенности начала бытийности, существования отдельных растений.

При обозначении начала существования и начала события, действия уже не наблюдается детальности в описании процессов (исключение составляют названия, относящиеся к явлениям природы: *светать*, *морочать*, *зориться*). Диалектоносители используют, в основном, общерусские слова (*наступать*, *появляться*, *образоваться*, *родиться*, *начинать*, *загораться*, *зажигаться*) в их прямых значениях, причем употребление этих лексем в образном и переносном значениях, собственных глаголам в литературном языке, практически не встречается, что говорит о конкретности мировидения носителей диалекта, преимущественно перцептивно-чувственном познании ими действительности, а также об отражении в акте номинации процессов тех деталей, которые представляют ценность для носителя камчатских говоров.

Список сокращений названий некоторых населенных пунктов Камчатского края

с. Анавгай – Анв., с. Каменское – Кмн., с. Ковран – Квр., п. Ключи – Клч., с. Мильково – Млк., с. Соболево – Сбл., с. Тигиль – Тгл., с. Усть-Большереецк, п. Усть-Камчатск – У-К.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И.В. История изучения категории бытийности в русистике / И.В. Андреева // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе», Нижний Новгород, 01–03 декабря 2017 года / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Деком»», 2018. С. 11-17.
2. Беленкевич Е.В. Языковой и ментальный портрет диалектной языковой личности в русле лингвоперсонологии // МНКО. 2019. №6 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoy-i-mentalnyu-portret-dialektnoy-yazykovoy-lichnosti-v-rusle-lingvopersonologii> (дата обращения: 02.02.2024).
3. Бец М.В., Лушпей А.А. Диалектная картина мира как лингвокультурологический феномен (на материале диалектизмов русского и немецкого языков) // МНКО. 2017. №6 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektnaya-kartina-mira-kak-lingvokulturologicheskii-fenomen-na-materiale-dialektizmov-russkogo-i-nemetskogo-yazykov> (дата обращения: 02.02.2024).
4. Демидова К.И. Языковая картина мира в региональном аспекте (научная школа доктора филологических наук, профессора К.И. Демидовой) // Педагогическое образование в России. 2015. №12. С. 47-51
5. Ильинская Н.Г. Общерусское слово в лексикологическом аспекте. Петропавловск- Камчатский, 2001.
6. Карапетян Е.А. Картина мира и ее отражение в культурно-языковой среде // Научный журнал КубГАУ. 2013. №90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-i-ee-otrazhenie-v-kulturno-yazykovoy-srede> (дата обращения: 02.02.2024).
7. Лекант П.А. Быть или небыть // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной памяти д. филол. н., профессора К.А. Войловой, Москва, 25 февраля 2019 года / Отв. ред. О.В. Шаталова. М.: Московский государственный областной университет, 2019. С. 135-138.
8. Овчинникова Л.Н. Диалектная языковая картина мира в социально-культурном аспекте (на примере глагольных метафор русских народных говоров Среднего Урала) // Политическая лингвистика. 2006. №18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektnaya-yazykovaya-kartina-mira-v-sotsialno-kulturnom-aspekte-na-primere-glagolnyh-metafor-russkih-narodnyh-govorov-srednego-urala> (дата обращения: 29.01.2024).
9. Радченко О.А. Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идеоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25-48

10. Самситова Л.Х. Диалект как отражение языковой картины мира (на примере северо-западного диалекта башкирского языка) // МНКО. 2020. №6 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialekt-kak-otrazhenie-yazykovoy-kartiny-mira-na-primere-severo-zapadnogo-dialekta-bashkirskogo-yazyka> (дата обращения: 02.02.2024).
11. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. (Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы) / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.
12. Чудинов А.П. Лексика существования в современном русском языке (глаголы со значением рождения, жизни и смерти). Автореф. дисс...канд. филол. наук. М., 1979.
13. Шаталова О.В. Концепт «Бытие» в русском языке: история и современное состояние // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2010-02-007-shatalova-o-v-kontsept-bytie-v-russkom-yazyke-istoriya-i-sovremennoe-sostoyanie-mosk-gos-obl-un-t-m-2009-318-s-bibliogr-s-285-314> (дата обращения: 28.01.2024).
14. Широких И.А. О категории бытийности и ее репрезентации в языке // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2015. № 1. С. 165-169.

© Каргина Анна Петровна (annakarg@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭВФЕМИЗМОВ В ДЕТСКОЙ АНИМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТФИЛЬМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

FEATURES OF TRANSLATION OF EUPHEMISMS IN CHILDREN ANIMATION (BY THE MATERIALS OF ENGLISH TO RUSSIAN TRANSLATION OF CARTOON FILMS)

*M. Mardanova
Y. Korol*

Summary: This article is devoted to the specifics of the translation of euphemisms in children animated films. Euphemisms of children English animation have expressive, characterological and formative functions. A distinctive feature of euphemisms in children animation is their occasional nature and special lexical-semantic structure. The specificity of the translation of the author's euphemism is due to the preservation of both the original semantic structure in the target language and the preservation of the expression plan, which consists in creating a comic effect. The translator's task is complicated by taking into account the cognitive characteristics of the recipient, observing the educational function of the material, and also relying on video sequences.

Keywords: translation transformations, euphemism, audiovisual text, animated film, semantic field, representative translation.

Марданова Мария Алексеевна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Сургутский государственный университет
mardanova_ma@surgu.ru

Король Елена Витальевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Сургутский государственный университет
korol_ev@surgu.ru

Аннотация: Данная статья посвящена специфике перевода эвфемизмов в детских мультипликационных фильмах. Эвфемизмы детской англоязычной анимации обладают экспрессивной, характерологической и формирующей функциями. Отличительной особенностью эвфемизмов в детской мультипликации является их окказиональность и особая лексико-семантическая структура. Специфика перевода авторского эвфемизма обусловлена сохранением как оригинальной семантической структуры в переводящем языке, так и сохранением плана выражения, заключающегося в создании комического эффекта. Задача переводчика осложняется учетом когнитивных особенностей реципиента, соблюдением воспитательной функции материала, а также опорой на видеоряд.

Ключевые слова: переводческие трансформации, эвфемизм, кинотекст, анимационный фильм, семантическое поле, репрезентативный перевод.

Детский мультипликационный жанр является важным средством развития и воспитания молодого поколения. Актуальность проведенного исследования обусловлена популяризацией англоязычных мультфильмов, необходимостью выбора правильной переводческой стратегии при переводе материала, адресованного детской аудитории, а также недостаточной изученностью проблемы перевода в кинотексте мультипликации в общем и перевода эвфемизмов с учетом сохранения их контекстуального функционирования и адекватности восприятия целевой аудиторией. Материалом для исследования послужили 112 пар лексических единиц на английском и русском языках, полученных методом сплошной выборки из анимационных фильмов "Paw Patrol" (Канада, Guru Studio, Spin Master Entertainment 2013-2022), "Luca" (США, Walt Disney Pictures, Pixar Animation Studios 2021), "Puss in Boots" (США, DreamWorks Animation, 2011), "Sing" (США, Illumination Entertainment 2016), "Monsters University" (США, Walt Disney Pictures, Pixar Animation Studios 2013) общим хронометражем 450 минут видео на английском и русском языках. Выбор материала исследования обусловлен популярностью

и значимостью в социально-психологическом аспекте современных аудиовизуальных материалов для детей. Большинство критических отзывов на обозначенные мультфильмы носят одобрительный и рекомендательный характер. Затрагиваемые в мультфильмах темы содержат развивающий, воспитательный компонент, в том числе способствуют развитию личностных качеств взаимодействия в команде, оказания помощи слабым. Мультипликационный материал отличается отсутствием элементов насилия, что является важной составляющей воспитательной функции текстов, адресованных детской аудитории.

Языку анимации присуща динамичность, эмоциональность, образность, наличие простых и понятных шуток. Принцип простоты и образности языка мультипликации в сочетании с комедийной основой жанра обуславливает необходимость исследования собственно лингвистической стороны языкового оформления или специфического вербального комического аспекта в кинотексте детской мультипликации. Проблеме перевода аудиовизуальной продукции посвящены работы таких

исследователей, как М.Б. Ворошилова [1], М.С. Габрусенко [2], В.Е. Горшкова [3], F. Chaume [7], R. González [8], J. Vandaele [12] и др. Вербальные элементы кинопродукции сильно зависят от других акустических характеристик, но прежде всего от ряда визуальных компонентов, с которыми они неразрывно связаны. Следует отметить, что при переводе отдельных лексических конструкций необходимо учитывать целевую аудиторию и степень ее готовности выполнить работу по распознаванию замысла, а именно количество когнитивных усилий, затрачиваемых реципиентом в каждом отдельном случае [6].

Одним из ярких стилистических средств, используемых в кинотекстах анимационных фильмов в качестве дополнительной эмоционально-экспрессивной характеристики персонажа, являются выражения, которые герои используют с целью выражения эмоции внезапного негодования. Подобные выражения по смыслу близки к бранным словам, однако по форме противопоставляются сквернословью и в своем составе содержат эмоционально-нейтральные лексемы. Именно стилистические особенности данных выражений делают их эмоционально-окрашенными. Исходя из приведенной характеристики можно определить описываемые выражения как эвфемизмы. На сегодняшний день существует достаточно большое количество определений термина «эвфемизм». Согласно одному из самых распространенных, под эвфемизмом понимаются «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [5]. Словарь “Webster’s Ninth New Collegiate Dictionary” предлагает следующую дефиницию: A euphemism is a metaphorical or metonymic use of an expression in place of another expression that is disagreeable or offensive (Эвфемизм – это метафорическое или метонимическое использование выражения вместо какого-либо другого нежелательного или оскорбительного выражения) [10]. Скребнев Ю.М. относит эвфемизмы к социальному явлению, когда табуированное выражение заменяется на менее прямолинейное, смягченное, безобидное. Он также определяет эвфемизм как стилистический эффект, при котором “сильное” выражение уступает место ослабленному, и может быть выражен различными лексическими средствами, в том числе такими средствами выразительности как мейозис или «преуменьшение» [4].

Исследователи выделяют различные виды эвфемизмов. Так, например, лингвистические эвфемизмы можно разделить на абстрактные эвфемизмы, косвенные эвфемизмы, литоту, модификацию, персонификацию, сленг и так называемое «ослабленное восклицание» [11]. В настоящей работе мы обращаемся к последнему типу эвфемизмов, поскольку именно они отличаются усиленной экспрессивностью и отличаются особой семантической структурой в кинотексте детской анимации. Ослаблен-

ное восклицание (minced oath) – термин, который в настоящее время недостаточно изучен в русскоязычных научных источниках, однако широко используется в англоязычной лингвистике. Профессор лингвистики университета Западной Вирджинии Кирк Хейзен определяет ослабленное восклицание как форму эвфемистического синонима, выполняющего функцию смягченной и социально приемлемой формы бранного выражения [9].

В мультипликационном тексте эвфемизмы выступают не только в качестве метафорического средства выражения эмоционального состояния, но и лексико-семантически маркированы таким образом, что лексемы, входящие в их состав, позволяют определить характеристику адресанта (род деятельности, уровень образованности, возраст и др.). Так, эвфемизмы обладают характерологической функцией, а особенности плана содержания и плана выражения позволяют отнести их особому вербальному средству создания комического эффекта.

Рассмотрим выделенный корпус исследуемых единиц в анимационных фильмах “Paw Patrol” и “Luca”. Исходя из функции эвфемизмов в мультфильме удачный перевод предполагает передачу задействованного в образуемой лексической единице его семантического поля, что позволяет сохранить контекстуальные связи и стилистический эффект текста, сопровождаемого видеоизображением реакции на реплику. Название семантического поля соответствует роду деятельности персонажа. Так, например, эвфемизмы в лексиконе Фермерши Юми (Farmer Yumi) относятся к семантическому полю «Ферма», а эвфемизмы Капитана Палтуса (Captain Turbot), его брата Франсуа Палтуса (Francois Turbot), а также персонажа Луки (Luca) – жителя подводного царства – к семантическому полю «Море». Следующие примеры официального дублированного перевода иллюстрируют репрезентативный перевод с сохранением комического эффекта за счет сохранения семантического поля: (Таб. 1.)

В фильме “Sing” следует выделить ослабленные восклицания, которые не обладают непосредственно характерологической функцией и семантически не связаны со сферой деятельности персонажа. Такие ослабленные восклицания представляют собой намеренно неправильное произношение подразумеваемого оригинального бранного выражения: (Таб. 2.)

В данном случае при переводе важно передать главным образом фонетические особенности эвфемизма, реализующие в ассонансе либо аллитерации как фонологических стилистических приемах, создающий комический эффект:

В фильме “Monsters University” примером модификации фонографической структуры бранного выражения

Таблица 1.

Имя персонажа	Семантическое поле	Исходный язык	Переводящий язык
Фермерша Юми	Ферма	<i>Peach fuzz!</i>	<i>Сливовый джем!</i>
		<i>Peach fuzz!</i>	<i>Садовая голова!</i>
Капитан Палтус	Море	<i>Suffering seahorses!</i>	<i>Клянусь морскими коньками!</i>
		<i>Clamoring clamshells!</i>	<i>Вот же морские моллюски!</i>
		<i>Blubbing blowfish!</i>	<i>Ревущий иглобрюх!</i>
		<i>Suffering snails!</i>	<i>Морские улитки!</i>
Франсуа Палтус		<i>Bleu fish!</i>	<i>Морской царь!</i>
Лука		<i>Mother-of-pearl!</i>	<i>Матерь осьминожья!</i>
Клетус	Мосты	<i>Bust my bridges!</i>	<i>Разорви меня мост!</i>
Эльф Перси	Рождество	<i>Jingle-jangle-jeepers!</i>	<i>Ринди-Дэли-Хваст!</i>

Таблица 2.

Исходный язык	Переводящий язык
- I can't even keep count of the steps!	- Я даже шаги считать забываю!
- Ugh! Counting schmounting!	- А! Шаги-шмаги!

Таблица 3.

Исходный язык	Переводящий язык
<i>Cheese 'n crackers!</i>	<i>Шиш мою киш-миш!</i>
<i>Son of a mustache!</i>	<i>Монстричь-перемонстричь!</i>

может быть следующее ослабленное восклицание персонажа в ситуации типичной для употребления подобных выражений – неожиданное ощущение сильной боли в сочетании с досадой. Персонаж, участвующий в гонке, внезапно наступает на острый шип, а сразу после этого оступается и падает на целое скопление острых шипов. Ситуация побуждает героя использовать в реплике градацию эвфемистических конструкций, функционирующих как ругательства на негативную реакцию (боль, обида и т. д.), что выражается не только в удлинении фразы, но и в усилении оригинальности восклицания: (Таб. 3.)

Как видно, в дублированном переводе удалось передать как фонетическое своеобразие эвфемизма путем использования ассонанса и аллитерации, так и образ персонажа. В данном переводе используется прием функциональной замены, когда вызывают затруднения представить прямой перевод подразумеваемого восклицания *Jesus Christ (Cheese 'n crackers)* в первой части высказывания, а во втором предложении, несмотря на то, что лексема *mustache (усы)*, служащая для описания образа персонажа, носящего усы, не переводится и опускается, в замене за счет окказиональных выражений с корнем *монстр* достаточно успешно реализуется характерологическая функция, поскольку герой является монстром.

В фильме *"Puss in Boots"* интерес представляет прием

функциональной замены оригинального ослабленного восклицания в переводе на русский язык. Так, например, герой Кот (Puss), который в одноименном мультфильме является испанцем, произносит восклицание *"Holy frijoles!"*. Данное выражение обладает функцией передачи эмоционального состояния героя (в данном случае удивления) и характерологической функцией, поскольку содержит испанское слово *frijoles*. Комический эффект создается за счет наличия ритмического фонологического приема ассонанса и аллитерации, оксюморонного сочетания лексемы *holy* (святой) и лексемы *frijoles* (фасоль), а также маркера испаноязычной принадлежности. В дублированной версии применяется репрезентативный перевод данной реплики: *«Санта бурритос!»*. Как видим, комический эффект сохраняется при передаче испаноязычной принадлежности за счет использования окказиональной лексемы *бурритос* с основой от лексемы *буррито*, что является национальным мексиканским блюдом и легко узнаваемо для реципиента. Также переводчику удалось добиться комического эффекта при сохранении парадокса в сочетаемости возвышенного *Санта* (от исп. *santa* – святой) и слова, обозначающего продукт питания. Использование огубленного гласного /y/ в переводящей лексеме *бурритос* обусловлено соблюдением липсинга в аудиовизуальном контексте.

Важно отметить, что в текстах перевода исходных англоязычных восклицаний есть также и немало при-

Таблица 4.

Имя персонажа	Семантическое поле	Исходный язык	Переводящий язык
Капитан Палтус	Море	<i>Suffering scallops!</i>	<i>Только не это!</i>
Мэр Хамдингер	Кошка	<i>Hairballs!</i>	<i>Ну вот!</i>
Дядя Отис	Золото	<i>Galloping gold dust!</i>	<i>Разрази меня гром!</i>
Мистер Вингнат	Пустыня	<i>How in the ding-dong desert am I gonna get you back?</i>	<i>И как же я теперь вас всех соберу?</i>

меров недостаточно репрезентативных трансформаций, где переводчик сохраняет только сюжетную линию диалоговых реплик, не учитывая отнесенность к семантическому полю эвфемизма исходного варианта, что снижает стилистический и юмористический эффект. В качестве наглядности обратимся к примерам менее удачного перевода эвфемистических восклицаний в дублированной версии фильма *"Paw Patrol"*: (Таб. 4.)

Как показывают примеры, в переводящем языке не передаются семантические особенности и характерологические функции эвфемизма, что приводит к потере комического эффекта. В случае нерепрезентативного перевода комические эвфемизмы заменяются на узуальные восклицания. Так, например, для реплики *'Suffering scallops!'* более подходящим по своему плану содержания мог бы стать перевод *«Морские гребешки!»* (автор.), поскольку фраза с лексемами, относящимися к семантическому полю «Море», способствует сохранению комического эффекта. Кроме того, использование лексем данного семантического поля при переводе оправдано наличием в кинотексте других фраз подобного рода (*'Suffering snails!'*, *'Suffering seahorses!'*, и др.), где переводчик сохранил семантику восклицания. Именно повтор преобразования будет нести не только стилистическую, но и характерологическую функцию в представлении персонажа.

Отдельно стоит выделить ситуативные эвфемизмы, которые характеризуют не персонаж, а ситуацию, в которой он находится. Так, например, в мультфильме *"Paw Patrol"* Мэр Гудвей произносит фразу *'Cabin beetles!'*, выражая негодование по поводу пропажи ценной карты, которую украл Мэр Хамдингер из хижины. Выбор лексем для данного эвфемизма основан на предлагаемой ситуации: герои находятся в хижине, кишасей жуками. В переводе реплики не передается комический аспект, создаваемый семантическими признаками лексем в составе оригинальной фразы в исходном языке: *«Вот незадача!»*. Вместе с тем, восклицание, предлагаемое

в переводящем языке можно назвать репрезентативным, поскольку оно имеет характерологическую функцию, представляя адресанта как взрослого, образованного и порядочного гражданина, которым является положительный персонаж Мэр Гудвей. Другие персонажи, использующие в речи комические эвфемизмы, относятся к среднему классу, имеют низкий уровень образования, либо являются отрицательными персонажами, что объясняет наличие так называемых бранных слов в их лексиконе.

Таким образом, эвфемизмы, используемые в детской англоязычной анимации, являются образными речевыми средствами, выполняющими определенные функции в кинотексте. Они привлекают внимание, характеризуют персонажа-адресанта, воздействуют на психоэмоциональную сферу зрителя, создавая комический эффект. Отличительной особенностью эвфемизмов в детской мультипликации является их окказиональность и особая лексико-семантическая структура. Лексем в составе эвфемизма принадлежат определенному семантическому полю, характеризуя персонажа, что выстраивает ассоциативные связи между эвфемизмом и его «автором». Такая структура авторского эвфемизма способствует созданию комического эффекта, который необходимо сохранить при передаче на переводящий язык. Одним из главных условий репрезентативного перевода является сохранение оригинальной семантической структуры в переводном эвфемизме. При использовании данной переводческой стратегии, автор имеет широкие возможности для языкового творчества, при условии сохранения ритмики и рифмовки фразы, а также придания ей узнаваемого национального колорита. Возможен также вариант замены оригинальной реплики с эвфемизмом на узуальное восклицание в том случае, если реплики героев, содержащих эвфемизмы (ослабленные восклицания) не поддерживаются видеорядом и не имеют ситуаций повторяемости в других эпизодах для необходимости передачи характерологической особенности персонажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: кинотекст // Политическая лингвистика. Выпуск (2) 22. Екатеринбург, 2007. С. 106–110. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/voroshilova07.htm>

2. Габрусенок М.С. Значенко В.С. Особенности перевода мультипликационного фильма с английского языка на русский и с русского на английский / М.С. Габрусенок, В.С. Значенко - Минск: Изд. центр БГУ, 2016. 270 с.
3. Горшкова В.Е. Перевод в кино. Иркутск, ИГЛУ, 2006. 278 с. URL: <https://rucont.ru/efd/199913>
4. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка / Ю. М.Скребнев. – 2-е изд. испр. – М.: Астрель, 2003. С. 54, 76.
5. Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 590.
6. Antonopoulou E. Humor Theory and Translation Research: Proper Names in Humorous Discourse. *Humor, the International Journal of Humor Research* 17:3, 2004. pp. 219-255.
7. Chaume F. *Audiovisual Translation: Dubbing*. Manchester & New York: St. Jerome, 2012. P. 149-150.
8. González R. Humorous elements and translation in animated feature films: DreamWorks (2001-2012). URL: https://www.researchgate.net/publication/323180389_Humorous_elements_and_translation_in_animated_feature_films_DreamWorks_2001-2012
9. Hazen K. Zounds! What the fork are minced oaths? And why are we still fecking using them today? July 16, 2020. URL: <https://theconversation.com/zounds-what-the-fork-are-minced-oaths-and-why-are-we-still-fecking-using-them-today-141423>
10. Mish F. *Webster's Ninth New Collegiate Dictionary*. Springfield, MA: Merriam-Webster, 1991. P. 428.
11. Nichol M. 7 Types of Euphemism URL: <https://www.dailywritingtips.com/7-types-of-euphemism/>
12. Vandaele J. Each Time We Laugh. Translated Humor in Screen Comedy. In: Vandaele, Jeroen (ed.) 1999. *Translation and the (Re)location of Meaning. Selected papers of the CETRA Research Seminars in Translation Studies 1994-1996*. Leuven: KUL Publications, 1999. pp. 237-272.

© Марданова Мария Алексеевна (mardanova_ma@surgu.ru), Король Елена Витальевна (korol_ev@surgu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЦЕНАРНЫХ ТЕКСТОВ

LINGUISTIC FEATURES OF SCENARIO TEXTS

**O. Matekhina
O. Popova**

Summary: The article raises the problem of characterizing the linguistic features of scenario texts by identifying how certain textual categories, such as informativeness, connectivity, intertextuality, pragmatic categories of the addressee and communicative orientation, are implemented in them. Having analyzed an amount of scientific literature on textual studies, genre studies, and scenario activity, the authors define what exactly those categories are and identify the textual categories that have specific features of implementation in scenario texts. Having considered numerous samples of scenarios of various types, the authors conclude that, despite the genre diversity and content dissimilarity, scenario texts have common linguistic features. These include: preliminary nature of the text, implicitness of information, fragmentation and structural isomorphism, intertextuality.

Keywords: scenario text, constructible text, hypertext, textual categories, informativeness, connectivity, intertextuality.

Матехина Ольга Геннадьевна

кандидат педагогических наук, доцент, Сибирский государственный индустриальный университет (г. Новокузнецк)

matehina@yandex.ru

Попова Ольга Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, Сибирский государственный индустриальный университет (г. Новокузнецк)

laskovezz@yandex.ru

Аннотация: В статье поднимается проблема характеристики лингвистических особенностей сценарных текстов на основе выявления особенностей реализации в них текстовых категорий информативности, связности, интертекстуальности, прагматических категорий адресата и коммуникативной направленности. На основе анализа научной литературы по текстологии, жанрологии, сценарной деятельности авторы определяют понятия категорий и выделяют текстовые категории, которые имеют специфические особенности реализации в сценарных текстах. В результате текстового анализа образцов сценариев различных видов авторы приходят к выводу, что, несмотря на жанровое разнообразие и содержательную неоднородность, сценарные тексты обладают общими лингвистическими особенностями. К ним относятся: предварительный характер текста, имплицитность информации, фрагментарность и структурный изоморфизм, интертекстуальность.

Ключевые слова: сценарный текст, текст-конструктор, гипертекст, категории текста, информативность, связность, интертекстуальность.

Введение

Одним из спорных вопросов современной лингвистики является характеристика сложных текстовых образований – первично-вторичных и вторичных текстов, текстов-конструкторов, гипертекстов, которые представляют собой многоуровневую структуру разных по сложности и относительной самостоятельности микротекстов, интегрированных в сложное лингвистическое целое. Развитие цифровой коммуникативной среды открыло новые возможности для трансформации прототекста и установления его связей с другими вербальными и невербальными семантическими структурами. Сложность внутренней структуры таких произведений, их открытая интертекстуальность, гибкость жанровой модели создают дополнительные трудности в идентификации, описании и обозначении границ подобных текстов.

Примером таких сложных текстовых структур являются сценарные тексты. Сценарии обнаруживают признаки гипертекстуальности и могут быть описаны как тексты-конструкторы. В то же время использование данных текстов в самых разных сферах деятельности, широкое многообразие жанровых разновидностей сценар-

ных текстов приводят к трудности определения самого понятия «сценарный текст» и выделения его признаков. Многочисленные исследования сценария носят в основном драматургический или предметно-методический характер, тогда как вопросы текстовой характеристики и выделения лингвистических особенностей сценариев остаются малоизученными [15].

Цель исследования – охарактеризовать лингвистические особенности сценарных текстов: особенности реализации текстовых категорий информативности, связности, интертекстуальности, прагматических категорий адресата и коммуникативной направленности.

Постановка проблемы

Анализ научных источников выявил проблему определения понятия «сценарий». Во-первых, само толкование термина «сценарий» не имеет точности и определенности – от сценария театрализованных представлений или балетного либретто до сценария учебной программы. Происхождение слова «сценарий» связывает его именно с театром. Однако в настоящее время данное название используется и для текстов, не связанных с театральной сферой, – в качестве примера можно привести

понятие «нетеатрализованный сценарий», используемое в работах М.И. Маршака [11]. Понятие «сценарий» во многих работах связывается даже не с текстом, а с определенной программой или моделью деятельности, которая имеет потенциальную возможность к реализации: например, в конструкциях «сценарий развития», «сценарий ведения переговоров», «метод сценария» и т.д. [2, 9] Во-вторых, узкопредметный характер многих определений ориентирует на конкретную жанровую разновидность сценариев. Приведем несколько примеров: «литературное произведение с подробным описанием действия, на основе которого создается кинофильм» [1], «своеобразная драматургическая форма, рожденная соответствующим конкретным «социальным заказом», предполагающая литературно-сценическую разработку содержания клубного мероприятия, с последующим подробным описанием действия на его различных сценических площадках» [5]. Традиционное определение сценария как текста предварительного характера, текста – основы будущего представления мы находим у В.М. Кожевникова: «Сценарий – предметно-изобразительная и композиционная основа сценического представления или фильма в кратком суммирующем изложении либо в тщательной детализации...» [10].

Мы полагаем, что анализ текстовых категорий позволит выявить то общее, что объединяет жанровые разновидности сценарных текстов, и определит лингвистические особенности данных произведений.

Сложность анализа также заключается в том, что понятие текста, а также образующих его категорий, их состава до сих пор не имеет однозначного толкования в лингвистике. Как признает О.И. Таюпова, «текст, ставший объектом разнопланового лингвистического изучения лишь в последней трети XX в., не имеет к настоящему времени однозначного определения» [17]. Вслед за Н.С. Болотновой мы будем понимать под категориями текста «текстовые качества, важнейшие признаки текста, имеющие типизированный и обобщающий характер» [3].

Традиционная характеристика текста, предложенная И.Р. Гальпериным, предполагала выделение следующих текстовых категорий: информативность, членимость, когезия, континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста [4]. М.Н. Кожина, Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн и другие исследователи выделяют такие категории, как связность, логичность, цельность, которые разделяются по формально-содержательному принципу [7, 13]. В свою очередь В.И. Карасик предложил прагматический подход к выделению категорий текста: «участники общения (ситуативно-коммуникативные характеристики), условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда), организация общения (мотивы, цели и стратегии, развертывание

и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств), способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения)» [6]. При характеристике гипертекстов и других сложных текстовых образований современные исследователи вводят такие категории, как семантическая иерархия, линейность/нелинейность, фрагментарность, структурный изоморфизм, мультимедийность, интертекстуальность [16]. Исследователи коммуникативно-прагматического подхода к анализу текста также выделяют прагматические категории [8]. Зарубежные текстологи включают в состав текстовых категорий когезию, когерентность, интенциональность, приемлемость, информативность, ситуативность и межтекстуальную связь [20].

Таким образом, для лингвистической характеристики сценарных текстов нам потребовалось выделить те текстовые категории, которые имеют специфические особенности реализации в сценарных текстах.

Анализ материала

Для определения текстовых особенностей сценариев мы проанализировали более 300 опубликованных сценариев и более 800 сценарных разработок, представленных на информационных порталах сети интернет (сценариев театрализованных мероприятий, клубных сценариев, сценариев массовых празднеств, киносценариев, сценариев тренингов, уроков и т.д.).

Мы выявили, что при разнообразии предметного содержания все произведения, определяемые как сценарии, имели следующие текстовые особенности:

- предварительный характер,
- имплицитность информации,
- фрагментарность и структурный изоморфизм,
- интертекстуальность.

Текстовый анализ позволил выявить особенности реализации данных категорий в сценарных текстах.

С точки зрения коммуникативно-прагматического подхода для сценария определяющим является его предварительный характер: это тексты, которые являются композиционно-содержательной основой будущего действия и создаются с целью (или потенциальной возможностью) дальнейшего воплощения в различных мероприятиях, событиях, перформансах, постановках и акциях. В связи с этим коммуникация сценарного текста является двойственной: 1) сценарист – зритель, 2) сценарист – постановщик. Наличие двух различных по характеру и цели коммуникаций в одном тексте приводит к неоднородности структурных компонентов текста. В сценарии присутствуют фрагменты текста «для зрителей» (обычно оформляемые как реплики) и фрагменты текста «для постановщика» (они могут оформляться

как комментарии, ремарки, примечания и инструкции). Данные компоненты различаются не только с коммуникативной и функциональной точки зрения, но и с точки зрения языкового воплощения. Реплики обычно представляют собой развернутые текстовые компоненты, в них используются полные синтаксические конструкции, а также, в зависимости от характера сценария, могут включаться разнообразные средства выразительности, риторические фигуры, конструкции прямой и косвенной коммуникации со зрителями. Ремарки и комментарии, в отличие от реплик, лишены экспрессии и средств выразительности, используются малораспространенные предложения, неполные, эллиптические конструкции, частотными являются односоставные предложения назывного типа. В инструктирующей части используются грамматические формы императива. Специфическим для данных компонентов является использование глагольных форм настоящего времени, выполняющих функцию описания «с места действия»: «Зал оформлен в русском стиле. У входа - камень с надписью *«Налево пойдешь – к Бабе Яге попадешь, направо пойдешь – к Василисе Премудрой попадешь, прямо пойдешь – на смех, веселья, игры, танцы попадешь»*. Звучит веселая, задорная музыка <...> Гости находятся в фойе» [19].

С точки зрения реализации *категории информативности* сценарные тексты также обнаруживают специфические особенности. Мы уже отмечали имплицитный характер ремарок и инструктирующих компонентов в сценарных текстах. В целом предварительный характер текста приводит к *имплицитности предъявляемой информации*, поскольку частично эта информация должна раскрываться при реализации текста в действии. Часто сценарии содержат описание интерактивного взаимодействия с участниками (опросы, беседы, игры, обсуждения и т.д.), которые предполагают спонтанные реплики и действия. Наибольшей имплицитности достигают сценарные тексты, представленные в виде сценарного плана: «15:30 – 16:00 – сбор гостей. Играет музыка. Волонтеры встречают гостей и проводят их в зал. 16:00 – 16:15 Ведущий приветствует гостей и объявляет программу праздника (фанфары на выход ведущего). 16:15 – 16:25 - Вокальный номер «Вместе» (фонограмма)».

Категория связности большинством исследователей определяется как основная текстовая категория, поскольку без ее реализации невозможно существование текста как единого целого. С точки зрения реализации данной категории сценарные тексты также обнаруживают свою специфику. Проблема связности сценарного текста обусловлена, с одной стороны, его имплицитностью, а с другой стороны, разнородным характером включаемого в произведение материала. Так, например, в сценарий телепередачи могут быть включены документы, интервью и прямая речь героев, статистические сводки, тексты публицистического характера и т.д.

Сценарий урока или внеклассного мероприятия может включать учебный материал, художественные произведения, описание игр и конкурсов и т.д. Причем эти микротексты внутри общего сценарного текста относительно самостоятельны и отделены, что подчеркивается содержательно-композиционным построением сценария. Место расположения микротекстов в большинстве сценариев не является закрепленным и может меняться или исключаться из общего текста по воле автора-сценариста или постановщика. В целом сценарные тексты обнаруживают свойственную всем текстам-конструкторам *фрагментарность и структурный изоморфизм*. Соединение в одном произведении такого разнородного текстового материала ставит перед автором задачу обеспечения когерентности и целостности текста. Если когезия текста реализуется внутри микротекстов сценария традиционными средствами, то для реализации когерентности чаще всего используются особые сюжетно-композиционные приемы: введение сквозных персонажей (ведущий), реплик-связок и интермедий, приемы композиционного монтажа. Однако более чем в 70% проанализированных нами сценариев использование данных приемов было сведено к минимуму, представляя собой малораспространенные реплики или ремарки с обозначением следующего действия. Основная задача по реализации целостности текста ложилась на тематическое единство микротекстов, а также единство коммуникативного контекста.

Многие сценарные тексты (учебные, развлекательные, телевизионные и др.) используют в качестве материала фрагменты или полные тексты научного, художественного, публицистического, методического характера. Разнородность включаемого в сценарные тексты материала делает актуальным вопрос о взаимодействии микротекстов внутри макротекста и о взаимодействии (отсылке) фрагментов используемых текстов с текстом-первоисточником. Таким образом, для сценария важной текстовой особенностью становится *интертекстуальность* – т.е. «взаимодействие двух текстов друг с другом внутри одного произведения, выступающего по отношению к ним как целое к части» [18]. «Столкновение разных прототекстов обеспечивает их взаимодействие, усиливает, оттеняет значение каждого и порождает новые смыслы» [12]. В качестве примера приведем сценарий литературно-музыкальной композиции «Слово и судьба», посвященной жизни и творчеству М.Ю. Лермонтова: в тексте используются стихотворения поэта, фрагменты его писем, воспоминания современников, которые образуют сложное семантическое целое, драматичный полилог [14].

Заключение

Анализ сценарных текстов показал, что, несмотря на жанровое разнообразие и содержательную неоднород-

ность, данные тексты обладают общими лингвистическими особенностями. К таким особенностям можно отнести: предварительный характер текста, имплицитность информации, фрагментарность и структурный изоморфизм, интертекстуальность. Реализация прагматических категорий (адресности и коммуникативной направленности) текста связана в сценариях с предварительным характером изображаемого действия. Это приводит к двойственности коммуникации сценарного текста («сценарист – зритель», «сценарист – постановщик») и неоднородности структурных компонентов текста. Предварительный характер текста приводит к имплицитности предъясняемой информации, которая реализуется как на уровне предложений (использование неполных, односоставных предложений в составе ремарок), так и

на уровне более крупных синтаксических конструкций и компонентов текста (имплицитное обозначение компонентов действия). Формально-строеным категориям сценария свойственна фрагментарность и структурный изоморфизм. Соединение в одном произведении микротекстов разного стилистического и жанрового характера ставит перед автором задачу обеспечения когерентности и целостности текста, которые реализуются использованием специальных сценарных приемов, а также тематическим единством микротекстов и единством коммуникативного контекста. Также важной лингвистической особенностью сценарных текстов является их интертекстуальность, которая возникает вследствие взаимодействия относительно самостоятельных микротекстов внутри единого текста-конструктора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабак М.М. Документ – сценарий – фильм. Москва, 1989. 68 с.
2. Бакулина М., Скворцова Я. Прогнозирование методом сценария // Экономика и социум. 2012. №5 (5).
3. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта; Наука, 2009. 520 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 144 с.
5. Генкин Д.М., Конович А.А. Сценарное мастерство культпросветработника. М.: Советская Россия, 1984. 136 с.
6. Карасик В.И. О категориях дискурса. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197.
7. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Флинта; Наука, 2008. 464 с.
8. Кокова А.В. Критерии текстuality в лингвистической теории текста // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. №5.
9. Кудж С.А. Сценарии мультимедийного образования // Управление образованием: теория и практика. 2014. №1 (13).
10. Литературный энциклопедический словарь. / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
11. Маршак М.И. Педагогические основы сценарного творчества в культурно-досуговой деятельности (нетрадиционный сценарий). М., 1994. – 32 с.
12. Матехина О.Г., Попова О.А. Сценарий внеклассных мероприятий как текст-конструктор // Современный ученый, 2021. №5. с. 67-74
13. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 171 с.
14. Побединская Л.А. Слово и судьба: Литературные сценарии. М.: ТЦ «Сфера», 2000. 96 с.
15. Рыбина П.Ю. Сначала слова: возвращение внимания к сценарному тексту // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021.
16. Рязанцева Т.И. О категориях гипертекста // Медиалингвистика. 2019. №3.
17. Таюпова О.И. Категории и признаки текста // Вестник Башкирск. ун-та. 2011. №4.
18. Филатова О.М. Интертекстуальность как глобальная текстовая категория // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2006. №5-2.
19. Шин С.А. Вместе весело шагать: Сценарии школьных праздников, конкурсов, викторин, игр для учащихся 6-х классов. Ростов н/Д: «Феникс», 2002. 352с.
20. Vater H. Einführung in die Textlinguistik. Munchen: W. Fink, 1994. S. 207.

© Матехина Ольга Геннадьевна (matehina@yandex.ru), Попова Ольга Александровна (laskovezz@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ШОК КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Михайлина Ольга Анатольевна

к. филол. н., доцент, Краснодарский университет

МВД России

mixo-a-70@yandex.ru

LINGUISTIC AND CULTURAL SHOCK AS AN ELEMENT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

O. Mikhaylina

Summary: The article is devoted to the study of the issues of speech behavior in the context of intercultural communication. Difficulties experienced by carriers of various cultural codes: awkwardness, embarrassment, shame, uncertainty, tightness, are called cultural shock. Linguistic shock is an integral part of cultural shock, since language is a carrier of cultural signs, which, being a sign system, has limitless possibilities for creating and consolidating meanings.

Keywords: cultural shock, linguistic shock, language, cultural axiom, background knowledge.

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопросов речевого поведения в условиях межкультурной коммуникации. Трудности, которые испытывают носители различных культурных кодов: неловкость, смущение, стыд, неуверенность, зажатость, называют культурным шоком. Неотъемлемой частью культурного шока является лингвистический шок. Естественный язык представляет собой знаковую систему, которая также выполняет роль носителя знаков культуры, и выступает благодатной средой для формирования и закрепления смыслов.

Ключевые слова: культурный шок, лингвокультурный шок, язык, культурная аксиома, фоновые знания.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что межкультурная коммуникация представляет собой неотъемлемую часть современного социума и является предметом множества исследований в разных областях научного знания (В.И. Карасик, Т.А. Дейк, М. Эпштейн, С.Г. Воркачев, А.Г. Баранов и др.). Цель работы – исследование функционирования языка в условиях межкультурной коммуникации.

В статье применяются такие методы исследования, как лингвистическое описание, обобщение, сравнение и когнитивный анализ теоретического и эмпирического материала.

Часто случается так, что у участников общения возникают затруднения, когда они погружаются в культуру других народов, которая совсем не похожа на родную культуру, в которой они выросли и сформировались как личность. Это становится поводом для возникновения комичных ситуаций, непонимания и даже конфликтов.

Данное явление имеет много названий: «шок перехода», «культурная утомляемость», «культурный стресс», но чаще все используют название «культурный шок». Термин «культурный шок» был введен в научный оборот американским исследователем Калерво Обергом в 1954г. Он пришел к заключению о том, что культурный шок – это следствие тревоги, которая появляется в результате потери привычных знаков и символов социального взаимодействия. У участников общения при вхождении в чужеродную культуру возникают неприятные чувства, которые вызывают не-

уверенность в себе и зажатость. Эти чувства не позволяют им в новой социальной обстановке достигать ощущения полноценности и твердости [9, с11]. Человек неизбежно сравнивает свое и чужое, дает эмоциональную оценку различиям. Свое оценивается как норма, как то, что правильно. Чужое оценивается критически, как что-то странное, смешное, опасное, бессмысленное, уродливое, непонятное, неестественное, вызывающее шок [6, с5].

Концепцию межкультурной коммуникации впервые представили Э.Т. Холл и Г.Л. Трэгер в своей статье «Культура и коммуникация» в 1954г. Суть концепции заключается в том, существует диалектическое единство между культурной моделью и коммуникативным поведением индивидуумов [12, с.7]. Различия между незнакомыми и родными моделями приводят к неспособности коммуникантов декодировать культурные коды новой среды. Среди причин непонимания в ситуации межкультурного общения исследователи выделяют: плохое владения языком (незнание значений фразеологизмов и слов, что является предметом изучения на уровне взаимодействия разных социальных групп [8], а также грамматических форм), отсутствие настроения на взаимопонимание (нет желания выслушать до конца, страх обидных скрытых смыслов, использование не всем понятных слов), неумение распознать специфику ситуации (непонимание трагичности или торжественности момента, юмора), различия в культурных аксиомах, на которых интерактанты строят свое речевое и неречевое поведение [6, с.6].

Культурная аксиома, по определению В.В. Караси-

ка, «это ценностная установка, которая не нуждается в объяснении и признается естественной и единственно верной» [6, с.6]. Культурные аксиомы формируются на основе опыта и знаний, которые получает человек в течение всей жизни. Из них складывается когнитивный базис человека, который включает индивидуальные, социальные и универсальные знания. Индивидуальные знания структурированы посредством «ситуационных моделей» и репрезентируют когнитивную базу одного человека, которую он нарабатывает в течение всей жизни. Социальные знания аккумулируются в конкретном обществе и передаются из поколения в поколение. Они формализованы в форме моделей, фреймов и сценариев [4, с.6]. Универсальные или фоновые знания включают объективные данные об окружающем мире, которые накоплены человечеством за все время его существования, и которые представляют собой «пространство возможностей» для интерпретации смыслов [2, с.199]. Развивая эти наблюдения В.И. Карасик [6, с.6] и другие исследователи считают, что существуют культурные аксиомы, которые имеют социально-биологический характер, например, забота о потомстве, уважение старших. Выделяются культурные аксиомы, которые признаны только представителями определенного этнического сообщества, например, русская открытость и щедрость, итальянская эмоциональность и впечатлительность, немецкая пунктуальность и др. Известны аксиомы поведения, которые характерны для определенных групп людей, например, юношеский максимализм, педагогическая назидательность? Настороженность полицейских и др. Очевидно, что существуют индивидуальные нормы поведения, которые определяются личностными ценностными установками конкретного человека [6, с.6].

В результате взаимодействия культурных аксиом разных уровней образуется культурный код, который зафиксирован в знаках культуры. Среди знаков культуры важное место занимает язык, который являясь знаковой системой, имеет безграничные возможности для создания и закрепления смыслов. Культурные смыслы и ценности могут быть установлены и изучены путем анализа значений слов и выражений, прецедентных текстов, коммуникативных практик в рамках лингвокультурологии. «Лингвокультурология - это направление языкознания, нацеленное на изучение культуры в языке и языка в культуре, т.е. на поиск закономерностей языкового преобразования действительности» [7, с.4]

В условиях межкультурной коммуникации особую роль играют знания участников общения о традициях и нормах культуры других народов. Недостаточная информированность о культурных аксиомах может привести к сбою коммуникации, потому что правила вербального (речевого) и невербального поведения речевой личности задаются системой ценностей и поведенческих аксиом. Несоблюдение этих норм при контакте с иной

культурой может послужить почвой для возникновения разнообразных проблем и даже конфликтов, что и называют культурным шоком. Частью культурного шока является лингвистический шок. Речь идет о «состоянии неловкости, смущения, дискомфорта, удивления или смеха, которое возникает у человека, когда он слышит в иноязычной речи фрагменты, которые на родном языке звучат неприлично, странно, нелепо или смешно» [3, с.255]. Когда участник общения, который не является носителем языка, допускает ошибки в своих высказываниях, которые для носителя языка создают комичные, глупые или оскорбительные смыслы. Возникает атмосфера неловкости или даже тупика, коммуниканты не знают, как им себя в этом случае вести, как реагировать. Возможна ситуация, когда безобидное нейтральное слово на одном языке омонимично табуированному, нецензурному слову на другом языке. Например, английское имя Scott у носителей русского языка, возможно не очень образованных, вызывает смех и едкие комментарии, типа: «Как же надо любить своего ребенка, чтобы назвать его Скотом!». Это имя по фонетическому звучанию напоминает русские обценные слова «скотина, скот», что служит основанием для возникновения ассоциативной связи.

Обстоятельства, в которых у интерактантов может возникнуть состояние лингвокультурного шока, происходят в самых различных сферах общения: рекламы, СМИ, межличностного общения и так далее.

Рассмотрим пример функционально-ролевого межличностного общения (организатор-участник) из кинематографа. В популярном фильме «Мимино» [13] девушка — организатор конференции, разыскивала ученого, который не сдал свой доклад, и вдруг случайно его встретила в холле гостиницы. Девушка была убеждена в том, что она разговаривает с участником научной конференции, доктором наук Хачиканом. Однако в гостиницу ошибочно заселили однофамильца ученого, который работал водителем-дальнобойщиком и плохо владел русским языком. Между ними состоялся следующий диалог:

- О, на ловца и зверь бежит!
- Кто зверь!?

Девушка, обращаясь к Хачакяну-водителю в своем высказывании употребила поговорку, смысл которой Хачакяну не был понятен. В.И. Даль включил эту поговорку в раздел «оплошность-расторопность» [11]. В поговорке слово «ловец» означает опытный охотник, который быстро находит свою жертву потому, что хорошо знает повадки зверей, хотя со стороны кажется, что ему просто повезло. Эта поговорка употребляется по отношению к людям, которые хорошо выполняют свою работу. Девушка с помощью этой поговорки хотела подчеркнуть, что ее случайная встреча — это не только удача, но и результат расторопности, которую она проявила. Глав-

ный герой воспринял это как оскорбление, так как он услышал слово «зверь», которое по отношению к человеку звучит обидно унизительно. В словаре Ожегова С.В. дается следующее определение этого слова: «Зверь — Жестокий, свирепый человек» [10]. Он в ответной реплике использует вопросительное предложение, которое имеет оттенки раздражения и удивления. Хачакян не догадывается, что слово «зверь» входит в состав фразеологической единицы, которая имеет форму предложения, в котором «семантическая монолитность давит над структурной раздельностью составляющих его элементов» [1, с.503].

Второй главный герой этого же фильма также часто оказывался в неприятных ситуациях культурного и лингвокультурного шока. Он позвонил девушке, которая ему очень понравилась. В этом типе коммуникации следует учитывать светские аксиомы поведения, однако для того, чтобы начать беседу, молодой человек использовал следующую фразу: «Хочу Елену Сергеевну». Он хотел сказать, что ему необходимо услышать ту самую девушку, чтобы предложить ей встретиться, у него были самые благородные намерения. С точки зрения носителя русского языка это высказывание звучит оскорбительно: малознакомый молодой мужчина звонит девушке и делает ей непристойное предложение. Слово «хочу» в данном контексте имеет значение: «Испытывать любовное чувство с преобладанием физического желания» [5]. Данный диалог мог закончиться серьезным конфликтом, ситуацию спасло то, что коммуниканты общались по телефону.

Приведем пример речевой коммуникации из сферы судопроизводства (судья-свидетель). Приключения (незнание поведенческих аксиом) довели главных героев этого же фильма до судебного разбирательства. Хачакян выступал в суде свидетелем. Отвечая на вопросы судьи он пытался выгородить своего товарища. Он сказал, обращаясь судье: «Подожди». Свидетель употребил форму единственного числа, что недопустимо. В русскоязычной культуре к чиновникам, судьям, к людям старшего возраста принято обращаться на «вы» для того, чтобы продемонстрировать свое уважение к высокому статусу

собеседника. Очевидно, что Хачакан не хотел проявлять пренебрежительное отношение к суду. Он, просто, плохо знал правило склонения глаголов по лицам и числам русского языка, и для него не существовало разницы между «подожди» и «подождите». Судья понимал, что судебное разбирательство проходит в условиях межкультурной коммуникации и причины поведения Хачакяна связаны именно с этим, поэтому к Хачакяну-свидетелю не были применены дисциплинарные меры наказания за неуважительное отношение к суду.

Исход каждой контакта с иной культурой, в которой участники общения испытывают лингвокультурный шок, зависит от всех сторон коммуникации и может быть разным. Для того, чтобы избежать негативных последствий речевого взаимодействия, необходимо владение фоновыми знаниями традиций и новой культуры, которые творчески отражаются в речевой модели мира. Изучение языков народов мира открывает широкие возможности для познания других культур и системы миропонимания, своеобразие которых передается в прецедентных текстах. Чтение литературных произведений и просмотр художественных фильмов на языке оригинала позволяет глубже погрузиться в атмосферу данной культуры и проникнуться ее смыслами, освоить аксиомы поведения, чем чтение книг и просмотр фильмов, которые переведены переводчиками. Процесс обучения иностранному языку на основе коммуникативных методов также способствует овладению фоновыми знаниями, поскольку обучаемые учатся говорить на языке в реальных коммуникативных ситуациях с использованием аутентичных текстов. Аутентичные материалы могут быть выдержками из романов, статьи в журналах, видео- и аудиофрагменты и так далее. При работе с ними акцент делается на контекст, в котором употребляется тот или иной языковой материал, включая этнокультурные и социокультурные аспекты. Почти всегда в программу обучения иностранному языку включают раздел «страноведение», в рамках которого также знакомятся с традициями, историей, обычаями, достопримечательностями искусством, великими учеными, известными историческими личностями и политиками, что расширяет объем фоновых знаний о стране изучаемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингв терминов. Изд. 2-ое, стереотип. М. «Сов.Энциклопедия», 1969. - 608с.
2. Виноград Т., Флорес Ф.О. О понимании компьютеров и познания // язык и интеллект. - М.: Издательская группа Прогресс, 1996. С.185 — 230.
3. Белянин В. П. Психоллингвистика. — М.: Флинта: МПСИ, 2009. 416с.
4. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация, - М., 1989. - 340с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000. - 1084с.
6. Иная ментальность / В. И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова М.: Гнозис, 2005. - 349с.
7. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. - М.: Гнозис, 2010. - 350с.
8. Копеева, С.В. Фразеологизмы в языке немецкой молодежи: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Копеева Светлана Викторовна. — Пятигорск, 2005. — 193 с.

9. Оберг К. Практическая антропология/К. Оберг. Нью-Мексико, 1060. 261стр.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва: Азъ, 1994. - 907с.
11. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. I. / Вступ. слово М. Шолохова; Худож. Г. Клодт. — М.: Худож. лит., 1989. — 431 с.
12. Таргер Г., Холл Э. Культура как коммуникация: модель и анализ /Г./ Таргер, Э. Холл. - Нью-Йорк, 1954. - 325 с.
13. Данелия Г. Мимино — художественный фильм, авторы сценария — Р. Габриадзе, В. Токарева, Г. Данелия. киностудия «Мосфильм», 1977г.

© Михайлина Ольга Анатольевна (mihoa-70@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ И СТАТУСНЫЕ ПРИЗНАКИ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

THE CATEGORY OF MODALITY AND STATUS FEATURES OF MODAL VERBS IN THE ENGLISH LANGUAGE

**M. Mukova
E. Khutova
M. Asanova**

Summary: The category of modality is understood as a complex of semantic attitudes, the main of which are the speaker's attitude to the content of an utterance, target assumption, and the attitude of the content of an utterance to reality. The article deals with the issue of status of modal verbs. Status is understood as the position of any element in the integral system to which it belongs, as well as all kinds of relations between the elements of this system, by which are meant status attributes manifested at different levels. A system consisting of different classes or subsystems characterized by a certain set of attributes is defined by a set of attributes. Modal verbs constitute a subsystem with specific status features different from those of non-modal verbs. They fulfill a specific function in an utterance. The status features of modal verbs should include both formal - the scope of grammatical categories, and functional - features of syntactic distribution. The semantic potential of modal verbs is determined by their textual actualization and pragmatics of an utterance.

Keywords: modality, attributes, text, functions, action, evaluation.

Мукова Мадина Нургалиевна

К.филол.н, доцент, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
(г. Нальчик)
madi.mn@mail.ru

Хутова Елена Руслановна

К.филол.н, доцент, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
(г. Нальчик)
hutova22@mail.ru

Асанова Марианна Сахитовна

К.филол.н, старший преподаватель, ФГБОУ ВО
«Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова», (г. Нальчик)
asanova.marianna@list.ru

Аннотация: Категория модальности понимается как комплекс смысловых установок, основными из которых являются отношение говорящего к содержанию высказывания, целевое полагание, отношение содержания высказывания к действительности. В статье рассматривается вопрос статуса модальных глаголов. Под статусом понимается положение какого-либо элемента в целостной системе, к которой он принадлежит, а также всевозможные отношения между элементами этой системы, под которыми подразумеваются статусные признаки, проявляющиеся на разных уровнях. Система, состоящая из различных классов или подсистем, для которых характерен определенный набор признаков, определяется совокупностью признаков. Модальные глаголы составляют подсистему, имеющую специфические статусные признаки, отличные от признаков немодальных глаголов. Они выполняют специфическую функцию в высказывании. К статусным признакам модальных глаголов следует отнести как формальный - объем грамматических категорий, так и функциональный - особенности синтаксической дистрибуции. Семантический потенциал модальных глаголов определяется их текстовой актуализацией и прагматикой высказывания.

Ключевые слова: модальность, признаки, текст, функции, действие, оценка.

В английском языке основными средствами выражения модальности являются специальные формы наклонения /Imperative, Subjunctive Mood/, модальные глаголы *can, may, must, could, should, ought*, интонационные средства, модальные слова - вводные и наречия - *certainly, of course, surely, indeed, likely, perhaps, maybe, probably, possibly, fortunately, unfortunately, perhaps, likely* и т.д. Но считается, что «модальные слова не являются членами предложения, поскольку, давая оценку ситуации, изложенной в предложении, они оказываются как бы вне предложения: *Probably, he will come later/Вероятно, он придет позже*» [4, с. 96].

В английской грамматике различают три вида модальности:

1. Деонтическая модальность выражает предложе-

ние, просьбу (требование), приказ и разрешение.

2. Эпистемическая модальность используется для выражения мнения говорящего по поводу достоверности высказывания.

3. Динамическая модальность относится к субъекту предложения, а не к говорящему [8, 2005].

Деонтическая модальность отражает, каким должен быть мир в соответствии с определенными нормами, предположениями и желаниями говорящего. Предложение, содержащее деонтическую модальность, описывает какое-либо действие, способное изменить мир так, чтобы он стал соответствующим стандарту/идеалу. Эпистемическая модальность используется для указания возможности или необходимости некоторого знания. Она

подразумевает не характеристику субъективных связей, а степень достоверности с точки зрения говорящего. Отличительным признаком эпистемической модальности является ее субъективность, оценочность. Подобный подход подчеркивает, что в построении высказывания с эпистемической оценкой главная роль отводится субъективному умозаключению говорящего, а не только объективности с точки зрения имеющих фактов [2, с.175]. Динамическая модальность передает возможность (необходимость) какого-либо действия с точки зрения достижения цели [9].

Любое высказывание имеет две функции – репрезентативную и дефинитивную [6, с.7]. Объединение модальных глаголов в одно семантическое поле возможно благодаря особой дефинитивной функции, а именно, модальные глаголы не называют действие, процесс, состояние, а выражают целую шкалу различных оттенков – от желательности до необходимости действия, которое отражено последующим немодальным глаголом. Иными словами, модальный глагол дает субъективную характеристику действия, выраженного обычным глаголом. Модальные глаголы образуют семантические микрополя субъективно-объективной оценки с общим архисемами, такими как «обязательность», «долг», «предположение» и т.д. Таким образом, определяется семантический статусный признак группы модальных глаголов.

Следующий статусный признак заключается в отсутствии противопоставления форм лица, вида, залога, наклонения и временной соотнесенности. Текстовая актуализация наглядно демонстрирует, что модальные глаголы употребляются независимо от временного плана. Это отсутствие временной соотнесенности компенсируется введением в высказывание вербализаторов в виде лексем с временным значением, таких как: *in time, some time, tomorrow* и пр., Например: *I might go there tomorrow.*

Третьим статусным признаком модальных глаголов являются особенности их функционирования, ограниченные параметрами, к которым причисляют: - невозможность контактной соположенности двух модальных глаголов; -первичная позиция модального глагола в сложном двусоставном сказуемом; -отсутствие вспомогательного глагола при трансформации в отрицательную и вопросительную формы; - отсутствие частицы *to* у следующего за модальным глаголом инфинитива смыслового глагола.

Исходя из наличия или отсутствия вышеперечисленных статусных признаков, складывается следующая классификация модальных глаголов:

1. Абсолютные/стабильные модальные глаголы, к которым относятся *can, may, must, could, should, ought.*
2. Маргинальные/нестабильные модальные глаголы:
 - а) в силу закрепленной за ними функции формальных показателей категорий глагольной парадигмы - *shall, will, would;*
 - в) в силу самой нестабильности функционирования - *need, dare.*
3. «Квазимодальные» - *have to, be to* [7, с. 68].

В то же время следует признать, что вопрос о функционировании и семантике модальных глаголов не теряет своей актуальности и далек от разрешения. Модальные глаголы в различных условиях контекста могут приобрести различные модальные смыслы. Поэтому Ф.Р. Пальмер напоминает, что одной из сложных проблем анализа модальных глаголов является их различное употребление в различных контекстах. Эти отличия не всегда поддаются определению по формальным или содержательным признакам [10]. Исследователи приходят к мысли о том, что большинство английских модальных глаголов полисеманлично и в различных условиях контекста могут приобретать разные модальные значения. Например: *Would you mind if I open the window/не будете ли Вы возражать, если я открою окно? I would rather have a cup of coffee/Я бы выпил чашечку кофе* [4, с. 96]. В связи с семантической вариативностью модальных глаголов встает вопрос об их функционировании в различных дискурсах, так как очевиден факт влияния прагматики модальных глаголов на их выбор и семантику. Например, в институциональном дискурсе важное место занимают глаголы *must, should, shall* [1, с. 33]. Правильный выбор модальных глаголов необходим для усиления экспрессии текста, убедительности говорящего, выраженной реализации авторских интенций [3, 5].

Заключение

Модальные глаголы представляют собой глагольную подсистему, отвечающую трем основным статусным признакам – значение, форма, функция. К вышеуказанному следует добавить прагматику модальных глаголов, а именно способы выражения модальности в различных контекстах, жанрах и дискурсах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Я.Н., Корзин А.С., Урюпина А.Д. Перевод модальных глаголов в медиатекстах: корпусно-ориентированный подход//Научный диалог. Т.12., №4.2023. С.27-48.

2. Голосуцкая А.К. Реализация категории модальности в художественном тексте (на материале романов Дж. Оруэлл) //Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. Международная научно-практическая конференция. Салоники, 2011. С.174-177.
 3. Давыдова А.Р., Саркисян М.Р. Модальные глаголы как экспликаторы выражения оценки в текстах газетных сообщений// Филологические науки. Вопросы теории и практики. №12(66): в 4-х ч. Ч.3. С.93-97.
 4. Иванова О.В. Специфика реализации модальности как лексико-грамматической категории в английском языке//Филологические науки. Вопросы теории и практики. №12(30). Ч.1. 2013. С. 94-98.
 5. Лебедева И.С. Романова И.Д. Модальные глаголы как средство воздействия в персональном и институциональном дискурсе//Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 15 (810). 2018. С.77-87.
 6. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.
 7. Трунова О.В. О статусе модальных глаголов /на материале английского языка //Семантические аспекты изучения языковых единиц (тезисы докладов к краевой научно-практической конференции). Барнаул, 1983. С.66-70.
 8. Elizabeth Closs Traugott and B. Dasher Richard. Regularity in Semantic Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005-364 p.
 9. Fintel K.von. Modality and language//Encyclopedia of philosophy//Donald M.Borchert (ed.) Detroit: MacMillan Peference USA. URL:<http://mit.edu/fintel-2006-modality.pdf>
 10. Palmer F.R. Mood and Modality. 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001-260 p.
-

© Мукова Мадина Нургалиевна (madi.mn@mail.ru), Хутова Елена Руслановна (hutova22@mail.ru),
Асанова Марианна Сахитовна (asanova.marianna@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВЫЕ РЕАЛИИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА)

Рогожина Алина Николаевна

Преподаватель, Военный университет имени князя
Александра Невского Министерства обороны Российской
Федерации, Москва
rogozhina-alina@mail.ru

LANGUAGE REALIAS AND ITS CLASSIFICATION (BASED ON PERSIAN LANGUAGE)

A. Rogozhina

Summary: The article is devoted to the analysis of the linguistic realias of the Persian language. Realias are an integral part of any linguistic community, since they are directly related to the national picture of the world. Realias can be divided according to many criteria: sphere of use, by origin, by topic, by social group or functionality. In accordance with these characteristics, there are various classifications of realias. This article discusses the thematic classification of realias and provides the most interesting examples of Persian realias. The article is of a scientific and theoretical nature. The problem of translating such non-equivalent vocabulary has still not lost its relevance and still raises many questions among scientists.

Keywords: linguistic realias, classification of realias, Russian language, Persian language.

Аннотация: Статья посвящена анализу языковых реалий персидского языка. Реалии — неотъемлемая часть любого языкового сообщества, поскольку напрямую связаны с национальной картиной мира. Реалии можно разделить по многим признакам: сфера употребления, по происхождению, по темам, по социальной группе или функциональности. В соответствии с этими признаками существуют различные классификации реалий. В данной статье рассматривается тематическая классификация реалий и приведены наиболее интересные примеры персидских реалий. Также рассмотрены основные отличия реалий от похожих понятий. Статья носит научно-теоретический характер. Проблема перевода подобной безэквивалентной лексики до сих пор не потеряла своей актуальности и по-прежнему вызывает множество вопросов у ученых.

Ключевые слова: языковые реалии, классификация реалий, русский язык, персидский язык.

На нашей планете существует около двух тысяч языков. При этом стоит принять во внимание наличие различных диалектов. [1, с.204-205]. Язык и народ, говорящий на нем, тесно связаны друг с другом. Язык отражает уникальные культурные особенности, мировоззрение и идентичность народа, влияет на поведение и мышление людей, что способствует формированию национальной картины мира. В каждом языке присутствуют единицы, описывающие особенности и аспекты культуры, природу народа и др. Такие единицы с трудом поддаются переводу. Как правило, это лексические понятия, относящиеся к явлениям, которые происходят исключительно на территории проживания конкретного народа. Они связаны с историко-географическим наследием, социально-политическим положением и культурными особенностями каждой отдельной страны. Это языковое явление получило название *реалий*.

До 1950-х годов термин «реалии» не употреблялся в лингвистике. Вместо него использовались такие понятия как: «этнографические элементы», «национальные особенности языка», «этнолингвистические факты» и др. Болгарские ученые С. Влахов и С. Флорин в своей работе «Непереводимое в переводе» так определяли реалии — «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому»

[2, с.47], т.е. это такие слова и выражения, существующие для передачи культурных, социальных и исторических особенностей определенной нации или региона. В первую очередь определение реалий связано с такими особенностями как: национальная окрашенность их референтов (колорит) и безэквивалентность, обозначающих их слов, выявляемая в процессе перевода [3, с.11].

Реалии наиболее ярко и точно отражают связь между языком и культурой. К реалиям относятся фразеологизмы, пословицы, поговорки, слова и выражения, относящиеся к определенной этнической группе. Реалии встречаются в текстах разного характера, их употребление не ограничено функциональными стилями. Они могут встретиться как в официально-деловом стиле, например, конституции, так и в любом художественном произведении. Современное переводоведение подразделяет реалии на «свои» и «чужие». «Свои» реалии знакомы и привычны для носителей языка, часто употребляются в повседневной жизни и не вызывают трудностей для понимания. В то время как «чужие» реалии, наоборот, незнакомы и непонятны носителям языка, вызывают трудности для понимания, поскольку схожие понятия отсутствуют в языке-реципиенте.

На первый взгляд реалии очень похожи на термин. Слово или словосочетание, специально созданное с це-

лю называют то или иное явление или предмет, т.е. термин можно отнести к номинативным единицам. Характерной чертой термина является отсутствие синонимов, для каждого предмета существует только одно название, заменить которое синонимом не представляется возможным. В некоторых случаях ученым трудно определить к какому классу отнести единицу: к реалиям или к терминам. С одной стороны, они обозначают конкретное явление и не могут быть полисемичными. С другой стороны, термины в основном употребляются в научной литературе, в то время как реалии — во всех функциональных стилях. У термина отсутствует коннотационная окраска, в то время как последняя является основной характерной чертой реалии. Термины специально придумывают, и, как правило, их основой становится греческий или латинский язык. Реалию никто не придумывает, она появляется в языке сама по себе. Несмотря на наличие как похожих черт, так и отличных, тем не менее назвать реалию и термин синонимами невозможно [2, с. 8-12].

Похожая ситуация возникает при сравнении реалии и безэквивалентной лексики. По мнению В.Н. Комисарова «единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода называются безэквивалентными» [4, с.147]. Безэквивалентная лексика встречается в работах лингвистов намного чаще, чем реалия, и в него входят следующие понятия: экзотическая лексика, локализмы, варваризмы и лакуны. Среди схожих черт можно отметить непереводимость на другой язык, т.е. отсутствие в языке-реципиенте так называемого эквивалента. Реалии могут быть как самостоятельным классом, так и входить в класс безэквивалентной лексики. Главное отличие реалии от безэквивалентной лексики в том, что слово может быть реалией по отношению ко всем языкам, в то время как безэквивалентным — только в рамках определенной пары языков. Таким образом, список реалий исходного языка остается более-менее постоянным, в то время как словарь реалий будет меняться в зависимости от второго языка в паре.

Несмотря на наличие схожих по значению реалии понятий, синонимом назвать ни одно из них нельзя. Перевод такого рода лексики усложняется из-за присутствия колорита в реалии и ее принадлежности к определенной культуре и нации.

С каждым годом появляется все больше реалий, поскольку они также имеют временный характер. Для более эффективного и точного перевода текстов, содержащих реалии, ученые-лингвисты создали систему классификации реалий. Классификация позволяет систематизировать реалии по различным признакам: по тематическому принципу, по сфере употребления, по возможности перевода, по сильно или слабо выраженному культурному компоненту. Переводчику такая классификация позволяет лучше понимать значение и нюансы

реалий для выбора наиболее подходящего эквивалента для перевода. Ученым-лингвистам такие классификации помогают изучать языки и культуры разных стран и регионов для выявления общих и различных черт, а также отслеживания изменений в употреблении реалии.

Существует несколько классификаций реалий, остановимся только на одной из них. Тематическая классификация С. Влахова и С. Флорина отличается от остальных более подробными категориями, а именно: 1) Предметное деление на: географические реалии, этнографические реалии, общественно-политические реалии; 2) Местное деление на: свои реалии и чужие реалии; 3) Временное деление на: современные реалии и исторические реалии [2, с.50-69].

Приведем несколько примеров персидских реалий для каждой из категорий данной классификации, чтобы более наглядно показать, какие существуют реалии.

Предметное деление подразделяется на три категории:

Географические реалии: دریاجه ارومیه (озеро Урмия); عربستان سعودی (Саудовская Аравия); خوزستان (остан Хузестан); رشته کوه زاگرس (горная цепь Загрос); بندر عباس (город Бендер-Аббас).

Этнографические реалии: دیزی (дизи, блюдо национальной кухни); رسوخی (платье); شاهنامه (Шахнаме, литературное произведение); چوبی (чуби, ручное ремесло); چهارشنبه سوری (Чахаршанбе-сури, праздник огня).

Общественно-политические реалии: شورای نگهبان (Совет стражей конституции); شاهنشاه (шашиншах, древний персидский титул); استاندار (остандар, губернатор); وزیر کشور (министр внутренних дел); شیطان بزرگ (Большой Сатана, США).

Местное деление подразделяется на две категории:

Свои реалии: چایخانه (чайхана); سوهان (сохан, иранская сладость); فال حافظ (фал-е-хафиз, гадание по Хафезу).

Чужие реалии: بیزینس (бизнес); رستوران (ресторан); شمس (солнце).

Временное деление также включает в себя две категории:

Современные реалии: چیز (дело, событие); باربی (худая девушка); دو لار (обман, мошенничество).

Исторические реалии: سلطان (султан); زرتشتی (зороастризм); آریایی (арийский).

Ввиду сильной стилистической, культурной и национальной окрашенности реалии представляют особый

интерес для ученых-лингвистов. Реалии каждого языка и каждого народа индивидуальны, они содержат эмоциональную окраску, отражают местные особенности. Реалии относятся к высоко-информативной лексике, поскольку являются средством выражения и передачи лингвострановедческой информации. С их помощью адресат знакомится с историей, традициями и обычаями представителей другой культуры. На основе реалий можно увидеть окружающую действительность или национальную картину мира глазами народа, которому

принадлежат те или иные реалии. Большинство реалий не имеют лексически эквивалентных единиц в других языках. Именно поэтому основными проблемами, связанными с передачей реалий, остаются: отсутствие эквивалента и наличие местного колорита [2, с.80]. Поиск соответствующего эквивалента для реалий требует от переводчика не только знаний языка, но и понимания культурных особенностей и контекста, чтобы сохранить смысл и правильно передать эмоциональную окраску оригинальной единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1986.
3. Томахин Г.Д. Реалии — американизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М., Высш. шк., 1988.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Уче. Для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. Шк., 1990. 253.

© Рогожина Алина Николаевна (rogozhina-alina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЭТИКА РОМАНА МОРИСА БАРРЕСА «САД БЕРЕНИКИ»

POETICS OF MAURICE BARRÈS'S
NOVEL "THE GARDEN OF BERENICE"

N. Stepanova

Summary: This article examines the poetics of Maurice Barres' novel "The Garden of Berenice", which became an example of the genre of lyrical prose. There was a continuous inner intimate-lyrical flow behind the external-everyday episodes and details. To convey the movement of the emotional flow, a new artistic method of cognition of reality was necessary. Elements of lyrical coloring in the description of nature, the image of Berenice, who personified the region of the unconscious, indicated a special tonality and specificity of Barres' prose. Combining imagination with analysis, the writer described the "state of mind" as an expression of a special life drama, discovered and interpreted by Barres as belonging to his era.

Keywords: M. Barres, the novel "Garden of Berenice", the unconscious, poetics, lyrical novel.

Stepanova Natalia Nikolaevna

Доцент, Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики
n.stepanova.55@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье исследуется поэтика романа Мориса Барреса «Сад Береники», которая стала примером жанра лирической прозы. За внешне-бытовыми эпизодами и деталями ощущался непрерывный внутренний интимно-лирический поток. Для передачи движения эмоционального потока необходим был новый художественный метод познания действительности. Элементы лирической окраски в описании природы, образа Береники, олицетворявшей собой область бессознательного, обозначали особую тональность и специфику барресовской прозы. Соединив воображение с анализом, писатель дал описание «состояния души», как выражение особого жизненного драматизма, открытого и трактованного Барресом как принадлежность его эпохи.

Ключевые слова: М. Баррес, роман «Сад Береники», бессознательное, поэтика, лирический роман.

Последняя четверть XIX века ознаменовалась возрождением идеалистической философии, плодом которой явился индивидуализм. Позитивизм не вполне отвечал запросам человека. Идеалистическая философия, напротив, являлась выражением некоторой вечной потребности духа, с общим стремлением к нравственному обновлению. Движение мысли в 90-е годы XIX века шло в направлении живейшего интереса к иррациональному, превратившемуся затем в культ чувства и инстинкта. Считалось, что разум уже не определял всю глубину поведения человека. В инстинкте истина, единственное, что можно считать достоверным в жизни. Представители новой литературы, к которым примыкал Баррес, обогатили французскую литературу интересными и значительными находками в области художественного творчества. Так было «открыто» подсознание с его влиянием на весь рисунок человеческой личности, объясняющее ее сложность и противоречивость. В духе обновленной идеалистической философии Морис Баррес создает трилогию «Культ Я», 1888-1891. Писатель представил собственную теорию индивидуализма, получившую художественное воплощение в романах трилогии. Замысел этой теории заключается в создании такого мировоззрения, которое могло быть свойственно молодым людям конца XIX века, решившим мыслить самостоятельно и не следовать уже известным формулам. На протяжении всей трилогии «я» претерпевает эволюцию, которая совершается благодаря инстинкту, способному развить у человека его способность чувствовать (*la sensibilité*), т.е. обрести верное понимание вещей. На заключительном этапе своего ученичества «я»

будет готово заниматься активной жизнью и принесет пользу обществу. Поиск гармонии между индивидуумом и обществом становится центром внимания последнего романа трилогии «Сад Береники», 1891.

Роман начинается с того, что Филипп, так зовут героя романа, выступает кандидатом в палату депутатов в период буланжизма. Он отправляется в Арль, в свой избирательный округ. Выборы проходят успешно и теперь «я» героя может проявить себя. В этом городе он встречается с Береникой, которую знал еще ребенком. Оба были рады встрече. От нее Филипп узнает, что она знакома с Шарлем Мартеном, его политическим противником, который оспаривает первенство на выборах.

В следующих главах рассказывается о детстве Береники, которое прошло в бывшем королевском замке. Девочка росла в полном одиночестве, блуждая целыми днями по замку среди картин и гобеленов, сюжеты которых рождали в детском воображении разнообразные мечты и фантазии. Атмосфера замка сформировала чувствительную и утонченную душу. Живя постоянно в мире грез, Береника даже не подозревала о существовании активной жизни. Еще тогда в этом ребенке Филипп увидел родственную душу. «О, моя дорогая Береника, как вы близки моему сердцу» [1, 70]. Для него Береника олицетворяла область бессознательного, как «существо, наделенное одним лишь инстинктом, ничем не связанное со своей средой» [1, 85]. Береника даже не подозревала о существовании активной жизни. Она принимала общество таким, каким оно было на самом деле. В дали

от мирской жизни, в безмолвной долине Эг-Морт, в трех часах езды от Арля, жила Береника. Ее дом, окруженный необыкновенным садом, олицетворял собой некую вселенную, царство инстинкта. В этом саду Филипп почувствовал себя по настоящему счастливым человеком. Сверхчувственное наделяет его «я» всей гаммой чувств и ощущений, существующих в мире. Герой признавался, что «за последний год все движения моего способа чувствовать было сосредоточено вокруг Береники. В моем воображении эта девушка представляла полное выражение условий, в которых расцветет мое счастье; она – тот я, которым я хотел стать. Для разившейся души существует только один диалог, диалог между нашим скоротечным «я», которым мы являемся, и идеальным «я», которым мы стремимся стать» [1, 316-317].

Седьмая глава под названием «Педагогика Береники» повествует о том, чему учила эта девочка Филиппа, какой урок извлек герой для дальнейшего восприятия культуры «я»? Глава делится на три раздела: 1. Метод Береники, 2. Удовольствия Береники, 3. Обязанности Береники. Постепенно Филипп ощутил, как в нем «освежился инстинкт, живая сила, производящая людей» [1, 182]. Инстинкт становился для него самой высшей ступенью анализа. «Ему одному «я» могло доверять и следовать за ним с закрытыми глазами» [1, 199].

Следуя по пути совершенствования, герой начинает осознавать себя мгновением вечности. Филипп воображает, что может быть Береника когда-то жила в XV веке среди предков его родной Лотарингии. Она стала тем воображаемым «крючком», с помощью которого он смог ухватить нити, связывающие его с прошлым малой родины. Эта связь оказалась жизненно необходимой для него, так как он истощил себя постоянными экспериментами и изнурительным анализом, о чем повествуют первые два романа трилогии «Под взглядом варваров», 1888, и «Свободный человек», 1889. В них Филипп зарекомендовал себя гордым индивидуалистом, отрекшись от своих корней. В течение веков народ Лотарингии накапливал энергию и опыт, которые желало бы обрести «я» героя. Погружаясь в глубину веков, оно инстинктивно устанавливает связь со своими предками и проследживает путь становления их сознания. Филипп узнает о происхождении своего «я», предвидя затем его будущие возможности.

Итак, Береника является аллегорическим выражением «я» героя в момент, когда оно вобрало в себя всю гамму чувств и ощущений, существующих в мире. И теперь оно достигло своего совершенства и стало идеальным.

В романе Беренике противопоставлен Шарль Мартен, позитивист, живущий только в материальном мире и не признающий мир грез. Такие люди, как он, считают, что их способ чувствовать самый трезвый, а все осталь-

ные способы представляют собой зрелище или притворство. Поэтому по отношению к Беренике он выступает как «варвар». Под «варварами» подразумеваются все те, у кого иной взгляд на жизнь и окружающий мир. Они лишены тонкой чувствительности, не столь мечтательны, но зато практичны и крепко стоят на земле. Когда Мартен говорит о природе, то в его речи совершенно отсутствуют эпитеты, которые могли бы подчеркнуть красоту прудов, неба и природу долины Эг-Морт. Более того, он отказывается принять пейзаж долины Эг-Морт таким, каким он есть, и предлагает его изменить на свой вкус. Напротив, Береника воспринимает природу инстинктивно и с помощью своей чувствительной души ощущает полную гармонию с ней. «Когда стало настолько очевидно, что это бесконечно чувствительное существо страдает только от того, что оскорбило таинственные желания своего инстинкта, Мартен между тем продолжал утомлять нас своей материалистической терапией» [1, 301].

В какой-то момент Филипп начинает воспринимать Беренику и Шарля Мартена одинаково, не выделяя и не отвергая ни одного из них. «В то время как Береника, – говорил себе Филипп, – объединяла мою душу с Эг-Морт посредством тончайшей чувствительности, я подкреплял этот союз мелкими сведениями, которые давал мне чистый разум Шарля Мартена» [1, 138]. Герой продолжает видеть вселенную такой, какой ее воспринимала Береника, прекрасной, окутанной религиозной таинственностью. Но в то же время его привлекает восприятие вселенной Шарлем Мартемом как совокупность одних мелких деталей, утратившую способность к любому движению. «Подобно тому, как волны с каждым днем изменяют берег, – размышлял Филипп, – также и в чувствах происходят приливы и отливы, которые воздействуют на чувствительность людей. Береника, Шарль Мартен и я, – приходит к выводу герой, – мы представляем разные формы человеческого сознания» [1, 140]. Если Мартен воплощает собой мысль, а Береника – инстинкт, то Филипп объединяет в себе обе эти формы, образуя синтез интеллектуального и чувственного. «Меня самого больше не существовало, я был просто суммой всего, что видел. Все индивидуальные страсти исчезли. Я больше не противопоставлял себя Беренике или Шарлю Мартену; они казались мне живописным мгновением в чудесных судьбах человечества» [1, 143-144].

В двенадцатой главе описана смерть Береники. Однако для героя умирала не сама Береника, а умирало его идеальное «я», которое, достигнув совершенства, должно выступить в ином качестве и перейти на следующий этап своего развития. Идеальное «я», к которому с таким рвением стремился герой и которое ласкало его воображение, должно умереть. Ему не суждено найти себя в реальной жизни. Стихийный юношеский бунт против мещанской рутины и попытка вырваться из мира бездуховности завершается теперь примирением с этим миром

и подчинением ему. Такая концепция ляжет в основу будущей доктрины Мориса Барреса, которую писатель называет «Земля и мертвые». Одно из положений доктрины будет заключаться в том, чтобы индивидуальное «я» превратилось в коллективное «я». Индивидуумы должны объединиться и действовать сообща, одинаково реагируя на существующие проблемы.

Образ Береники в свое время вызвал симпатии современников. А. Франс, сравнивая «Сад Береники» с «Новой жизнью» Данте Алигьери, писал: «Это небольшой аллегорический роман, в котором чувствуется хрупкость и почти начало флорентийского искусства» [2, 223]. А. Тибодэ находил, что жизнь аллегорий в этом романе напоминает «Роман о розе» [4, 153].

Роман «Сад Береники» выдержан в тоне субъективной лирики. От символизма здесь и усложненная метафоричность, и приподнятость тона. Лирический роман явился совершенно новым жанром для французской литературы. В таком романе, – писал Ж. Мюллер, – «несколько персонажей выражают то, как автор чувствует, понимает и оценивает жизнь, как он показывает, конкретно из воплощая, оттенки и противоречия своей души или беспокойство своего разума. Так лиризм, эстетическое проявление темперамента, выходит сегодня за поэтические рамки, чтобы заимствовать более или менее полно форму романа» [3, 18].

Поэтика лирического романа казалась чем-то необычным и нарушала «жанровую этику». Излагая теории индивидуализма и роли Береники в воспитании «я» героя, Баррес время от времени возвращает читателя к реальной действительности. Введение эпизодов, связанных с жизнью героини, помогает обеспечить повествовательный интерес к роману и облегчить читателю трудный путь через лабиринт философской теории и умозрительных рассуждений автора. Подобная структура романа дает возможность читателю симпатизировать героине. Вместе с ней переживать ее горе и проникнуться сочувствием к этому хрупкому и нежному существу.

На первый взгляд, события, описываемые в романе, протекают как это бывает в жизни: приезд Филиппа в Арль, встреча с Береникой, рассказ о ее детстве и несчастной любви героини. Но за этой реальностью следуют философские выкладки автора, которые приводят к тому, что Беренику нельзя воспринимать как реального человека, она превращается в символ, становится аморфной субстанцией. Перед читателем предстает

ирреальная Береника, которая превращается в один из компонентов тончайших хитросплетений барресовской теории индивидуализма. В художественном отношении подобные авторские отступления восходят к символизму. От символизма здесь стремление внести исключительность в самую гущу повседневности, незаметным претворением довести образы и явления обыденной действительности до границ мистического.

Из первых пяти глав романа становится понятным, что история Береники не является самоцелью писателя. Она служит скорее фоном, на котором происходит дальнейшее развитие теории индивидуализма. Идея романа определяет его структуру. Она выстраивается согласно теории, по соответствующей схеме. А раз существует схема, то, следовательно, художественная сторона будет ей подчинена. Однако, Баррес художественно изобразил настоящие нравственные страдания. И это вызвало симпатии у современников. «И, наконец, (ни один литературовед не ошибется), – как справедливо подметил А. Франс, – г-н Морис Баррес владеет опасным и проникающим оружием: стилем. Его гибкий язык, одновременно точный и неуловимый, обладает чудесными возможностями. Пейзаж в «Саду Береники», с его стремительными мазками и бесконечной перспективой, незабываем» [2, 230].

Жанр лирического романа не представлял собой единичного явления. Опубликованный в 1914 году роман Алена-Фурнье «Большой Мольн», явился отражением того же круга эстетических идей, которые начали зарождаться на рубеже XIX-XX веков. В нем так же, как и в трилогии Барреса, познание мира осуществляется не разумом, а посредством ощущения, предпочтение отдается субъективному подходу к материалу, а принцип отображения действительности состоит в тесном взаимодействии прозы с поэзией.

Общая направленность исканий Барреса совпала с линией так называемой антинатуралистической реакцией в литературе конца XIX века. Барресу как представителю новой литературы пришлось столкнуться с разными идейными и художественными направлениями, испытать на себе их влияния, самому создавать эстетические принципы и оказывать влияние на других. Баррес, создавая новый тип романа, стремился к преодолению старого канона прозы. Справедливо, что Баррес был не удовлетворен испытанной поэтикой в духе натурализма, что он стремился преодолеть прежнюю условную типизацию явлений и лиц и построить новаторские формы романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barrés M. Le Jardin de Bérénice / M. Barrès. Paris: Emile Paul, 1910. 346 p.
2. France A. La Vie littéraire / A. France. Paris: Calmann Lévy, 1892. 374 p.

3. Muller J. Les derniers états des lettres et des arts. Le roman / J. Muller. Paris: E. Sansot, 1913. 356 p.
 4. Thibaudet A. La Vie de Maurice Barrès / A. Thibaudet. Paris: Nouvelle revue française, 1921. 315 p.
-

© Степанова Наталия Николаевна (n.stepanova.55@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ДЕВУШКИ В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ КУБАНИ

Финько Ольга Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет»,
филиал в г. Славянске-на-Кубани
kucherenko07@yandex.ru

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE MAID IN THE KUBAN FOLK SONGS

O. Finko

Summary: The article presents the experience of describing the linguistic representation of the concept "Maid" in the folk poetic speech of the Kuban Cossacks. Taking into account the historical factors of the development of the Kuban region, which led to the formation of two folklore traditions – Russian-language and Ukrainian-language traditions, – the methodology of cross-cultural research was chosen in the work. The comparative study is based on the data of the contrastive dictionary of folk songs of the Kuban Cossacks, developed on the material of the corpus of Russian-language songs of the line Cossacks, Ukrainian-language songs of the Black Sea Cossacks, Russian and Ukrainian folk songs. In the presented article we note the linguistic and cultural originality of the concept, verbalized in folk songs by two closely related forms of the language of the Kuban Cossacks.

Keywords: linguafolklore study, crosscultural linguafolklore study, concept, contrasting dictionary, corpus of folk song lyrics.

Аннотация: В статье представлен опыт описания языковой репрезентации концепта «Девушка» в народно-поэтической речи кубанского казачества. С учетом исторических факторов развития кубанского региона, повлекших формирование двух фольклорных традиций – русскоязычной и украиноязычной, – в работе была избрана методика кросскультурного анализа. Сопоставительное исследование проводится на основе данных контрастивного словаря народных песен казаков Кубани, разработанного на материале корпусов русскоязычных песен линейных казаков, украиноязычных песен черноморских казаков, русских и украинских народных песен. В рамках представленной статьи отметим лингвокультурное своеобразие концепта, вербализованного в народных песнях двумя близкородственными формами языка кубанского казачества.

Ключевые слова: лингвофольклористика, кросскультурная лингвофольклористика, концепт, контрастивный словарь, корпус текстов народных песен.

Вопрос о взаимосвязи языка и культуры возникает в научной среде практически с момента зарождения такой области гуманитарного знания, как лингвистика. Новаторские идеи одного из отцов лингвистики, немецкого ученого В. фон Гумбольдта, об отождествлении языка с национальным духом народа, без которого язык не может существовать, нашли продолжение в трудах отечественных ученых А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого и ряда других деятелей. Один из ведущих специалистов советской эпохи Г.О. Винокур отмечал, что отдельный язык является индивидуальным и неповторимым историческим явлением. Даже при изучении языка исключительно ради него самого, а не для того, чтобы получить доступ к явлениям культуры, находящим в нем отражение, исследователь в любом случае также изучает и соответствующую культуру, может быть, даже самую важную главу ее истории [2, с. 210–211].

Язык фольклора является кладзем не только многих фактов разных уровней языковой системы, но и источником познания культурной традиции и истории народа. В связи с этим актуальный вопрос корреляции языка и культуры в устном народно-поэтическом творчестве становится одним из центральных в современной лингвистике, в рамках которой выделились такие направ-

ления, как лингвофольклористика, сопоставительная лингвофольклористика и кросскультурная лингвофольклористика. Новые дисциплины, теоретическая база которых разработана курскими учеными, решают вопросы изучения языка фольклора с применением лингвистических и фольклористических методов, а также предлагают свои уникальные методики [1, 8].

Инструментарий для выявления культурных предпочтений этноса и специфических особенностей ментальностей предлагает такое направление, как кросскультурная лингвофольклористика. Методика исследования основана на сопоставлении культур разных этносов на уровне вербализованных концептов. В рамках данной статьи применим указанную методику для выявления особенностей культуры двух близкородственных этнических групп, линейных и черноморских кубанских казаков, на материале народных песен. Для начала уточним, что кубанская народная традиция не является однородной, поскольку формировалась она достаточно поздно, с конца 18 в., в результате смешения многих традиций, при этом две можно обозначить как базовые, это южнорусская и восточноукраинская. Территориально носители этих традиций распределялись тоже неоднородно: так северо-западная часть Кубанского региона

осваивалась Черноморским казачьим войском, а также переселенцами из Полтавской, Черниговской губерний, то есть носителями малорусских традиций и говоров; а юго-восточная территория заселялась казаками линейного войска, преимущественно переселенцами из южнорусских земель, Воронежской, Курской губерний. Таким образом, на новой территории образовался некий «культурный котел», в котором развилась традиция вторичного образования со множеством специфических черт, которые как раз и позволяет выявить инструментальный кросскультурной лингвофольклористики.

Итак, объектом изучения в данной статье является девичий образ, который обозначим как концепт «Девушка», в народных песнях кубанского казачества и языковые формы его репрезентации; предмет исследования – культурные смыслы, аккумулированные этими формами. Заметим, что тема в силу своей обширности не будет исчерпана только материалами представленной статьи. Основная задача, которая стоит перед нами на первоначальном этапе, – анализ номинаций лица, которому свойственен так называемый «девичий образ», а именно юной незамужней женщины, достигшей брачного возраста. Изучение языковой репрезентации внешнего и внутреннего облика девушки отметим как перспективу данного исследования.

Обратим внимание на тот факт, что материалом для анализа послужила народно-песенная традиция Кубани. Надо сказать, что лингвофольклористами проведена существенная лексикографическая работа, которая в значительной степени облегчает сбор эмпирических данных. Так, в распоряжении исследователя имеются составленные Е.В. Литус конкордансы народных песен линейных и черноморских казаков Кубани [5], а также результат труда коллектива ученых – контрастивный словарь народных песен казаков Кубани [6]. Работы подготовлены на основе сборников исторических, военно-бытовых, лирических, балладных, обрядовых, шуточных и плясовых песен, собранных известными собирателями кубанского фольклора А.Д. Бигдаем и Г.М. Концевичем.

Поскольку кубанская фольклорно-песенная традиция в своей основе имеет два начала, южнорусское и восточнорусское, то вполне логично, что невозможно выделить в ней единый образ молодой незамужней женщины, и возникает необходимость сопоставления двух вариантов его реализации, сформировавшихся на хоть и родственных, но отличающихся лингвокультурных основах. Предположение о том, что оба эти образа будут иметь как сходства, так и различия, можно выделить в качестве гипотезы.

Внесем справку о концепции контрастивного словаря как инструмента кросскультурной лингвофольклористики. Единицей данного источника является, как прави-

ло, пара эквивалентных концептограмм, описывающих один и тот же концепт. В контрастивном словаре кубанских народных песен предусмотрена, тем не менее, четырехячейная словарная статья, в которой систематизируются попарно эквиваленты из корпусов русских народных песен и русскоязычных кубанских песен, а также лексемы украиноязычных песен Кубани сопоставляются с соответствующими лексемами украинских народных песен. Словарная статья отображает парадигматико-синтагматические связи слова в контекстах, а также функциональные, словообразовательные особенности и количественные параметры лексем.

Данные словаря, отображающие частоту употреблений искомым наименований в корпусах текстов, позволяют провести количественный анализ и увидеть в языковой картине мира кубанского субэтноса место такого персонажа народно-песенного жанра, как девушка. С этой целью осуществим выборку наименования лиц из словаря песенного фольклора линейных и черноморских казаков; сгруппируем лексемы, вербализующие один и тот же концепт; ячейки, в которых систематизированы репрезентанты расположим в порядке убывания словоупотреблений в корпусах текстов. Результаты выборки представлены в таблицах ниже. (Таб. 1., Таб. 2.)

Итак, в таблицах систематизированы наименования лиц, употребляемые в текстах народных песен Кубани. В соответствии с условиями отбора из корпуса песен линейных казаков выделено 13 рядов наименований, из песен черноморских казаков – 15. Уже из перечня лексем можно сделать вывод о том о том, что излюбленной темой народно-песенного творчества являются брачно-семейные отношения, потому как большую часть позиций занимают номинации, обозначающие семейный статус. Тем не менее, в обоих корпусах народных песен по количеству словоупотреблений лидируют наименования девушки. Данный факт, конечно, не является случайностью, а выделяет концепт «Девушка» в качестве доминанты фольклорно-языковой картины мира в кубанской песенной традиции. В соответствии с данными контрастивного словаря в языке русскоязычных песен линейных казаков выявлено 9 номинаций: *девица* (30 словоупотреблений, далее с/у), *девка* (32 с/у), *девочка* (1 с/у), *девушка* (51 с/у), *девчонка* (19 с/у), *девчина* (1 с/у), *девчоночка* (6 с/у), *девка-невеличка* (1 с/у), *девушка-подруженька* (1 с/у). В украиноязычных черноморских песнях установлено 19 лексем: *дивчина / дивчына* (266 с/у), *дива* (1 с/у), *дивка* (81 с/у), *дивоця* (3 с/у), *дивоча* (1 с/у), *дивочка* (1 с/у), *дивця* (6 с/у), *дивча* (5 с/у), *дивчаточка* (1 с/у), *дивчинка* (2 с/у), *дивчонця* (3 с/у), *дивчывонька* (1 с/у), *дивчынонька* (133 с/у), *дивчыночка* (6 с/у), *дивчыня* (2 с/у), *дивка-чаривныця* 1, *дивка-сыротына* (1 с/у), *дивчына-горлыця* (1 с/у), *дивчына-чаривныця* (1 с/у).

Отобранные наименования восходят к общеславян-

Таблица 1.

Наименования лиц в народных песнях линейных казаков.

№ п/п	Категории для номинации лиц	Номинарующие лексемы с указанием числа словоупотреблений в корпусе народных песен линейных казаков	Число с/у
1.	Наименования молодой незамужней женщины	девица 30, девка 32, девочка 1, девушка 51, девченка 19, девчина 1, девчоночка 6, девка-невеличка 1, девушка-подруженька 1	142
2.	Наименования молодого человека	молодец 126, парень 4	130
3.	Наименования женщины, имеющей детей	мать 53, мамаша 6, маменька 23, мамка 1, мамушка 4, матушка 37 мать-отец 2, Матерь Божия 5	126
4.	Наименования представителя воинского сословия, члена военно-земледельческой общины	казак 99, казак-пшеронец 1, казаченька 5, казачинька 2, казачок 4	111
5.	Наименования мужчины по отношению к своим детям	отец 55, батенька 3, батюшка 43, батя 1, родитель 1, мать-отец 2	104
6.	Наименования женщины в браке	жена 78, жenuшка 1, молодушка 16, молодка 7	102
7.	Наименования лица женского пола по отношению к родителям	дочь 4, дочка 13, дочушка 2, доня 1	44
8.	Наименования лица мужского пола по отношению к родителям	сын 27, сыночек 5, сын-сокол 2	34
9.	Наименования дочери по отношению к другим детям одних родителей	сестрица 29, сестра 2	31
10.	Наименования мужчины в браке	муж 30	30
11.	Наименования сына по отношению к другим детям одних родителей	брат 21, братец 5, братица-дети 1	27
12.	Наименования ребенка	дитя 6, дитяtko 4, детина 1, детинка 1, детинушка 3	15
13.	Наименования отца мужа	свекор 13	13

Источник: Составлено автором

ской лексеме *děva*, которая, в свою очередь, произведена с большой вероятностью от общеславянского корня *dě-* с помощью суффикса прилагательного *-va* [10, с. 235]. В связи с этим при анализе исходного значения слова следует обращать внимание на связь с древнерусской и старославянской формой «дѣвая», т.е. девственная [там же].

Рассмотрим номинации девушки в песнях линейных казаков. Наиболее частотная лексема русскоязычных текстов – *девушка* (51 с/у). Отметим, что в современном русском языке слова *девушка* употребляется в значении «лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке» (7, с. 375). Контексты песен линейных казаков иллюстрируют аналогичное значение: Ой, *девушки* гуляли, молодца манили; Потеряешь свою молодость По *девушкам* по *молодушкам*... (5, с. 68–69). Слово является нейтральным по своему стилистическому значению.

Следующими по числу употреблений выделяются с небольшой разницей лексемы *девка* (32 с/у), *девица* (30 с/у). Оба слова в своем первом лексическом значении означают то же, что и *девушка*. Лексема *девка* употребляется также по отношению к крестьянской девушке и горничной (7, с. 375). Семантика этих репрезентантов в корпусах народных песен Кубани вполне соответствует основному стилистически нейтральному словарному значению, что подтверждают фрагменты из текстов: *Да*

любил парень красну девку, / Любил и спокинул; ...Аль из-менница девица / В час условный не пришла? [5].

Анализ контекстов песенных текстов позволил включить в перечень лексем-репрезентантов слово *девчонка* (19 с/у) и производное от него *девчоночка* (6 с/у). В русском языке *девчонка* является уменьшительно-уничижительной формой от слова *девочка*, т.е. от наименования ребенка женского пола (7, с. 375). Однако в народно-песенных текстах обе лексемы употребляются по отношению к молодой девушке, что демонстрируют следующие примеры: *Не привыкли мы так жить, Чтоб по ветреной девченке / Сокрушаться и тужить; Ходил казак до девчонки поздно; Просватана девчоночка моя* [5]. Репрезентант *девочка* (1 с/у) с единичным употреблением судя по контексту также номинирует девушку, достигшую брачного возраста: *Гулял парень да из девочкою* [5].

В песенных текстах отмечены репрезентанты в виде сложных слов, второй компонент в которых выполняет уточняющую функцию вторичной номинацией. Так, *девка-невеличка* (1 с/у) указывает на небольшой рост персонажа, а *девушка-подруженька* (1 с/у) – на статус дружеских отношений между девушками.

Словарная статья контрастивного словаря позволяет изучить все субстантивные связи отмеченных выше лексем и, соответственно, отметить вторичные номина-

Таблица 2.

Наименования лиц в народных песнях черноморских казаков.

№ п/п	Категории для номинации лиц	Номинарующие лексемы с указанием числа словоупотреблений в корпусе народных песен линейных казаков	Число с/у
1.	Наименования незамужней молодой женщины	дивчина 140, дивчына 126, дива 1, дивка 81, дивоця 3, дивоча 1, дивочка 1, дивця 6, дивча 5, дивчаточка 1, дивчинка 2, дивчонця 3, дивчывонька 1, дивчынонька 133, дивчыночка 6, дивчыня 2, дивка-чаривныця 1, дивка-сыротына 1, дивчына-горлыця 1, дивчына-чаривныця 1, дивчына-чаривныченько 1	517
2.	Наименования представителя воинского сословия, члена военно-земледельческой общины	козак 290, козак-сокол 1, козаченька 114, козачок 1	406
3.	Наименования женщины, имеющей детей	маты (матир) 239, мама 34, мамка 1, матинка 23, матэнька 1, матуся 20, матусэнька 16, ненька 22, нэнька 17, нэня 1, неня 2, мамо-голубко 1, мамочко-лелечко 2	379
4.	Наименования женщины в браке	жинка (жынка), жынок (обрац.) 118, жена 3, жиночка 2, жона 5, дружина 12, дружинонька 2, молодыця 20, молодычка 4	166
5.	Наименования мужчины по отношению к своим детям	отэць 10, батько 70, батенько 10, батечка 1, батько-отець 1, батэнько 10, тато 5, таточка 1, татусенька 1	109
6.	Наименования лица мужского пола по отношению к родителям	сын 85, сынок 8, сыночек 10, сыноченька 1	104
7.	Наименования молодого человека	молодэць 20, парэнь 14, паринь 1, парубок 4, хлопэць 58, хлопэць-молодэць 2	99
8.	Наименования сына по отношению к другим детям одних родителей	брат 52, братик 14, братэц 22	88
9.	Наименования лица женского пола по отношению к родителям	дочка 42, доня 33, донька 6, донэнька 3	84
10.	Наименования мужчины в браке	муж 20, мужык 24, мужычище 3, чоловик 35	82
11.	Наименования ребенка	дитятко 2, дытына 20, дытынятко 1, дытя 20, дытятко 1, дэтына 7	51
12.	Наименования дочери по отношению к другим детям одних родителей	сестриця 8, сэстрыця 2, сестра 19, сэстра 15	34
13.	Наименования человека, достигшего старости	дид 26, дидок 2, дидуся 1, дидько 1	30
14.	Наименования мужа дочери	зять 15, зятэнька 1	16
15.	Наименования матери мужа	свекруха 3, свэкруха 4, свекровь 1, свэкровь 1, свекруся 1, свэкруся 1, свэкрушенька 2	13

Источник: Составлено автором

ции девушки. Так, в контекстах песенных текстов встречаются сочетания 'с девками, молодками'; 'по девушкам, по молодушкам'; 'девушку, близкую соседушку'. Примечательно, что и для первичных, и для вторичных номинаций характерны уменьшительно-ласкательные формы, что выражает семантику нежности и трогательности девичьего образа, а, кроме того, обусловлено неписанными законами фольклорно-песенного жанра. Ведь далеко не весь состав диалектной лексики находит отражение в текстах, а только лексические единицы, прошедшие отбор в многовековой исполнительской практике, одобренные народным художественным сознанием и способная оказывать благотворное, приятное слуху эстетическое воздействие.

Анализ прилагательных в сочетании с лексемами-репрезентантами концепта «Девушка» вносит дополнительные представления в понимание девичьего образа в

песнях кубанских линейцев. Самым частотным является слово *красный* (35 случаев употребления). Как известно, сочетание *красная девица* (а также его варианты) фразеологизировано и используется для обозначения молодой девушки на выданье: *Красна девица ишла, / Чернобрыва, хороша* [5, с. 69]. Цветовое прилагательное в фольклорном тексте расширяет свою семантику и употребляется в своем первоначальном значении 'красивый', а также в значении 'соответствующий определенным нравственным нормам'. Таким образом, в фольклорном тексте цветовой эпитет становится оценочным эпитетом [9, с. 47–48]. В текстах наблюдается морфологическое варьирование краткой и полной форм прилагательного. Краткие формы преобладают почти в два раза и составляют 23 с/у, что отражает период историческом развитии русского языка, когда краткая форма прилагательного была основной.

Следующим по частотности является прилагательное *хороший* (исключительно в краткой форме), которое в фольклорном тексте также обозначает соответствие требуемым внешним и моральным качествам девушки. Для положительной характеристики девичьего образа служит в том числе эпитет *манерна*: *Мы заиграем во скрипицу / Про душу красную девицу, / Про манерну, хорошу, / Свет про Ганюшку душу* [5, с. 142]. Отсылка на юный возраст девушки содержится в лексемах *молода, молодая*. Прилагательная *черноброва* указывает на эталонную черту во внешнем облике. Причастие *просватана* отражает статус девушки, готовящейся вступить в брак. Отрицательная характеристика передается в сочетании с прилагательным *ветренная*: *...по ветренной девченке / Сокрушаться и тужить* [5, с.261].

Статья контрастивного словаря фиксирует все возможные глагольные связи репрезентантов рассматриваемого концепта, причем в материалах словаря разграничиваются субъектные и объектные виды синтаксических отношений, то есть мы имеем возможность наблюдать, какие действия девушка, как действующее лицо сюжета народно-поэтического текста, выполняет, а какие действия направлены на нее. Надо заметить, что подобные наблюдения вносят существенный вклад в понимание стереотипного представления о девушке как типичном образе казачьего общества.

Обратившись к контрастивному словарю, рассмотрим действия, которые девушка выполняет. Итак, эти действия обозначаются глагольными структурами со значением движения и состояния покоя: *(не) приходит, выходить, прийти идти, ходить (по горенке), приступить, гулять, сидеть*; зрительного восприятия: *увидать*; речевой деятельности: *спрашивать, говорить, загадать*; обрядовой деятельности: *гадать, бросать (венки)*; хозяйственной деятельности: *доить, цедить; вывести, оседлать (коня)*; эмоционального состояния: *любить, (не) любить, плакать, расплакаться, тужить, рыдать, ломить (ручки до серденька), насмехаться*; привлечения: *переманить, манить, привадить*; коммуникативной деятельности: *спрашивать*; в метафорическом значении: *срисовать, смалювать* (Например: *Три девчонки...Срисовали, смалювали Василькины брови*, [5, с. 257])

Действия, направленные на девушку со стороны других персонажей, в контекстах песен выражают семантику любви и эмоциональной привязанности: *любить девицу, (не) любить, потерять по девушкам (свою молодость), сокрушаться и тужить по девчоночке, плакать за девчоночкой, тужить за девчоночкой*; установления брачных отношений с девушкой: *взять девицу, взять девушку за меня, сватать*; встреч, свиданий: *повести девицу, пойти до девицы, гулять с девками, <быть> с девушками, перебрать, ходить до девушек, ходить до девчоночки*; расставания: *спокинуть*; воспоминания: *за-*

играть про девицу, (не) взнать; привлечения: *полонить девок* (уст. 'пленить'); передачи, продажи девушки: *дарить девок, продавать, дать за девушку (сто рублей)*; физического или психического действие по отношению к девушке, в т.ч. причинения вреда: *наступить девке (на ногу), поймать, будить девицу, насмеяться над девчоночкой, пустить на девчоночку дурную славу, вговорять*; в обрядовом значении: *водить с девками таночки* (обрядовые танцы).

Число номинаций девушки в украиноязычных песнях черноморских казаков гораздо превышает количество таковых в песенных текстах линейцев (19 лексем). Доминантой среди наименований является лексема *дивчина* (вариант написания в сборнике песен – *дивчына*), число употреблений которого составляет 266 с/у. В текстах установлен также ряд производных с помощью уменьшительных суффиксов слов: *дивчинка* (2 с/у), *дивчывонька* (1 с/у), *дивчынонька* (133 с/у), *дивчыночка* (6 с/у), *дивчинця* (2 с/у).

С целью установления лексического значения перечисленных номинаций соотнесем их с эквивалентом *дівчина* в украинском языке. Судя по данным словаря, лексическое значение украинского слова шире, чем у русского соответствия, поскольку оно номинирует не только девушку, но и девочку [3, с. 388]. Тем не менее, в украиноязычной фольклорно-песенной речи черноморских казаков *дивчина* – персонаж, который упоминается, как правило, в лирическом контексте, а следовательно, номинирует лицо, достигшее брачного возраста. В пользу этого утверждения выступают примеры синтагматических связей лексемы, отраженные в контрастивном словаре. Так, например, в текстах можно отметить большое число сочетаний с существительными в функции вторичной номинации, реализующими дополнительные стилистические семы эмоциональной привязанности по отношению к девушке. Таким коннотативным значением наделены вторичные номинации-зоометафоры *дивчина пэрэясливко, ластивка* (2 с/у), *дивчино, моя любя рыбчино* (1 с/у), *девчина рыбчина* (8 с/у), *дивчина голубонька* (1 с/у), *дивчынонька голубонька* (1 с/у), *дивчына-горлыця* (1 с/у), *дивчынонька (сира) утко* (1 с/у); номинации-фито-метафоры *дивчино, червона калыно* (1 с/у); номинации, реализующие семантику магии, волшебства: *дивчына чаривныця* (2 с/у), *дичыно-чаривныченько* (1 с/у); номинации, производные от соматизмов, например, *дивчина сэрце* (1 с/у); *серце дивчина* (2 с/у); *дивчынонька сэрдянятко* (1 с/у); *дивчина чернобрывка* (3 с/у). Номинация *сэрце* употребляется, конечно, не в соматическом значении, а как символ духовной и душевной жизни героя, его эмоциональной привязанности к номинируемому этим словом лицу. Лексема *чорнобрывка* отмечает эталонную черту внешнего образа девушки, черные брови.

Среди наиболее частотных репрезентантов концепта

«Девушка» в украиноязычных кубанских песнях следует отметить лексему *дивка* (81 с/у), слово с нейтральным значением «взрослая девушка, могущая уже выходить замуж», если сослаться на данные толкового словаря украинского языка [3, с. 387]. Кроме того, в текстах используется производная уменьшительная форма *дивочка* (1 с/у). Здесь не следует путать с рус. *девочка*, обозначающим ребенка-подростка женского пола. По данным словарей укр. *дівочка*, перешедшее в говор кубанского казачества, происходит от *дiва*, *дiвка* [3, с. 387]. Лексемы *дивча* (5 с/у), *дивця* (6 с/у) и производные от них *дивоця* (3 с/у), *дивчонця* (3 с/у) также употребляются для обозначения молодой девушки или девочка, а в контекстах кубанских песен исключительно называют девушку: *На що мені літа молодии, / Весели дивочи? ; ...хлопци, ... накажить вы дивоци, ...; Накажить вы дивоци, / що у красной сороци...* [6, с. 113]. Подчеркнем, что для украиноязычных номинаций девушки, так же, как и для русскоязычных, свойственны диминутивные формы, причем разнообразие уменьшительных суффиксов в черноморских песнях гораздо шире.

Обратимся к анализу связей лексем-репрезентантов с прилагательными. В украиноязычных текстах гораздо реже, нежели в русскоязычных, используется фразеологизация лексемы *дивчина* с эпитетом *красный*, отмечено всего пять употреблений: *Лид котрым та красна дивчина / З козаком стояла...* [5, с.228]. Однако значительно превышающее общее число прилагательных в песнях черноморцев (по сравнению с песнями линейных казаков) дает более разнообразную характеристику девичьего образа. Итак, положительные качества, внешняя привлекательность девушки репрезентируются лексемами *хороша*, *гарна*, *моторна*, *гарнесенька*. Привлекательные черты во внешности отмечают слова *пышна*, *черноброва*, *чорнобрыва*, *билолиця*, *уродлива* 'красивая', *билэснька*, *румяная*, *чорнявая*. Семантика любви передается словами *люба*, *любая*, *полюблэнная*, *мыла*, *кохана*, *дорогая*, *мылэснька*. Девичий образ в текстах казачьих песен наделен и такими характеристиками, как грусть: *смутна* 'грустная'; *смутна, не весела, засмученая* 'опечаленная'; верность: *вирна*; беззаботность: *бэспэчна*; глупость: *дурна* (*як овэчка*); *дурна, та неразумна*; счастье: *щаслива*; гордость: *горда*; юный возраст: *молода*, *молодая*; благосостояние: *богатенька*; здорова принадлежность кому-то другому: *чужая*; одеяние: *боса*. Лексемы *зарученая*, *заручена*, *незарученая*, *засватана* номинируют девушку после совершения определенного обряда свадебного цикла (заручин или сватовства).

Следует подчеркнуть, что количество глагольно-субъектных связей (Vs) у всех репрезентантов гораздо больше, чем глагольно-объектных (Vo). Например, самая частотная лексема *дивчина* показывает 73 варианта сочетаний с глаголом в качестве подлежащего и 64 варианта в качестве объекта. Репрезентант концепта *дивка*

образует синтаксическую связь в качестве подлежащего 31 раз и всего 10 в качестве объекта. Для слова *дивчинька* это число составляет 28 против 22.

Рассмотрим глагольно-субъектные связи с наименованиями *дивчина* *дивчинька*, *дивка* в корпусе народных песен черноморцев. Действия, которые выполняет девушка, довольно разнообразны, они выражаются глаголами с семантикой движения или состояния покоя: *сидыты*, *стояты*, *ходыты* *топтаты* *дорижку*; речевой деятельности *называты*, *брэхаты*, *казаты*, *мутыты* *словами*; хозяйственной деятельности: *мыты*, *пойты* *по воду*, *мыты*, *браты* *воду*, *варыты*, *полюваты* *руту*, *полоти* *лободу*, *жаты* *жыто*; торговой деятельности: *продаваты*, *сторгуваты*, *купыты*; эмоционального состояния: *плакаты*, *рыдаты*, *тужыты*, *заголосыты*, *(не) маты* *воли*, *прокlynаты*, *ломыты* *ручки*, *целуватыся*, *обниматыся*, *любыты*, *сияты*, *зацвисты*, *процвитаты*, *звэсэлыты*, *пораныты* *сэрдэнько*, *журытыся*, *порваты* *кучери*, *засмиятыся*; причинения физической травмы в силу эмоционального расстройства: *вдарыты* *по пици*; а также коннотативной семантикой озорства, розыгрыша: *пидпоиты*, *пидкроиты*, например: *Мэнэ дивкы та пидпоилы, Жупан мини та пидкроилы* [6, с.158]. Отдельно выделим устойчивые глагольные сочетания, выражающие брачную семантику: *вийты* *замиж*, *пийты* *замиж*: например: *Бодай же ты, дивчинька, тоди замиж вийшла...* [6, 168].

Иная картина возникает, если рассмотрим глагольно-объектные связи наиболее частотных наименований девушки, то есть случаи, где действие направлено на девушку. Так, значительная часть глаголов обладает семантикой эмоциональной привязанности: *любыты*, *выкохаты*; *любыты*, *(нэ) забуты*; *любыты*, *(нэ) бачиты*; *полюбыты*; *любыты*, *покидаты*; *любыты*, *кохаты*; *быть* *(в) дивчины* *(ласки)*; *повыдаться* *з дивчиной*; *поцилуваться* *з дивчиной*; *тулыты* *до серденька*; *прыгорнуты*. Отмечены также примеры эмоционального воздействия на девушку, например: *зводыты* *з ума*, *(не) сушыты* *чорнымы* *бровамы*; глаголы с семантикой установления брачных отношений: *найты*, *женихатыся* *з дивчинькой*; *находыты*, *вэсти* *винчаты*; *звинчаты*; *вкрасаты*; *посвататы*; *повинчатыся* *з дивчиной*; *звинчаты* *з дивчиной*; *свататы*; *взяты*; *весты* *до венця*; глаголы с семантикой встречи / свидания: *выкыкаты*; *скыкаты*; *бачиты*; *забачиты*; *зачуты*; *поклонытыся* *до* *дивчины*; *походыты* *до дивчины*, *стояты* *з дивчиною*, *ходыты* *до дивчины*, *прийты* *повыдаться* *з дивчиною*; семантика расставания: *процатыся* *з дивчиной*; *плекаты* *по дивчине*, *покынуты*, *забуты*; семантика спасения: *ратуваты*, *вытягты*; причинения вреда девушке: *вывэрнуты* *дивчиньку* *з човна*; коммуникативное взаимодействие: *наказаты*; *сказаты* *дивчине*; *зговорыты*: семантика обиды, оскорбления: *плюваты* *(на) дивчину*, *жити* *не по правди*.

Таким образом, девичий образ в народных песнях линейных и черноморских казаков является доминантным по сравнению с образами других персонажей. Анализ языковой репрезентации концепта «Девушка» позволил отметить, что в обоих корпусах текстов девушка – это молодая незамужняя женщина, достигшая возраста для вступления в брак и являющаяся объектом внимания со стороны противоположного пола. В русскоязычных песнях линейцев это качество выражается устойчивыми номинациями, например, *красна девица*, и глагольно-объектными связями репрезентантов, отражающими

любовно-брачную семантику. В украиноязычных текстах черноморцев синтаксические связи также отражают преимущественно любовно-брачные взаимоотношения. Однако следует подчеркнуть более разнообразный лексический состав сочетающихся с репрезентантами концепта единиц, что позволило получить представление о девушке не только как о стереотипном образе, зафиксированном в общественном сознании, но и распознать некоторое субъективное представление о деталях внешности, настроении или характера персонажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобунова М.А. Русская народно-поэтическая речь на фоне иноэтнических традиций: кросскультурный аспект / Бобунова М.А., А.Т. Хроленко // Вестник славянских культур, 2021, Т. 61, С. 226–237.
2. Винокур Г.О. Избранные работы. Москва: Учпедгиз, 1959, 492 с.
3. Гринченко, Б.Д. Словарь украинского языка: в 4-х т. / Б.Д. Гринченко. Киев, 1907. Т. 1. 494 с.
4. Контрастивный словарь народных песен казаков Кубани (в контексте русской и украинской народных традиций): Мир человека / Е.В. Литус, О.С. Финько, Е.Н. Девицкая, Н.Н. Фролова; общая редакция, предисловие к словарю, концепция словаря Е.В. Литус. Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, 2020. 250 с.
5. Литус, Е.В. Фольклорное слово Кубани: Конкорданс народных песен линейных казаков Кубани. Курск: Изд-во КГУ, 2007. 320 с.
6. Литус. Фольклорное слово Кубани: Конкорданс народных песен черноморских казаков Кубани. Курск: Изд-во КГУ, 2007. 698 с.
7. Словарь русского языка: в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньева. Москва: Русский язык, Т. 1. 1985, с. 696.
8. Хроленко, А.Т. Введение в лингвофольклористику. Москва: Флинта: Наука, 2010. 192 с.
9. Хроленко А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во воронежского университета, 1981. 163 с.
10. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]: в 2 т. / П. Я. Черных. М.: Рус.яз., 1999. Т. 1. 622 с.

© Финько Ольга Сергеевна (kucherenko07@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНТРОПОНИМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Цай Ли

Аспирант, Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина, (г.Москва)
eleanorqueen@mail.ru

ANTHROPONYMS AS A REFLECTION OF NATIONAL CULTURAL CODES (BASED ON MATERIALS OF THE CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES)

Cai Li

Summary: The article examines anthroponyms from a national-cultural point of view; anthroponyms are analyzed through the prism of national culture.

Keywords: anthroponym, national cultural code, Chinese anthroponym, Russian anthroponym.

Аннотация: В статье рассматриваются антропонимы с национально-культурной точки зрения; анализируются антропонимы через призму национальной культуры.

Ключевые слова: антропоним, национально-культурный код, китайский антропоним, русский антропоним.

Современные лингвисты осознают, что исследование языков требует не только исследования самой лингвистики, но и исследования смежных дисциплин, связанных с лингвистикой. В частности, вопросы взаимодействия языка, культуры и других дисциплин являются объектом изучения лингвистов, фольклористов, психологов, социологов, эстетиков и культурологов. В последние годы процветают междисциплинарные науки и их области, и антропонимы находятся в центре фокуса учёных и исследователей.

Антропонимы составляют ядро пространства имен собственных, используемых для отличия называемого ими предмета от множества подобных ему объектов. Антропонимы подразделяются на такие классы, как личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним [4, с. 59].

Э.С. Кубрикова отметила, что исследование особого характера собственных имён в социальной структуре заставляет людей признать, что эти антропонимы считаются культурными доминирующими фактором и используются в качестве национальных культурных элементов. Следовательно, оно может выявить определённые характеристики конкретной этнической принадлежности, то есть конкретные типы языковой личности [3, с. 74].

Антропонимы - национальный культурный код. Антропонимы на разных языках в мире имеют свои национальные особенности, передают уникальную для их национальностей информацию. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, все имена собственные, в том

числе и личные, независимо от языка, на котором они представлены, имеют яркую этнокультурную семантику, поскольку их групповое и личностное значение вытекает непосредственно из истории и культуры народа, говорящего на этом языке [1, с. 103]. В.Н. Телия думает, что язык участвует в формировании менталитета этноса, народа, нации [6, с. 13].

С.И. Влахов и С.П. Флорин указывают, что носителями национального колорита являются все имена собственные, а в особенности антропонимы [2, с. 238]. Антропонимы определяются национальной культурой нации, подчиняются обычаям и правилам национального языка, воспринимают изменения и развитие национально-культурных особенностей народа.

Основные функциональные характеристики антропонимов заключаются в том, чтобы называть и обращаться к человеку, а также отражать номинативное значение и свойства социальной ценности данного человека в общественной жизни. Каждый народ имеет свою систему и традицию именованья, что отражается главным образом в формуле и шаблоне антропонимов, индивидуальной личности называемого и совокупности общих черт, мотивах именованья, структуре антропонимов во всей этнической и т.д., а также расположение и порядок антропонимов.

Порядки образования антропонимов у китайского и русского народов различны. В древнем Китае фамилии появились примерно в 25 веке до нашей эры, а имена - примерно в 21 веке до нашей эры. А по материалам, со-

хранившейся сегодня, которые можно проследить до Древней Руси, до 10 века русская система антропонимов имела только личные имена. Записи отчества начались с 945 года и отчества стали общеупотребительной в 13 веке, а фамилия создались до 14 века.

Для китайцев привычной структурой антропонимов является фамилия + имя. Как правило, китайская фамилия состоит из одного китайского иероглифа или двух китайских иероглифов (это не очень распространено) и происходит по отцовской линии, тогда как имя состоит из одного китайского иероглифа или двух китайских иероглифов. Например: *Ли Бай*, *Ли Юй*, *Линь Хуэйинь*. Однако имена с одним китайским иероглифом появились раньше, даже в древнем Китае, а имена с двумя китайскими иероглифами появились сравнительно позже. В новое время в связи с развитием и эволюцией общества появляются индивидуальные имена, структура антропонимов: фамилия отца + фамилия матери + имя. Например: *Ван Сулун*, *Сюй Вэйчжоу*. Русская полная антропонимическая формула представляет собой трехсоставную структуру: имя + отчество + фамилия, и образец вежливого обращения: имя + отчество. Например: *Александр Сергеевич Пушкин*, *Алексей Максимович*.

Порядок фамилий и имён в антропонимах отражает разные китайские и русские национальные культуры, а также разные групповые и индивидуальные взаимоотношения. В китайской традиционной культуре подчеркивается важность общности. В связи с важностью и уважением к традиционной культуре фамилию семьи следует ставить первой, а имя, выражающее личность и индивидуальность, следует ставить после фамилии. В русской культуре подчеркивается самооценка, индивидуальность, выражение уважения к индивидуальности, самостоятельности личности и субъективного сознания, поэтому имя обычно ставится перед фамилией. В то же время это связано и с порядком образования фамилий и имён китайского и русского этносов. Фамилии и имена расположены в порядке их образования.

Антропонимы являются фрагментами и неотъемлемыми компонентами национальной и языковой картины мира. Антропонимы - одна из важнейших связей, связывающих людей с их окружением и социальной средой в целом. Антропонимы образуют особое этнокультурное пространство вокруг каждого человека в обществе, разделяемое всем языковым сообществом и каждым отдельным представителем этого народа. Антропонимы раскрывают мировоззрение, духовную и материальную цивилизацию народа того времени.

Как V.Tartamella подчеркнул, что во многих древних культурах имя считалось истинным духовным центром человека, суть которого скрыта в символической форме [7, с. 21-22]. Названные понятия и связанные с ними мыс-

ли, существующие в сознании людей, определяются его образом мышления и социальной средой. Антропоним выражает тип личности человек, а также определяет духовно-психологическую структуру личности. Антропоним связан с судьбой его носителя, и считается, что антропоним оказывает существенное влияние на его поведение и даже социальный статус.

В классическом китайском романе «Сон о красных особняках» автор Цао Сюэцинь передаёт свои мысли через подразумеваемые значения антропонимов главных героев *Цзя Баоюй* и *Линь Дайюй*, а также намекает на судьбу главных героев. Когда Цзя Баоюй родился, во рту у него был красочный кристальный волшебный нефрит, поэтому люди семьи Цзя назвали ребёнка «Баоюй». Это также подразумевает, что Матушка Цзя и другие дорожат им, и заботятся о нем, а также показывает благородное происхождение Цзя Баоюя. Фамилия Цзя здесь означает фальшивый. Что касается Линь Дайюй, то Дайюй сам по себе представляет собой очень драгоценный черный нерезной красивый нефрит. Это также означает ожидание Цзя Баоюя. Существует также версия, что имя Дайюй на самом деле называют «заменой нефрита», статус Линь Дайюй в Саду Роскошных зрелищ аналогичен статусу хозяйки, но её можно считать только гостем. У обоих главных героев в именах есть нефрит, а это значит, что они влюблены друг в друга, но нефриты у них неодинаковые, да и статусы у них разные, им сужден трагический финал.

С точки зрения китайской традиционной философии, антропонимы происходят из поклонения природе и темам. Это отражено не только в китайских фамилиях, таких как дракон, лошадь, бык и т.д., но также в именах, содержащих слова, обозначающие растений и животных. Эти метафоры используются для описания характера носителя имени или выражения благословений носителю имени. Например, имя *Ляньхуа* (*Лотос*) происходит от слова поэта Чжоу Дуньи во времена династии Северная Сун «О любви к лотосу», которое используется для описания людей с высокими моральными качествами. Иероглиф *Сун* (*Сосна*) в имени поэта династии Цин символизирует настойчивость носителя имени или выражает благословение старейшин, желающих ему долгой жизни.

Условно говоря, особенности национальной и языковой картины мира русских антропонимов более ярко отражаются в сказках. В сборнике русских народных сказок О.Б. Алексеевой различные варианты антропонимов Иван представлены в богатых формах: Иван, Ваня, Ивашко, Ванька, Иванушко, Ванюша, Иванушка, Ванюшка, Ивашечко, Иван-молодец, Иван-царевич, Иван-дурак и пр. Однако наиболее распространенным вариантом является вариант Ивана, выражающий нейтральную оценку; имя Ваня используется для описания простодушного человека; имя Ванюша означает «популярный хороший мальчик».

Среди них при сравнениях в парах часто фигурируют следующие варианты: Ванька и Иванушка, Иван-дурак и Иван-царевич. Имя Ванька часто имеет негативный оттенок, эта форма обычно выражает недовольство и раздражение, используется для обращения к обманщикам, ворам и так далее; а Иванушка относится к формам суффикса уменьшительно-ласкательного, и выражает ребячество. Иван-дурак - третий сын крестьянина, имеет добрый и отзывчивый характер; а Иван-царевич был младшим сыном царя, и его именем обычно называют положительного героя, доброго и находчивого человека. Антропонимы Иван-дурак и Иван-царевич включены в качестве прецедентных имен в словарь О.Н. Трубачева «Русская ономастика и русская ономастика».

Каждый вариант антропонимического имени в сказках представляет разное положение Ивана в какой-то

момент, а также отражает его социальный статус. Все варианты этого имени вместе, как комплект, раскрывают полный и целостный образ и личность Ивана.

Заключение

Антропонимы представляют собой общий образ народа, с национальным характером и психологическими особенностями, а также уникальным мировоззрением. Антропонимы являются частью национальной картины мира и важной составляющей. Национальная система антропонимов, несущая на себе отпечаток и код национального самосознания наций, имеет глубокие исторические корни и содержит уникальную национальную картину мира. Следовательно, Антропонимы имеют явную национально-культурную специфику, т.е. национально-культурный код.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — Москва: Индрик, 2005. — 1040 с. — Текст: непосредственный.
2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. — Изд. 5-е. — М.: Р. Валент, 2012. — 406 с.
3. Кубрякова Е.С. Части речи в ономастиологическом освещении: монография. М.: Наука, 1978. 114 с.
4. Мадиева Г.Б. Теория и практика ономастики. Учебное пособие / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун. — Алматы: Қазақ университеті; Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. — 199 с.
5. Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. - М.: АСТ: Восток - Запад, 2006. - 311 с.
6. Телия В.Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак / В.Н. Телия // Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996. — С. 9-21.
7. Tartamella V. Nel cognome del popolo italiano. - Vienne-pierre, 1955.

© Цай Ли (eleanorqueen@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИДЕИ Л.В. ЩЕРБЫ В ОБЛАСТИ СИНТАКСИСА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ АКТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

Цян Цзунюнь

Северо-восточный педагогический университет,
город Чэнду, (провинция Сычуань, Китай)
2463052666@qq.com

IDEAS L.V. SHCHERBA IN THE AREA OF SYNTAX THROUGH THE LENS OF THE CONCEPT OF ACTIVE GRAMMAR

Qiang Zongyun

Summary: L.V. Shcherba is an outstanding linguist and academician, the founder of the fundamental concept of active grammar, the importance of which has become increasingly clear over time. Based on the interpretive method, the material for which was the scientific works of L.V. Shcherba, the article examines and analyzes the scientist's key provisions in the field of syntax according to the concept of active grammar. As a result of the study, the author comes to final conclusions regarding the genesis and essence of the concepts "syntagma", "active syntax", interpretation of the theory of actual division of a sentence in the teaching of L.V. Shcherba.

Keywords: L.V. Shcherba, grammar, active grammar, syntax, syntagma, sentence.

Аннотация: Л.В. Щерба – выдающийся лингвист и академик, основатель основополагающей концепции активной грамматики, значение которой с течением времени становится все более очевидным. На основе интерпретационного метода, материалом для которого послужили научные работы Л.В. Щербы, в статье рассматриваются и анализируются ключевые положения ученого в области синтаксиса согласно концепции активной грамматики. В результате исследования автор приходит к выводам относительно генезиса и сущности понятий «синтагма», «активный синтаксис», интерпретации теории актуального членения предложения в учении Л.В. Щербы.

Ключевые слова: Л.В. Щерба, грамматика, активная грамматика, синтаксис, синтагма, предложение.

Лев Владимирович Щерба (1880–1944), выдающийся российский лингвист и академик, признанный ученый в области общетеоретического языкознания. Он сыграл ключевую роль в создании теории фонемы, работал над вопросами грамматики, лексикологии, лексикографии, теории письма и инновационных методов преподавания русского и иностранных языков.

Важным аспектом наследия Л.В. Щербы является новаторское развитие концепции активной грамматики, которая с течением времени продолжает приобретать актуальность и значение.

В обширной научной деятельности Л.В. Щербы в ракурсе концепции активной грамматики видное место занимают синтаксические исследования.

Статья посвящена исследованию ключевых положений Л.В. Щербы в области синтаксиса через призму концепции активной грамматики. В работе использовался интерпретационный метод, материалом для которого послужили работы Л.В. Щербы «Фонетика французского языка» [11], «О допредикатном и предикатном типе предложений» [8], «Лекции Л.В. Щербы по русскому синтаксису» [6], «Очередные проблемы языковедения» [10], «О взаимоотношениях родного и иностранного языков» [7], «Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. «Воспоминание» Пушкина» [9].

Л.В. Щерба интерпретировал термин «синтагма» как

основную единицу синтаксиса, отклоняясь от общепринятого понимания предложения как первичной синтаксической единицы. Термин «синтагма» первоначально был использован И.А. Бодуэном де Куртенэ для обозначения слова в речи.

Взгляд Л.В. Щербы на структуру языка бросил вызов представлению о том, что речь состоит исключительно из отдельных слов. В статье «О частях речи в русском языке» (1928) ученый утверждал, что основными строительными блоками речи являются простейшие речевые единицы, которые он определил как «группы слов». Эти синтагмы, даже если они состоят всего из одного слова, передают мысли в динамическом процессе речи, улавливая сущность «отдельных предметов» в данном ситуативном контексте, и являются неделимыми [2, с. 48].

В рамках теории Л.В. Щербы слова не существуют в речи самостоятельно: они функционируют как компоненты синтагм. Ученый уточнил, что синтагмы представляют собой кратчайшие отрезки речи, которые могут играть роль самостоятельных синтагм или даже образовывать целые, хотя и неполные, предложения.

Например:

Дождевая вода – два слова; дождевой червь – одно.

Предлоги и союзы также могут быть синтагмами. Например: Ты с отцом? – Без.

По мнению Л.В. Щербы, синтагма функционирует как единица речи, представляя собой отклонение от общепринятого понимания слова как основной единицы языка. Хотя синтагма и слово могут пересекаться в материальной форме, их роли и функции в структуре языка различны. Термин «синтагма» обозначает группу слов, которые действуют вместе, чтобы передать определенное значение или функцию в предложении или дискурсе [4].

Замечание В.В. Виноградова относительно отсутствия у Л.В. Щербы четкого различия между синтагмами и словосочетаниями подчеркивает сохраняющуюся проблему дифференциации данных понятий и в современной лингвистике [3, с. 500]. Эти термины иногда используются как взаимозаменяемые, что отражает отсутствие общепринятого разграничения. Некоторые лингвисты рассматривают синтагмы и фразы как абсолютные синонимы, что еще больше подчеркивает продолжающиеся дебаты и отсутствие окончательного решения в лингвистической теории.

Понятие «синтагма» у Л.В. Щербы изначально уходит корнями в фонетику [11]. Ученый использовал этот термин в области фонетики для обозначения минимального звуко-смыслового отрезка речевого потока.

В ходе исследования Л.В. Щербой синтагмы в фонетическом контексте понятие претерпело трансформацию. Из обозначения, связанного со звуко-смысловыми сегментами, оно превратилось в недифференцированную синтаксическую единицу, имеющую решающее значение для порождения и восприятия речи [11]. Этот сдвиг отражает признание Л.В. Щербой более широкого значения синтагмы, выходящего за рамки ее фонетического происхождения. Углубившись в изучение синтагмы с фонетической точки зрения, Л.В. Щерба в конце концов пришел к важному выводу, что синтагма – это не просто фонетическая или языковая сущность – она определяется как фундаментальная, исходная синтаксическая единица.

Ранние взгляды Л.В. Щербы на дефиницию понятия «предложение» находились под влиянием психологических соображений и развивались по мере того, как он углублялся в структуру речи. На начальных этапах своей работы он рассматривал предложения как концептуальную категорию, предполагая, что слово или группа слов могут быть обозначены как предложение без необходимости иметь определенную грамматическую форму. Однако по мере развития понимания языка Л.В. Щербой, особенно с осознанием того, что речь состоит из синтагм, а не из отдельных слов, его фокус сместился. Признание синтагм как основных единиц речи привело Л.В. Щербу к уменьшению интереса к традиционному учению о членах предложения.

В первые десятилетия XX века Л.В. Щерба в своих тру-

дах отдавал предпочтение термину «фраза», а не «предложение». Однако с течением времени, в 1940-е годы, ученый вернулся к традиционному термину «предложение», хотя и с некоторыми трудностями в предоставлении ему развернутого определения. Тем не менее Л.В. Щерба признавал, что семасиологическая сторона предложения имеет активный характер.

Л.В. Щерба определял фразы как простейшие синтаксические единицы, подчеркнув их роль в передаче единых и в момент речи неразлагающихся идей. Эта характеристика согласуется с его развивающейся точкой зрения, согласно которой речь состоит из этих фундаментальных синтаксических единиц [9, с. 29].

В структуре фразы Л.В. Щерба выделил значительную роль, которую играют интонация, ритм, порядок слов и ударение. Ударение, в частности, описывалось Л.В. Щербой как связующий элемент, скрепляющий фразу воедино. Кроме того, он отводил особую роль фразовому ударению, определяя его как сигнал, акцентирующий элемент речи, имеющий эмоциональное или логико-психологическое значение, выступающий как «психологический предикат» [9, с. 30]. Л.В. Щерба отмечал, что фразовое ударение часто остается неосложненным другими функциями, служащими прежде всего целям образования словосочетания. Интересно, что ученый указывал, что, выполняя эту функцию, фразовое ударение в русском языке имеет тенденцию возникать ближе к концу фразы, становясь почти незаметным.

Понятие «фраза», сформулированное Л.В. Щербой и позднее обозначенное термином «синтагма», охватывает широкий спектр – не только целые предложения, но и отдельные грамматические единицы внутри них.

Например, в предложении: «В двенадцать часов по ночам из гроба встаёт барабанщик» – две фразы, как и в предложении: «В бездействии ночью | живеи горят во мне змеи сердечной угрызенья» [5].

Синтагма рассматривается как категория речевой деятельности. Это отличает ее от «словосочетания». Синтагма считается конечным элементом связного синтаксического целого, служащим основной единицей фразы. Она существует как конструктивный элемент в контексте речи. Когда синтагма проникает в языковую систему, она трансформируется в слово, тогда как словосочетание представляет собой сочетание слов, подчиняющееся нормам языка. В этом смысле синтагма понимается как динамическая и ситуативная конструкция в акте общения.

Важно отметить, что Л.В. Щерба подчеркивает, что словосочетание, выделенное из предложения, несет лишь номинативное значение и не служит средством коммуникации. Именно в более широком контексте

предложения фраза приобретает коммуникативную значимость, способствуя передаче общего сообщения. Однако отметим также, что понятия «синтагма» и «словосочетание» не всегда четко разделены в работах ученого.

Представления Л.В. Щербы о типах одночленных и двучленных предложений, изложенные в его работе «О допредикатном и предикатном типе предложений», составляют неотъемлемую часть его теории синтагмы в рамках активной грамматики. Л.В. Щерба выделяет два типа предложений: «Первый тип (одночленный) характеризуется одним концентром, не расчлененным на подлежащее и сказуемое, второй тип (двучленный) – двумя концентриками: подлежащего и сказуемого. Такие типы предложений существуют и в современном языке» [8, с. 146].

Эти тезисы подчеркивают отход Л.В. Щербы от условного, чисто логического понимания синтаксиса. В ранней концептуализации ученого синтаксис имел более выраженный психологический и фонетический характер, чем строго логический. Эта точка зрения очевидна в его классификации предложений по количеству концентриков, подчеркивающей психологические и фонетические аспекты структуры предложения. Более того, для Л.В. Щербы центр синтаксиса изначально не был закреплен в понятии предложения в его традиционном понимании. Вместо этого он делал упор на группу слов, известную как «синтагма», как на центральную точку своей синтаксической теории.

Соотношение предложений и синтагм, по концепции Л.В. Щербы, приводит к признанию возможности их совпадения или существования одночленных предложений. Очерчивая взаимоотношения этих языковых образований, ученый дал развернутое определение синтагмы, поставив задачу синтаксиса как установление правил построения синтагм. Он утверждал, что существует набор синтагм, одна из которых является первичной или главной синтагмой – предложением [1, с. 68].

Что касается содержания синтаксиса, Л.В. Щерба признавал его противоречивость. Однако он отметил, что в области синтаксиса различия между пассивными и активными аспектами грамматики становятся еще более заметными [1].

Л.В. Щерба утверждал, что любой аспект грамматики должен вникать во все значения словоформ, включая их синтаксические значения, в контексте формообразования [1]. Подчеркивая нераздельность формы и значения, Л.В. Щерба утверждал, что понимание различных форм слова зависит от различения основных значений, связанных с этими формами.

В области активного синтаксиса Л.В. Щерба углубился в изучение синтаксических средств в языке, способству-

ющих выражению определенных категорий содержания. Этот аспект синтаксиса вращается вокруг способов передачи мыслей через язык.

В области активного синтаксиса Л.В. Щерба выделил ряд последовательных этапов, каждый из которых способствует пониманию того, как предложения строятся и выражают определенное содержание. Он начал с выяснения общего характера создаваемого предложения, выявления того, передает ли оно сообщение, ставит вопрос, выражает восклицание, передает пожелание или служит просьбой. Двигаясь дальше, Л.В. Щерба исследовал различные антитезы в активном синтаксисе, такие как утверждение и отрицание, а также одночленные и двучленные структуры. Дополнительно он углубился в правила построения синтагм и их групп, выделяя синтаксические роли и отношения внутри предложений [10].

Относительно распространения глагола Л.В. Щерба предлагал рассмотреть употребление предлогов и падежей, исходя из конкретных потребностей выражения различных смысловых ролей, таких как объект, получающий действие, получатель действия, орудие действия, действующий субъект в пассивном залоге, направление, место и время действия [10, с. 46]. Вслед за этим Л.В. Щерба считал логичным изложить способы образования падежных форм, подчеркивая морфологическое выражение синтаксических ролей посредством использования окончаний [10]. Этот этап отражает переход от анализа структуры и коммуникативного отношения предложений к детальному исследованию морфологических форм.

В контексте создания активных грамматик Л.В. Щерба кратко коснулся вопроса о возможности или невозможности построения «идеологической грамматики». Эта концепция предполагает выведение грамматики с семантической стороны, независимой от какого-либо конкретного языка, с целью разработки «глубокой» универсальной грамматики, абстрагирующейся от идиоматических различий [10, с. 48]. Это соображение согласуется с более широким интересом Л.В. Щербы к исследованию фундаментальных принципов, лежащих в основе языковых структур, с целью более абстрактного и универсального понимания грамматики, выходящего за рамки индивидуальных языковых вариаций.

Таким образом, выделенные Щербой этапы активной грамматики охватывают анализ коммуникативных установок, синтаксических структур, синтаксических ролей и морфологического выражения, демонстрируя комплексный подход к пониманию динамических отношений между содержанием и формой в языке.

Понимание Л.В. Щербой теории актуального членения предложения, разработанной В. Матезиусом, освещено в его статье «О взаимоотношениях родного и иностранно-

го языков». Л.В. Щерба рассмотрел три фразы, казалось бы, одинакового содержания: «хозяева здесь запрещают курить», «здесь запрещают курить» и «здесь курить запрещается». В первом случае он выявил личную конструкцию, подчеркнув, что именно хозяева запрещают курение. Во втором случае Л.В. Щерба охарактеризовал предложение как «неопределенно личностную конструкцию», где фокус смещается от конкретных личностей к самому общему факту запрета. Наконец, в третьем случае он охарактеризовал предложение как «обезличенную конструкцию», подчеркнув, что запрет на курение представлен как своего рода закон, не зависящий от воли какого-либо конкретного человека [7, с. 339].

Сдвиг лингвистических интересов в сторону функционирования языковых единиц, особенно очевидный с 1960-х годов, созвучен многим идеям, выдвинутым Л.В. Щербой.

Одним из существенных аспектов, получивших известность в лингвистическом анализе, является подход к разделению информации на данную (D) и новую (N), что предполагает различие уже известной информации из ситуации или контекста (данной) и информации, новой для получателя. Влияние Л.В. Щербы на этот подход проявляется в его акценте на смысловой структуре высказывания, выявлении исходной и основной части мысли.

Разделение на тему (Т) и ремю (R), отстаиваемое некоторыми лингвистами, к примеру, В.Г. Гак, сравнивали с разделением на данное и новое. Хотя это разделение не является общепринятым, различие между темой и ремой является неотъемлемой частью выбора в изложении основного семантического содержания и его семантического распределения.

Актуальное членение в некотором смысле можно рассматривать как расширение или продолжение теории синтагм. Оно возникло в результате анализа письменного текста и считается вторичным по отношению к теории синтагм. Несмотря на номинальное отождествление синтагматического и актуального членения, суть этого отождествления опирается на то, что понятие синтагмы предполагает анализ фактической (смысловой) структуры, в частности выявление исходных и основных компонентов мысли.

Резюмируя ключевые идеи Л.В. Щербы в области синтаксиса через призму концепции активной грамматики можно сформулировать следующие основные положения:

1. «краеугольным камнем» синтаксиса Л.В. Щербы является понятие «синтагма»;
2. концепция активного синтаксиса, введенная Л.В. Щербой, углубляется в исследование синтаксических средств языка, особенно тех, которые служат для выражения определенных категорий содержания; основное внимание уделяется пониманию разнообразных способов выражения мыслей через лингвистические структуры, подчеркивая интерактивную и коммуникативную природу языка;
3. разрабатывая теорию идеологической, «глубинной» грамматики Л.В. Щерба предложил свою интерпретацию теории актуального членения предложения, разработанной В. Матезиусом;
4. понятие актуального членения предложения, возникшее в результате анализа письменного текста, представляет собой продолжение или расширение теории синтагм, что предполагает номинальное отождествление синтагматического и актуального членения, причем оба связаны с анализом актуальной (семантической) структуры языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов С.Г. Л.В. Щерба о русском синтаксисе / С.Г. Бархударов // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его 60-летию: сб. статей. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. – С. 60-70.
2. Виноградов В.В. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л.В. Щербы // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880-1944). – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1951. – С. 31-62
3. Виноградов В.В. Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л.В. Щербы // Избранные труды: исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 488-516.
4. Гиляева Э.Н. Структурно-грамматический анализ фразеологического состава прозы Б.Л. Пастернака / Э.Н. Гиляева // Провинциальные страницы жизни...: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Б. Пастернака, Чистополь, 27 февраля 2015 года / Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Чистополь: Издательство «Познание», 2015. – С. 140-142.
5. Самарин Д.А. Методологические особенности концепции активной грамматики Льва Владимировича Щербы: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат дисс... на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Самарин Дмитрий Александрович. – Иркутск, 2010. – 20 с.
6. Щерба Л.В. Лекции Л.В. Щербы по русскому синтаксису / Л.В. Щерба // Вопросы языкознания. – 1970. - № 6. – С. 86-92.
7. Щерба Л.В. О взаимоотношениях родного и иностранного языков / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 338-343.
8. Щерба Л.В. О допредикатном и предикатном типе предложений / Л.В. Щерба // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1940. - №3. – С. 146.
9. Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. «Воспоминание» Пушкина / Л.В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 26-44.

10. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 39-59.
 11. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М. – Л.: Учпедгиз, 1937. – 256 с.
-

© Цян Цзунюнь (2463052666@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ КАК МАРКЕРЫ ЭКСПЛИКАЦИИ РЕЧИ СУБЪЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

MEANS OF EXPRESSING EMOTIONS
AS MARKERS OF EXPLICATION OF
SUBJECT'S SPEECH (BASED ON THE
MATERIAL OF RUSSIAN, FRENCH
AND GERMAN LANGUAGES)

**A. Chervony
E. Murashova**

Summary: The paper analyzes subject and conventionally determined language means of expressing emotions – lexical and grammatical emotives. The latest tendencies in the study of the problem of emotion verbalization with the help of language means of different language levels are shown. The article proves the prospects of combining linguistic-pragmatic and linguistic-cognitive approaches to studying the problem. The object of the research is presented by Russian, French and German sentences, in which the semantic subject is either expressed or not expressed, not mentioned, not defined, or which do not contain it. Emotives are differentiated according to the kind of emotions that is being verbalized. Their classification based on the emotional vector direction is given.

Keywords: lexical emotives, Grammatical emotives, Emotive sentences, The subject's speech explication/implication.

Червоный Александр Михайлович

Д. филол. н., профессор, Таганрогский институт
имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)»
kutrik@yandex.ru

Мурашова Евгения Анатольевна

канд. филол. н., доцент, Таганрогский институт
имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)»
shenetschka@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматриваются субъективно и конвенционально детерминированные средства вербализации эмоций – лексические и грамматические эмотивы. Иллюстрируются новейшие тенденции в изучении проблемы вербализации эмоций посредством равноуровневых средств языка. Обосновывается перспективность совмещённого лингвопрагматического и лингвокогнитивного подхода изучения проблемы. В качестве объекта исследования анализируются русские, французские и немецкие предложения, в которых семантический субъект выражен или не выражен, не упоминается, не указан, как бы «затушеван» или вовсе отсутствует. Эмотивы дифференцируются в соответствии с видом вербализуемых эмоций. Проводится их классификация с учётом направления эмоционального вектора.

Ключевые слова: лексические эмотивы, грамматические эмотивы, эмотивные предложения.

Как показал ретроспективный взгляд на проблему проявления в языке эмотивности, средства выражения эмоций по-прежнему остаются одним из наиболее значимых объектов лингвистических исследований. Различные способы вербального выражения эмоционального состояния и аффективного опыта субъекта изучаются классическими и новейшими отраслями научного знания: контекстуальной стилистикой [12], психолингвистикой [1, 2, 6, 7 и др.], культурологией [4,5], когнитивной лингвистикой [3,17] и лингвистической прагматикой [10] и т.д.

Современные исследования в области стилистики дают новые знания о языковых средствах, передающих конкретные психоэмоциональные состояния, тем самым расширяя и уточняя спектр средств выражения эмоций и чувств субъекта. Среди достоинств подобных работ можно назвать стремление к системному, комплексному представлению этих способов, что предполагает их распределение по языковым уровням и классификацию на основе прямого и косвенного выражения психоэмоцио-

нальных состояний. Помимо исследований, направленных на системное представление способов выражения психоэмоциональных состояний на материале художественных текстов [12], появляются работы, посвященные узкоконтекстному представлению [9,14] и т.д.

Сопоставляя содержание и функции эмотивно-эмпатийного компонента, исследователи также классифицируют способы выражения психоэмоциональных состояний, выделяя их вербальный, невербальный и фонационный типы [5, с. 149] и подчеркивая их тесную взаимосвязь в процессе коммуникации. Важным результатом подобных работ является создание специальных списков средств выражения эмоций [4], что также должно способствовать преодолению проблемы формализации эмоций и способов их объективации в языке.

Однако, несмотря на разнообразие исследовательских подходов, некоторые аспекты (например, проявление субъективных и условно обозначенных эмоциональных оценок и эмоциональных реакций) остаются

открытыми и, следовательно, требуют новых подходов и решений [11]. В связи с этим когнитивная лингвистика и лингвистическая прагматика представляют новые возможности в изучении вербализации эмоций.

Исследование средств вербализации эмоций – лексических и грамматических эмотивов как способа представления субъекта – осуществляется с помощью алгоритмов лингвистической прагматики и когнитивной лингвистики, основанных на центральных постулатах антропоцентрической и системно-структурной парадигм, методов контекстуального и сопоставительного анализа.

Материалом исследования эмотивов послужили русский, французский и немецкий языки.

Особенность эмотивных предложений состоит в том, что помимо информативного сообщения они несут в себе различные субъективные реакции людей, их чувства, эмоции и переживания. Эмоции человека могут выражаться различными способами: модуляцией голоса, особой интонацией, мимикой, телодвижениями, учащенным сердцебиением, обильным потоотделением и т.д. Как писал А.Н. Леонтьев, эмоции выполняют роль внутренних сигналов. Они являются внутренними в том смысле, что не несут информации о внешних объектах, об их связях и отношениях, о тех объективных ситуациях, в которых протекает деятельность субъекта. Особенность эмоций в том, что они непосредственно отражают отношения между мотивами и реализацией, отвечающей этим мотивам деятельности [8].

Эмоции и чувства – образования личностные. С.Л. Рубинштейн считал, что в эмоциональных проявлениях личности можно выделить три сферы: её органическую жизнь, её интересы материального порядка, её духовные и нравственные потребности. Он обозначил их соответственно, как органическую (аффективно-эмоциональную) чувственность, предметные чувства и обобщенные мировоззренческие чувства.

К аффективной эмоциональной чувствительности относятся, по его мнению, элементарные удовольствия и неудовольствия, преимущественно связанные с удовлетворением органических потребностей. Предметные чувства связаны с обладанием определенными предметами и занятиями отдельными видами деятельности. Эти чувства соответственно их предметам подразделяются на материальные, интеллектуальные и эстетические. Они проявляются в восхищении одними предметами, людьми и видами деятельности и в отвращении к другим. Мировоззренческие чувства связаны с моралью и отношениями человека к миру, людям, социальным событиям, нравственным категориям и ценностям [15].

Разум и чувства – две автономные сферы психической

деятельности, но они дополняют друг друга и управляют друг другом. Эмоции и мышление взаимосвязаны, имеют одно и то же происхождение, тесно переплетаются в своем функционировании и находят свое выражение в речи. Естественная речь всегда экспрессивно окрашена, т.к. в ней всегда выражается человеческое переживание происходящего в действительности, и она отражает объективную реальность [16]. Эмотивы (эмоционально значимые единицы речи) делятся на лексические и грамматические в зависимости от того, к какой части речи они относятся.

Лексические эмотивы с помощью своей семантики отражают перцептивный и аффективный опыт общающегося субъекта:

Междометия (Рус.: *ох, ах, фу, ха-ха, уф, ша*; Фр.: *ah, eh, oh, ha, he, hi, hue, hola*; Нем.: *ach, aha, oh, au, bäh, huch, cha-cha*); глаголы и глагольные сочетания (Рус.: *радоваться, смеяться, грустить, плакать*; Фр.: *réjouir, rire, être triste, pleurer*; Нем.: *sich freuen, lachen, traurig sein, weinen*);

существительные (Рус.: *радость, смех, грусть, плач*; Фр.: *la joie, le rire, le chagrin, les pleurs*; Нем.: *die Freude, das Gelächter, die Traurigkeit, das Weinen*);

прилагательные (Рус.: *радостный, смешной, грустный, плаксивый*; Фр.: *joyeux, ridicule, triste, pleurard*; Нем.: *froh, lächerlich, traurig, weinerlich*);

причастия (Рус.: *радующийся, смеющийся, грустящий, плачущий*; Фр.: *réjouissant, riant, attristant, pleurant*; Нем.: *gefremt, gelacht, geweint*);

деепричастия (Рус.: *радуясь, смеясь, грустя, плача*; Фр.: *en se réjouissant, en riant, en s'attristant*; Нем.: *sich freuend, lachend, weinend*);

наречия (Рус.: *радостно, смешно, грустно, плаксиво*; Фр.: *joyeusement, ridiculement, tristement*; Нем.: *froh, lächerlich, traurig, weinerisch*).

Приведем некоторые примеры актуализации лексических эмотивов в составе эмотивных предложений.

Междометия-эмотивы : Рус.: *Ах, благодарю тебя, мой дорогой*; Фр.: *Ah, je te remercie, mon cher*; Нем.: *Ach, ich danke dir, mein Lieber*.

Глаголы и глагольные сочетания-эмотивы: Рус.: *Заранее радуясь твоему ответу*; Фр.: *Je me réjouis d'avance de ta réponse*; Нем.: *Ich freue mich im Voraus auf deine Antwort*.

Существительные-эмотивы: Рус.: *Они увидели радость в их глазах*; Фр.: *Ils ont vu la joie dans leurs yeux*; Нем.: *Sie sahen die Freude in ihren Augen*.

Прилагательные-эмотивы: Рус.: *Сурова жизнь, но радостно искусство*; Фр.: *La vie est sévère, mais l'art est joyeux*; Нем.: *Das Leben ist hart, aber die Kunst ist froh*.

Причастия-эмотивы: Рус.: *Плачущий от голода ребенок хотел молока*; Фр.: *L'enfant pleurant de faim voulait du lait*; Нем.: *Ein vor Hunger weinendes Kind bat um Milch*.

Деепричастия-эмотивы: Рус.: *Они идут по улице смеясь*; Фр.: *Ils marchent dans la rue en riant*; Нем.: *Sie gehen durch die Strasse lachend*.

Наречия-эмотивы: Рус.: *Это не смешно!* Фр.: *C'est pas drôle!*

Нем.: Es ist nicht *lächerlich!*

Эмотивы выражают эмоциональное состояние от правителя посредством экспрессивно окрашенных словосочетаний и восклицательных предложений.

Эмотивные словосочетания: Рус.: У меня *легко на душе*; Фр.: *J'ai le coeur léger*; Нем.: Es ist mir *leicht zumute [ums Herz]*.

Эмотивные предложения: Рус.: Победа! Какая радость! Фр.: *Victoire! Quelle joie!* Нем.: *Sieg! Was für eine Freude!*

Как известно, одна из функций, которую эмотивность выполняет в речи, – коммуникативная. Высказывание, содержащее эмоции, отражает отношения между говорящим и тем, о ком или о чем идет речь. Таким образом, мы имеем дело с двумя случаями: говорящий и исполнитель действия совпадают в одном лице (I), либо не совпадают (II).

I. Первый случай. В ответ на внешнее воздействие человек выражает свое отношение к происходящему и к другим людям с помощью своей речи, используя лексические средства. Например:

— Последние слова Клавдия произнесла с прежней лаской, но и с угрозой, давая Данилову понять, что имеет все права на исполнительный лист и из-за несговорчивости Данилова своими правами вынуждена будет воспользоваться, хотя это – крайний случай и дурной тон [13].

В данном примере лексические эмотивы, передающие эмоциональное поведение субъекта (с лаской, с угрозой / с лаской, с угрозой), используются вместе с эксплицитным указанием на оценку представляемого субъектом речи фрагмента действительности (дурные манеры / дурной тон).

В коммуникативных целях для усиления выражения определенных чувств говорящий свое мнение обезличивает.

— *Notre villa a été remise à neuf.* – Наша вилла была отремонтирована.
— *J'en aperçois. Elle avait été très touchée par une bombe.* – Я вижу. Она сильно пострадала от бомбы.
— *On ne le dirait pas!* [22] – *Этого не скажешь.* (Никто бы этого не сказал!).

Хотя в данной коммуникативной ситуации участвуют всего два говорящих, «он» (один) здесь заменяет конкретное «je». Таким образом, второй собеседник, выражая чувство несогласия, заставляет аргументы в диалоге звучать более правдоподобно. «Он» как бы призывает дру-

гих в свидетели, чтобы они могли подтвердить увиденное или выразить свое суждение как проявление общего опыта. Расширение семантики местоимения рассмотрим в следующих немецких и французских примерах:

1. *Das offizielle Einladen hört immer mehr auf – Hand aufs Herz, wer weint ihm eine Träne nach?!* [24, с. 55]. Обращаясь к собеседнику, автор сообщения обезличивает эмоциональную реакцию, используя «wer weint» (кто плачет) вместо контекстно-зависимого «du weinst nicht» (не плачь). Реакция человека здесь считается типичной, присущей всем представителям определенной социальной формации, а потому не персонифицированной, а стереотипной.
2. *Qui ? – Pour qui me prenez-vous? Pour un enfant gâté. – A-t-on jamais vu!* [23]. Ср. Кто? – За кого вы меня принимаете? – За избалованного ребенка. – *Кто бы мог подумать!*
3. *Elle prétend que vos allusions s'adressaient à elle. – C'est à mourir de rire (je suis prêt à mourir de rire) – Умереть со смеха.*

Эта деперсонифицированная фраза выражает нескрываемое возмущение говорящего, подчеркивает его эмоциональную реакцию.

On dit que l'armistice est signé. – Ça se saurait! [23].

Говорят, перемирие подписано. – *Это было бы известно!* (Мы бы знали!). «Çа» (это) – формальное подлежащее. В предложении нет семантического подлежащего. Уверенность в том, что эта новость станет известна, выражается с помощью интонации и семантики возвратного глагола «se savoir» (знать) [18,19].

4. *Vous lui avez toujours fait ses 4 volontés. – Si c'était à refaire* [23].

– *Если бы я мог сделать это снова.* Конструкция с условным «si», в которой семантический субъект не выражен, передает чувство сожаления более ярко, чем фраза «j'agirais tout autrement» (я бы поступил совсем по-другому).

II. Второй случай – говорящий и деятель не совпадают в предложении. Говорящий выражает свое отношение, чувства, опыт и оценивает действительность. Однако в то же время он намеренно не выводит действующее лицо в коммуникативных целях на первый план.

Например: – *Je lui ai donné un coup de poing dans l'estomac. – Ce ne sont pas des façons!* [23]. Ср. Я ударил его в живот. – *Это неуместно!*

Личное предложение с элиминированным субъектом может быть преобразовано в «vous ne deviez pas agir comme ça» (вам не следовало так поступать). Однако вместо указания на «vous» (вас) собеседник выражает свое отношение к происходящему косвенно, имплицитно. Эмоции в таких случаях совпадают с оценкой, характеристикой. Иногда только контекст или знание ситуа-

ции позволяют нам понять, о ком или о чем идет речь [18, 19].

Примерами для анализа в нашем исследовании послужили также экспрессивные и эмоциональные диалоги героев пьес А.П. Чехова. Эти диалоги позволяют рассмотреть исследуемое явление на материале трех указанных языков. Вот один из фрагментов, взятый из пьесы «Дядя Ваня».

Марина. Порядки! (Ну и порядки у нас!) Профессор (Александр Владимирович) встает в двенадцать часов, а самовар кипит с утра, всё его дожидается (косвенно указывает своё отношение к хозяину дома). Без них (него) обедали всегда в первом часу, как везде у людей, а при них (при нем – соблюдение социальной дистанции служанки и хозяина) в седьмом. Ночью профессор читает и пишет, и вдруг часу во втором звонок (вместо «звонят»). Что такое, батюшка? Чаю! (Ответ: «Я желаю чая!» – недовольство передается неполным предложением, устранением семантического субъекта.) Буди для него народ (я бужу), ставь (ставлю) самовар... Порядки! [20].

Рассмотрим французский вариант этого фрагмента: *M.* Un désordre! (il y a un désordre chez nous!) Le professeur (вместо хорошо ей знакомого, но осуждаемого «Alexandre Vladimirovitch») se lève à midi, mais le samovar bout dépius le matin, il faut tout le temps l'attendre. Avant on déjeunait (on = nous) toujours à une heure comme partout chez les gens (сравнение подчеркивает неприятие режима профессора), mais avec eux (вместо «lui» – оценка дана, но дистанция, этикет соблюдаются). C'est à 6 heures passées. Le professeur écrit et lit la nuit et tout à coup à 2 heures du matin, ça sonne. Qu'est-ce qui se passe, mes aieux! Du thé! Неполное предложение в речи служанки и умышленное неупотребление семантического субъекта и особая интонация (известно, о ком идет речь), показывает недовольство служанки тем, что профессор игнорирует правила и традиции домашнего хозяйства. Далее: Et vas-y que je te réveille toute la maison pour lui qu'on mette le samovar en route! («он» употреблено вместо «je», это случай обобщения, то есть любой на месте Марины был бы обязан выполнять требования хозяина. Таким образом, она упрекает Александра Владимировича в эгоизме) [21].

Немецкий вариант перевода выглядит следующим образом: Das ist 'ne Wirtschaft! Der Professor (указание на семантический субъект) steht um zwölf Uhr auf, und der Samowar kocht vom frühen Morgen an und wartet auf ihn (косвенное осуждение семантического субъекта). Früher, wie sie (в соответствии с этикетом, отражающим социальную дистанцию между хозяином и слугой) noch nicht da waren, aß man immer um ein Uhr zu Mittag, wie's überall Mode ist – und jetzt um sieben. In der Nacht liest der Professor und schreibt, und mit einem Mal, so in der zweiten Stunde, klingelt's ... Was ist los? (отсутствие

прямого обращения к субъекту) Tee will er haben! Nun heißt es (деперсонализация человека, предъявляющего требования) die Leute wecken und den Samowar aufstellen. Ach, das ist,ne Wirtschaft! [22].

Автор этих «правил», как называет их служанка Марина, понятен нам из контекста. Будучи прислугой в доме, Марина следует установленному сословному этикету. Поэтому она не называет реального субъекта прямо, а указывает на него косвенно, маскируя. Ее эмоции в определенной мере компенсируют недостаток информации о конкретном человеке.

Данный отрывок доказывает, что говорящий (в нашем случае Марина), начиная свою речь с эмоционально окрашенных слов, привлекает внимание слушателя, а затем сообщает ему, о чем идет речь. Это видно во второй и третьей фразах. В начале событие или объект оцениваются, характеризуются, а затем раскрывается особенность субъекта, объекта или события. Использование фразы Порядки! (подразумевается скорее антифраза беспорядок) (Un désordre! Ach, das ist 'ne Wirtschaft! в конце монолога, являясь эмоционально-оценочным элементом, делает монолог более категоричным, благодаря чему говорящий достигает иллюкативного эффекта и оказывает воздействие на слушателя [3]. Проанализируем еще один мини-диалог между Мариной и Астровым той же пьесы.

A. Сильно я изменился с тех пор?

M. Сильно. <...>

A. Да... В десять лет другим человеком стал. А какая причина? Заработался, нянька. От утра до ночи всё на ногах <...> Как не постареть? Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь [20].

Французский перевод отрывка:

A. J'ai beaucoup changé, depuis?

M. Beaucoup <...>

A. Oui,.. En dix ans, je suis devenu un autre homme. Et quelle raison à cela? Je me suis surmené, Nounou. Du matin jusqu'à la nuit toujours sur mes jambs <...> Comment ne pas vieillir? Et puis, la vie elle-même ennuyeuse, stupide, sale <...> On s'y enlise dans cette vie [21].

Немецкий перевод:

A. Hab' ich mich seit jener Zeit sehr verändert?

M. Freilich hast du dich sehr verändert <...>

A. Ja ... in zehn Jahren bin ich wohl ein anderer Mensch geworden. Überarbeitet hab' ich mich, Altchen. Vom frühen Morgen bis in die späte Nacht bin ich auf den Beinen, <...> Wie soll man da nicht alt werden? Und dann ist dieses Leben schon an sich so langweilig, so dumm, so schmutzig <...> Das unvermeidliche Los! [22].

В данном отрывке эмотивность особенно ярко выражена говорящим в трёх последних фразах. В них мы

чувствуем человеческое сожаление о бездарно прожитых годах своей скучной, провинциальной жизни. Как известно, почти все экспрессивно-эмоциональные средства языка сформировались благодаря переосмыслению нейтральных средств выражения. Одним из таких способов выражения эмоциональности является переосмысление вопросительных конструкций.

Примером вышесказанного может служить «риторическое» вопросительное предложение (Рус: Как не постареть? Фр.: Comment ne pas vieillir? Нем: Wie soll man da nicht alt werden?).

Астров знает ответ на поставленный им вопрос и сам отвечает на него. Кроме того, наряду с личной формой глагола он использует в своем вопросе инфинитив, тем самым лишая эту конструкцию семантического субъекта и выражая чувство горечи и тоски. Используя инфинитив в этой форме вопроса, он обобщает. В его вопросе слышится: а кто бы не состарился при такой жизни?

На наш взгляд, оба предложения, следующие за вопросительной конструкцией, также являются эмотивными. Они как бы дополняют мысли говорящего о его беспросветной жизни и в то же время выражают чувство сожаления и досады. Эти предложения можно трансформировать и таким образом выявить семантический субъект.

Можно сказать, например, Рус.: Как я мог не состариться? Фр.: Comment est-ce que je n'ai pas dû vieillir à cause de...? Нем.: Wie konnte ich da nicht alt werden? Однако эта реконструированная фраза не произвела бы такого эмоционального эффекта, так как первая фраза касается каждого человека, вынужденного вести такой образ жизни.

Трансформируем следующую фразу. Рус.: Затягивает эта жизнь. Фр.: On s'y enlise dans cette vie. Нем.: Das unvermeidliche Los! В русском варианте «жизнь» является подлежащим. Во французском варианте это наречие. В немецком переводе существительное «жизнь» заменено на существительное «судьба». «Он» во французском предложении выражает обобщенное личное подлежащее (т.е. любой из них). В русском и немецком вариантах субъект формально полностью устранен. Во французском варианте субъект выражен обобщено.

Устранение говорящим семантического субъекта на поверхностном уровне обусловлено разными коммуникативными целями: субъект речи использует такие конструкции, чтобы не выводить себя на передний план, чтобы представить себя не в качестве носителя состояния или исполнителя действия, а как лицо, лишь косвенно затрагиваемом процессом. Он становится как бы очевидцем происходящего, наблюдая всё со стороны.

Подобные синтаксические конструкции способствуют выражению различных оттенков чувств, эмоций, переживаний говорящего по отношению к окружающей его действительности.

Приведенные примеры показывают, что, несмотря на некоторые различия в способах устранения реального субъекта из поверхностной структуры предложения и на то, что способы обезличивания субъекта действия и субъекта речи не всегда идентичны (что обусловлено несопадением грамматических структур русского, французского и немецкого языков), а также учитывая разную частотность употребления этих специфических синтаксических конструкций в речи носителей языка (чаще в русском), можно констатировать универсальный характер данного грамматического явления, поскольку существуют общие коммуникативные и эмоциональные причины, приводящие к появлению подобного рода конструкций в речи. Данный тезис подтверждается значительным количеством сходных способов устранения протагониста и «затушевывания», «маскировки» говорящего в предложении самим субъектом речи.

Таким образом, лингвокогнитивный и лингвопрагматический подходы к изучению эмотивов предполагают анализ речевых единиц – носителей эмотивной информации в широком контексте, с учетом интенций и пресуппозиций участников коммуникативной ситуации, а также с учетом перформативного эффекта актуализированных высказываний.

Эмотивы подразделяются в зависимости от того, к какой части речи они относятся и проявляют себя в отдельных синтаксических конструкциях. Эмотивы обладают специфическими лексико-морфологическими и синтаксическими средствами выражения и привносят в предложение/высказывание эмоциональную окраску.

Как показал анализ языкового материала, исполнитель действия или носитель состояния, может быть, как с разной степенью формально выражен, так и полностью редуцирован на синтаксическом (поверхностном) уровне предложения.

По нашему мнению, наличие или отсутствие формально выраженного реального семантического субъекта в высказывании (предложении) соответствует тем коммуникативным задачам, которые ставит перед собой субъект речи в контексте определенной речевой ситуации.

Деперсонализация, формальное устранение субъекта, позволяет создать, наряду со всеми другими способами выражения эмотивности, более яркий и форсированный эмоциональный фон, который включается в общее содержание предложения/высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова О.В. Параметры эмоционально окрашенной детской звучащей речи: На материале русской и испанской детской речи: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2000. – 17 с.
2. Величкова Л.В., Абакумова О.В. и др. Проект «Психолингвистическое исследование звучащей речи» // Вопросы психолингвистики. 33. 2017.– С. 240 -255.
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. – 860 с.
4. Карпова Ю.А. Средства выражения эмоционально-эмпатийного взаимодействия в условиях речевой коммуникации. Вестник Пермского университета. Пермь: ПГУ. 4 (16). 2011– С. 73-79 с.
5. Карпова Ю.А. Содержание и функции эмоционально-эмпатийного взаимодействия при обучении устных переводчиков иноязычному диалогическому речевому общению. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы лингвистики и педагогики. No. 1. 2021.– С.144-158.
6. Кириченко Н.В. Экспрессивные средства звучащего рекламного текста: на материале немецкого языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19: Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2007. – 22 с.
7. Киришинова О.В. Экспрессивные средства звучащей речи для выражения эмоции «Радость»: на материале русского и немецкого языков: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19: Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2010. – 28 с.
8. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции // Психология эмоций. Тексты. – URL: https://4italka.su/nauka_obrazovanie/psihologiya/162335/fulltext.htm (Дата обращения 01.02.2024).
9. Лушников Г.И., Якищенко Е.А. Лексические средства выражения эмоции возмущения (на материале англоязычных художественных текстов) // Вестник КемГУ. Кемерово: КемГУ, 2013. – С.106-109.
10. Мурашова Е.А. Прагматическое значение речевой единицы. Проблемы и перспективы: монография. М.: Перо, 2015. – 292 с.
11. Мурашова Е.А. Лексические эмотивы (на материале донских казачьих пословиц и поговорок). Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки 5. 2019. – С. 71-79.
12. Назарова И.П. и др. Языковые средства, выражающие психоэмоциональное состояние человека. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2. Часть 2. С. 177-181.
13. Орлов В.В. Альтист Данилов. М.; Назрань: Олимп Астрель АСТ, 1999. – 508 с.
14. Орлова Н.Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект (на материале современной английской прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19: Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2009. – 26 с.
15. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. – 423 с.
16. Телия В.Н. и др. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. – 214 с.
17. Червоный А.М. Отсутствие семантического субъекта как одно из специфических средств выражения эмоций // Язык и эмоции. Сборник научных трудов. – Волгоград, 1995. – С.101-109.
18. Червоный А.М. Обозначение реального деятеля местоимением «ça» и его выражение в русском языке // Материалы Всероссийской научной конференции. Этнос Культура. Перевод – 2. – Пятигорск, 1997. – С.141-142.
19. Червоный А.М. Низведение и формальное устранение семантического субъекта французскими указательными притяжательными прилагательными и указательными местоимениями *cela* (ça) // Сборник статей по итогам VI-й международной конференции «Язык и действительность». Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака. Том 6. – М.: Спутник +, 2021. – С. 412-417.
20. Чехов А.П. Пьесы. М.: Детская литература, 1969. – 224 с.
21. Tchekhov A. Oeuvres choisies. Tome I. Theatre traduit par Simone Sentz- Michel. Raduga. 1988. – 436 с.
22. Tschekow A. Onkel Wanja: Tragikomödie in vier Akten / Čechov, Anton Pavlovič (Verfasser), Scholz, August (Übersetzer), Borken, Theodor (Herausgeber). - Berlin: Henricus - Edition Deutsche Klassik GmbH – Henricus, 2022. – 130 S.
23. Thérond M. Du tac au tac. Paris: M. Didier. 1970. – 208 p.
24. Hans M. Darf ich mir erlauben? Das Buch der guten Lebensart. Stuttgart: Hädecke 1992. – 91 S.

© Червоный Александр Михайлович (ckutrik@yandex.ru), Мурашова Евгения Анатольевна (shenetschka@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE HEADLINES OF MODERN ENGLISH- AND GERMAN-SPEAKING MEDIA

S. Shumbasova

Summary: The paper under discussion is devoted to the functioning of phraseological units that are used in modern journalistic texts, or rather, in the headlines of English- and German-speaking mass media. In the analyzed samples the main functions of phraseological units were identified. They become especially evident in such a compressed text as a title and subtitle, thereby making the features of combinations called idioms in foreign linguistics even more obvious.

Keywords: phraseological unit, title, function, idiom, English, German.

Шумбасова Светлана Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент,
ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный
университет» (г. Коломна)
svetshumbasova@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена функционированию фразеологических единиц, которые используются в современных публицистических текстах, а точнее, в заголовках англо- и немецкоязычных средств массовой информации. В проанализированных примерах были выявлены основные функции фразеологизмов, которые особенно ярко проявляются в таком виде сжатого текста, как заголовок и подзаголовок, тем самым еще более очевидными становятся особенности сочетаний, называемых в зарубежной лингвистике идиомами.

Ключевые слова: фразеологическая единица, заголовок, функция, идиома, английский, немецкий.

Вопросы фразеологии рассмотрены в работах отечественных и зарубежных лингвистов. основоположником теории фразеологии считают швейцарского лингвиста французского происхождения Шарля Балли. Но именно в отечественном языкознании впервые стал вопрос об отделении фразеологии от лексикологии и выявлении особенных свойств фразеологизмов, наделении их специфическими функциями.

Итак, теорию фразеологии разрабатывали Н.Н. Амосова, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.Л. Архангельский, О.С. Ахманова, Е.М. Верещагин, В.В. Виноградов, Е.С. Кубрякова, А.В. Кунин, В.А. Маслова, А.И. Смирницкий, И.А. Стернин, В.Н. Телия и многие другие. Устойчивость, определенная степень мотивированности, раздельноформенность и воспроизводимость относятся к основным свойствам фразеологических единиц. Забегая вперед, скажем, что преимущественно в английском языке устойчивые словесные сочетания называются идиомами, и к ним часто относят даже газетные клише и мертвые метафоры, поскольку они обладают свойствами, которые были описаны выше.

Необходимо отметить, что фразеологизм часто выступает в качестве концептуальной метафоры, концентрируя в себе народную мудрость, которая представляет собой, таким образом, лаконичное выражение, имеющее культурологический подтекст. Культурологическая составляющая является неотъемлемой частью любой фразеологической единицы, поскольку отражает особенности языковой картины мира того или иного народа, то есть описывает отношения людей определенного языкового сообщества к окружающей их действитель-

ности. Часто, таким образом, фразеологизм становится языковым элементом, родственным для разных языков, а иногда, наоборот, подчеркивает аутентичные особенности восприятия реальности.

Еще одно достаточно емкое понятие рассмотрено в настоящей статье. Речь идет о заголовках. Многие лингвисты относят заголовки к особому типу текста, поскольку заголовок всегда заключает в себе законченную мысль, представленную в виде придикативной структуры или ее подразумевает. То есть часто именно придикативный уровень выходит на передний план, поскольку предикация несет коммуникативную функцию, доносит до реципиента (потенциального читателя) основную мысль, заключенную в следующем далее тексте. Хотя номинативную функцию заголовка никто не отменял, в современных СМИ, в частности, в цифровых вариантах газет, она уходит на второй план. Просто дать заголовок, название материалу – такая задача не стоит перед современными журналистами или, по крайней мере, точно не является основной. А вот к основным относится, скорее, привлечение внимания читателя, способность вызвать интерес и желание прочитать материал полностью, отчасти эпатировать. Как будет видно ниже, к такому приему часто прибегают «желтые» издания. Итак, рассмотрим на примерах, какие фразеологизмы встречаются в заголовках новостных сообщений последних дней.

Der Spiegel:

«**Schwarzer Tag für Russlands Luftwaffe**

Russland hat offenbar ein wertvolles Frühwarnflugzeug über dem Asowschen Meer verloren. Eine andere Spezialmaschine wurde beschädigt. Die Ukraine frohlockt

über eine erfolgreiche »Spezialoperation«. Was bedeutet der Verlust?

Von Christian Esch und Christoph Seidler
15.01.2024, 20.37 Uhr» [6].

Черный день интерпретируется одинаково в рассматриваемых языках (русском, английском и немецком), независимо от контекста, хотя здесь контекст, конечно, полностью отражает актуальную повестку и преподносит инцидент с российскими самолетами как катастрофу для вооруженных сил РФ. Нужно отметить, что значение данного фразеологизма одинаково в разных культурах («очень тяжелые времена», «кризис», «серьезная проблема», «событие, которое меняет все к худшему»).

«**Über Geld spricht man nicht?** Oh doch!

Ein Kommentar von Katherine Rydlink

Jeder Dritte weiß nicht, was der Partner oder die Partnerin verdient. Das ist erschreckend: Wie soll jemals Gleichberechtigung zwischen Männern und Frauen herrschen, wenn nicht mal Verliebte transparent mit Geld umgehen können?

15.01.2024, 14.35 Uhr» [7].

В данном случае мы имеем дело с национальной идиомой, даже с поговоркой, которая употреблена в виде риторического вопроса: *о деньгах не говорят?* Эквивалент в русском или английском языке найти не получилось, хотя значение достаточно мотивировано, то есть легко определяется значениями входящих в состав данной фразеологической единицы отдельных слов. Автор статьи хочет поспорить с данной аксиомой, поскольку речь явно идет о деньгах, которые важны в сложившейся ситуации.

«»**Häufig wird ein Auge zugeedrückt**, wenn ein Mitarbeiter koksend erwischt wird«

Elon Musks mutmaßlicher Drogenkonsum regt die Debatte über den Missbrauch von Rauschmitteln unter Topmanagern an. Wann dieser den Job kostet und wie Kollegen reagieren sollten, sagt Arbeitsrechtsexperte Jörg Buschbaum.

Das Gespräch führte manager-magazin-Redakteurin Maren Jensen

15.01.2024, 17.07 Uhr» [8].

На русский язык переведем данный фразеологизм аналогом *смотреть сквозь пальцы* (досл. «прикрытым глазом»). Речь в статье идет о подозрении Илона Маска в употреблении наркотиков на закрытых вечеринках. Понятно, что никто не рискует открыто подозревать персону такого уровня в чем бы то ни было. И подобный заголовок отлично справляется со своими задачами: привлекает внимание и завуалированно передает содержание статьи о нежелании правоохранителей связываться с крупным бизнесменом и инфлюенсером.

«**Trumps erster Schritt** zurück zur Macht

Donald Trump setzt sich bei der Republikaner-Vorwahl in Iowa klar durch und präsentiert sich schon als Präsidentschaftskandidat. Die Rivalen Nikki Haley und Ron DeSantis bleiben im Rennen. Doch wie lange noch?

Aus Iowa berichten Roland Nelles und René Pfister

16.01.2024, 06.39 Uhr» [9].

Первый шаг понимается здесь фигурально, однако, как в первом примере, значение легко выводимо из контекста и понимается одинаково в разных языках («начало движения», «первые результаты» и т.п.). Речь идет о предварительном выдвижении Дональда Трампа в кандидаты в президенты США от Республиканской партии в штате Айова («лед тронулся», «первый шаг сделан»).

«»**Österreich ist einfach das beste Land, um Geld zu verbrennen**«

Der Wiener Künstler donhofer. provoziert immer wieder mit Aktionen, zuletzt verteilte er Blankoschecks gegen den Immobilieninvestor René Benko. Manchmal hat er Ärger mit der Polizei. Warum macht er das?

Ein Interview von Maik Baumgärtner

13.01.2024, 18.27 Uhr» [10].

Прожигать жизнь, бездумно тратить деньги (досл. «жечь деньги») – идиома, хорошо понятная представителям разных культур. И лучшим местом для этого, согласно автору статьи, является Австрия.

Die Deutsche Welle:

«**Hackerangriff: «Es bleibt ein Katz-und-Maus-Spiel»**

Der Internet-Experte Wolfgang Kleinwächter erklärt im DW-Interview, warum es so schwer ist, den Ausgangspunkt des Hackerangriffs auf die Bundesregierung zu identifizieren, und was man gegen solche Angriffe tun könnte.

Das Gespräch führte Roman Goncharenko.» [11].

Игра в кошки-мышки одинаково воспринимается и в немецком, и в русском языке, отлично подходит для описания глобальных процессов, образ, понятный всем. В данном случае речь идет об IT-сфере.

«**David gegen Goliath: Das System Russland**

Wie funktioniert das System Russland? Einer der reichsten Männer Russlands klagt gegen einen Mitarbeiter von Transparency International und einige Journalisten, weil auch sie beweisen wollen, dass Wladimir Litwinenko korrupt ist und sich bereichert hat.

Autorin/Autor Miodrag Soric» [12].

Библеизмы и мифологизмы относятся к особой группе фразеологических единиц, они интернациональны, обладают яркой образностью, отлично справляются с функцией привлечения внимания, причем в данной конкретной статье речь идет о российской экономике, и это

неплохой способ указать на связь культур, экономические и политические связи между странами.

«Kosovo-Konflikt lässt Europas **Uhren nachgehen**

Alle Digitaluhren in Europa, die ihren Takt aus dem Stromnetz beziehen, gehen seit Wochen um einige Minuten nach. Der Grund hört sich skurril an: Abstimmungsprobleme zwischen den Netzbetreibern in Kosovo und Serbien.» [13].

Следить за временем в данной статье предлагается буквально, то есть сверять часы, сбой в работе которых произошел из-за технических причин и нарушения связи между операторами Косово и Сербии. Однако в заголовке употреблена именно аутентичная немецкая идиома, имеющая значение «быть в курсе событий», «идти в ногу со временем», «не отставать от жизни».

The Washington Post:

«Opinion Iowa's caucus system is **snow way** to pick a president

By Alexandra Petri

January 12, 2024 at 7:19 p.m. EST

DES MOINES — Time for a civics lesson! In the United States, what is the first step we take to decide who gets to be on the ballot for president?» [14].

Аутентичной английской идиомой является *snow way*, которую можно перевести как *отличный способ* (досл. «белый путь», «снежная дорога»). Как мы видим, аналога в русском языке нет, но значение фразеологизма становится понятно из контекста. В статье авторитетного английского издания *The Washington Post* речь идет о выдвижении Трампа в кандидаты на пост президента в штате Айова.

The Guardian:

«Let's **turn the air blue**, girls – we should be free to curse at will

Alex Clark

Women's body parts have long been appropriated for the purpose of cursing, so it's only right that we reclaim them with profane gusto.

Sun 14 Jan 2024 13.00 GMT» [15].

Еще одной аутентичной английской идиомой являет-

ся *turn the air blue* – *сквернословить*.

The Sun:

«CASH VANISHED

'The only way to get your money back' Chase customer told as \$20,000 vanished from her account – and is **lost for good**

The bank has warned of the tactics scammers may use to trick their victims

Chris Bradford

Published: 10:58 ET, Jan 16 2024» [16].

«BERLIN FALL

Tractors protest by farmers, economy in freefall and rise of Far Right have turned Germany into **sick man** of Europe

Some 500 tractors gathered at Berlin's landmark Brandenburg Gate and 5,000 paraded through Munich's streets

Oliver Harvey

Published: 16:00 ET, Jan 15 2024» [17].

В американской версии английского издания *The Sun* вышли статьи с подзаголовками, в которых использованы фразеологизмы *lost for good* (*утрачен навсегда*) и *sick man* (здесь: *слабое звено*). Данные единицы не являются интернационализмами и могут быть переведены на другие языки аналогами.

Итак, современные средства массовой информации, представленные в большинстве своем в Интернете, что способствует более быстрому и широкому распространению информации по всему миру, следуют принципам журналистики и в условиях стремительного развития и ритма жизни стремятся в заголовках максимально лаконично, сконцентрировано и ярко передать содержание новостного материала и одновременно привлечь внимание потенциальной аудитории, завоевать нового читателя и фолловера. С этими задачами прекрасно справляются фразеологизмы, используемые в заголовках. Они обладают дуалистичной природой: с одной стороны, в них заключены национальные особенности восприятия действительности; с другой стороны, наоборот, фразеологизмы выступают связующим звеном между культурами и языками разных стран, подчеркивают глобальную природу происходящих ежечасно событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Е.В. Понимание фразеологизма как национально-культурной метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – №3. – С. 53–58.
2. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова; предисл. О.И. Бродович. – 2-е изд., доп. – Москва: URSS: Либроком, 2009. – 206 с.
3. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: «Аквариум», 1995. – 768 с.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
5. Маслова В.А. Лингвокультуурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
6. Der SPIEGEL Ausland. Attacke auf Spezialmaschinen. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/ukraine-attacke-auf-a-50-und-il-22-schwarzer-tag-fuer-russlands-luftwaffe-a-4325e398-f936-4775-a8de-4dd44101f4dd> (дата обращения: 16.01.2024).

7. Der SPIEGEL Partnerschaft. URL: <https://www.spiegel.de/partnerschaft/ Gehalt-in-einer-emanzipierten-partnerschaft-muss-man-ueber-geld-sprechen-a-082b3d30-c721-4acb-b7cf-79e57aa49829> (дата обращения: 16.01.2024).
8. Der SPIEGEL Job & Karriere. Arbeitsrechtsexperte über Drogenkonsum. URL: <https://www.spiegel.de/karriere/drogen-bei-ceos-und-geruechte-um-elon-musk-arbeitsrechtler-erklaert-was-zu-befuerchten-ist-a-5da8d8a1-6082-44a5-ab02-16a91e208cef> (дата обращения: 16.01.2024).
9. Der SPIEGEL Ausland. Historischer Triumph bei Wahl in Iowa. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/donald-trump-und-der-wahl-triumph-in-iowa-der-erste-schritt-zurueck-zur-macht-a-6f3daf09-551a-403b-8324-fa1b446c8aa> (дата обращения: 16.01.2024).
10. Der SPIEGEL Kultur. Aktionskünstler donhofer. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/aktionskuenstler-donhofer-oesterreich-ist-einfach-das-beste-land-um-geld-zu-verbrennen-a-d86b98b4-9011-4e62-a412-61c4c07c471c> (дата обращения: 16.01.2024).
11. Die Deutsche Welle. Deutsch lernen. THEMEN. URL: <https://web.archive.org/web/20180306082843/http://www.dw.com/de/hackerangriff-es-bleibt-ein-katz-und-maus-spiel/a-42800810> (дата обращения: 16.01.2024).
12. Die Deutsche Welle. Deutsch lernen. THEMEN. URL: <https://web.archive.org/web/20180318171054/http://www.dw.com/de/themen/wirtschaft/s-1503> (дата обращения: 16.01.2024).
13. Die Deutsche Welle. Deutsch lernen. THEMEN. URL: <https://web.archive.org/web/20180317165222/http://www.dw.com/de/kosovo-konflikt-laesst-europas-uhren-nachgehen/a-42862774> (дата обращения: 16.01.2024).
14. The Washington Post. Opinion. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/01/12/iowa-caucuses-snow-humor/> (дата обращения: 16.01.2024).
15. The Guardian. News. Media. The Observer BBC. Analysis. URL: <https://www.theguardian.com/media/2024/jan/14/lets-turn-the-air-blue-girls-we-should-be-free-to-curse-at-will> (дата обращения: 16.01.2024).
16. The U.S. Sun. News. US News. URL: <https://www.the-sun.com/news/10106191/chase-bank-customer-utah-money-vanished-account/> (дата обращения: 16.01.2024).
17. The U.S. Sun. News. US News. URL: <https://www.the-sun.com/news/10101297/tractors-protest-farmers-germany-sick-man-europe/> (дата обращения: 16.01.2024).

© Шумбасова Светлана Сергеевна (svetshumbasova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИМЯ ЛИЧНОЕ КАК МАРКЕР ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ, СОЦИАЛЬНЫХ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Ягмурова Мехри Сердаровна

Аспирант, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
mehrishya.yagmurowa@mail.ru

PERSONAL NAME AS A MARKER OF TERRITORIAL, SOCIAL AND CHRONOLOGICAL FEATURES OF A PERSON

M. Yagmurova

Summary: The modern anthropocentric paradigm of linguistics leads to an analysis of the problem of a personal name not only in language, but also in verbal communication when communicants exchange various types of information within situations. In speech interaction an important role is played by the choice of the form of a personal name. Moreover, it should be noted the special status of a personal name as it contains extensive information about the features of the cultural, historical, social and everyday picture of the development of the people. As a result, the sociocultural features of Russian, English and French anthroponyms were revealed.

Keywords: personal names, naming system, anthroponymic model, status of a personal name, deminutivation.

Аннотация: Современная антропоцентрическая парадигма языкознания приводит к анализу проблемы личного имени не только в языке, но и в речевом общении, когда коммуниканты обмениваются разного рода информацией в рамках ситуаций. В речевом взаимодействии важная роль отводится и выбору формы личного имени. Более того, следует отметить особый статус личного имени, так как оно содержит обширные сведения об особенностях культурной, исторической, социальной и бытовой картины развития народа. В результате были раскрыты социокультурные особенности русских, английских и французских антропонимов.

Ключевые слова: личные имена, система именования, антропонимическая модель, статус личного имени, деминутивация.

Личные имена представляют собой лексические единицы с маркированной этнокультурной спецификой, передающие общие закономерности развития лингвокультурного сообщества. Сопоставительное изучение личных имён в русском, английском и французском языках позволяет выявить общие и отличительные черты в культуре и ментальности трёх народов. Актуальность работы определяется растущим интересом к феномену антропонима, ономастическим реалиям, представляющим собой важнейший языковой источник информации о культуре и истории народа. Цель работы заключается в раскрытии социокультурных особенностей русских, английских и французских антропонимов. В качестве материала выступают русские, английские и французские личные имена, отобранные методом сплошной выборки. Источниками метода сплошной выборки послужили французский словарь «Le Petit Robert», английский словарь «Oxford Dictionary of English», Новый большой французско-русский фразеологический словарь В.Г. Гака.

Личные имена являются аккумуляторами культуры, хранят коллективную память и становятся средством трансляции культуры. Гашемида Хаджимуратовна Шенкао отмечает, что наречение именем человека является включением его в систему общественных отношений, в которой он приобретает определённые права и обязан-

ности. [8, с. 12] Вместе с тем, в жизни человека личные имена выполняют определённые функции:

1. Функция различения людей друг от друга;
2. Функция, которая указывает на место индивида в социальной структуре общества; Первые две функции в большинстве случаев рассматриваются как единая социально-различительная функция.
3. Функция соответствия традициям, обычаям, моде и т.д.
4. Функция, связанная с верой в сверхъестественную мощь имени. Последние две функции также возможно рассматривать в ряде случаев как единую ритуально-харизматическую функцию.

В исторической эволюции системы русских антропонимов сначала доминировала различительная функция и далее она расширилась социальной, ритуальной и харизматической. Усиливая своё влияние, три последние функции со временем подавляют первую. Поскольку система не может существовать без неё и наступает определённый момент, когда система начинает преобразовываться и весь процесс начинается сначала, но уже на уровне, соответствующем прогрессивному развитию социальной структуры общества. [2, С. 24]

Соответственно, личное имя является определяющим фактором эпохи и свидетелем духовной истории

общества. К примеру, в России в XVI веке сформировался класс государственных служащих. Положение государственного служащего определялся в обращении к нему по отчеству, что являлось показателем повышения его социального статуса. [5] К XIX веку система именования женщин и мужчин становится одинаковой (имя, отчество, фамилия).

В отличие от русской системы именования такой как «Имя + Отчество + Фамилия», французская антропонимическая модель не соответствует ей: во французской системе именования принято указывать второе и третье личное имя (в узком смысле).

Французские имена представлены:

1. простыми именами: «Anne», «Pierre», «Henri»;
2. сложными именами, которые подразделяются в свою очередь на:
 - а) двойные: «Jean Michel», «Antoine François»;
 - б) двучленные: два простых имени, соединенные дефисом: «Anne-Sophie», «Jean-Luc», «Jean-Paul», «Jean-Michel»;
 - в) трёхчленные: «Charles Marie René», «Hubert Joseph Walther» и другие.

Одно из них, как правило, первое, используется в повседневной жизни, другие исключительно в официальных документах. Например, официально «François Gérard Georges Nicolas Hollande», в повседневной жизни «François Hollande».

Важнейшие антропонимические категории ещё не имеют научного определения, так как предполагается, что они всем ясны. Действительно, каждый повторяет, не задумываясь, слова: имя, прозвище, фамилия. Однако при первом же научном рассмотрении, оказалось, что их ясность – мнимая. Если в русском языке сегодня легко отличить имя от прозвища, фамилию от отчества, то вопрос о современных именах французского народа остается нерешённым, так как очень часто трудно различить имя и прозвище.

Нельзя утверждать, однако, что имя условно, его этимология стёрта, а этимология прозвища ясна. Например, имя «Adler», происходит от прозвища «aigle». Среди имён, которые давались в эпоху Французской революции, есть имена с подчеркнута этимологическим значением («Raisin» – виноград, «Groseille» – красная смородина).

Александра Васильевна Суперанская отмечает, что до введения на Руси христианства личные имена были очень похожи на прозвания, данные по тому или иному поводу. В древности люди воспринимали имена материально, например, «Первой», «Черныш», «Любим» и т.д. Более того, люди скрывали свои имена от врагов, считая, что одного знания имени достаточно для того, чтобы навредить кому-нибудь. [7]

В русскоязычной и англоязычной антропонимической модели имён есть одно сходство: полное имя состоит из трёх составляющих. Англичанин имеет первое имя или *first name/ Christian name/ given name*, второе имя или *middle name* и фамилию или *name/ surname/ last name*. В роли первого и второго имён порой выступают английские фамилии, выбираемые среди фамилий знаменитостей, исторических персонажей или родственников. Например, в романе Джейн Остин «Гордость и предубеждение» главного героя зовут «Фитцуильям Дарси». «Фитцуильям» – это фамилия древнегерманского происхождения, которая дословно переводится как «сын Уильяма». «Дарси» тоже фамилия нормандского происхождения и переводится как «родом из Арси». Конечно, русский глаз не заподозрил в имени героя две фамилии, потому что русские классики не называли своих героев Безухов Андреевич Болконский или Атаманов Тарасович Бульба. Возвращаясь к фамилии Дарси, нужно отметить, что она до сих пор имеет место в составе личного имени.

Формального имени представляет нам не только того, самого именуемого – это изящество и интеллигентность, но и того же социума, в котором находится данный человек. По мнению Марии Эдуардовны Рут, социум зачастую изменяет форму имени используя целый спектр деминутивации («Аня» – «Аннушка» – «Нюта» – «Нюша» – «Анечка»; «Иван» – «Иванушка» – «Иваночек»; «Ваня» – «Ванюшка» – «Ванёчек»), варьируя формулы (имя – имя-фамилия – фамилия-имя), создавая прозвищные именованья – все это создается вокруг одного лица, создавая достаточно сложную антропонимическую микросистему. [6]

Ещё один пример к деминутивации приводится в романе в стихах «Евгений Онегин» – «Княжна, mon ange! – Pachtette!» – Алина...», где к деминутивному варианту имени «Прасковья» (уменьш. – «Паша») добавляется французский суффикс-деминутив «-ette». [3]

Одним из свойств личного имени является региональность. Часто антропоним даёт определённое представление, как о национальности, так и местности происхождения человека. Например:

1. Собственное имя, как отображение национального признака. Различают собственно национальные и национализированные имена. Последние, в отличие от первых, являясь собственными именами, усвоены, а именно приняты родным языком из того или иного языкового мира. При усвоении они попадают в языковую фонетическую форму принявшего их языка. Например, изначально латинское имя «Maria» в английском языке преобразилось до «Mary», «Molly» и «Polly»; древнееврейское «Joannes» трансформировалось в «Jan», «John», «Jankin», «Jackin» и «Jack». Женское имя «Iolanna» была заимствована у французов «Jeanne» – «Жанна», превратившись в «Jane», «Jean» и «Joan».

Личные имена, которые были заимствованы из древнегерманских языков во французскую антропонимическую систему – «*Erhard*», «*Humber*». Большинство этих имён часто используются с момента их заимствования и до сегодняшнего дня являются популярными. К национальным английским именам можно отнести «*Adalyn*», «*Addison*», «*Barbara*» и к французским национальным именам «*François*», «*Camille*», «*Loan*». [4]

2. Собственное имя как лексическая единица – определитель принадлежности по местности. Отличие города и деревни часто проявляется и в собственных именах. Это подтверждается теми примерами, в которых причиной изменения имён является перемещение из города в деревню либо из деревни в город. Поэтому территориальная и социальная маркировка лексикографической фиксации личных имён имеет большое значение. Например, в сельской местности употребляются такие английские личные имена как «*Richard*», «*Robert*», «*Ralph*», «*Melodia*», «*Antigone*», «*Cassandra*» и французские личные имена «*Jacques*», «*Jeanne*», «*Maria*». [1]

Следует отметить, что французская антропонимическая лексика не обладает четким структурированным характером. Это объясняется, прежде всего, неоднородностью именника с точки зрения и его происхождения. В именную систему любого языка входят как новые, так и старые имена, как созданные в данном языке, так и заимствованные.

В образовании антропонимов огромную роль играют суффиксы. Они указывают, в частности, на соотносённость имён с определённой областью. Так, например,

множество имён на севере Бургундии оканчиваются на суффикс «-ot», который прибавляется к имени существительному или прилагательному, как, например, «*Amyot*» (производное от слова *ami*), «*Brunot*» или к личным именам «*Cobinot*», «*Hugot*».

Такие суффиксы, как «-ig (-ic)», «-ot», «-in», «-et», образуют имена уменьшительные, например, «*Jehan*» – «*Jehannot*», «*Guillaume*» – «*Guillot*», «*Lambert*» – «*Lambin*», «*Michel*» – «*Michelet*», «*Brun*» – «*Brunet*», «*Gars*» – «*Gasselin*». Суффиксы «-ot», «-otte» и «-in», «-ine» в составе имени обозначают чаще всего сельского жителя: «*Jeantiot*», «*Pierrot*», «*Lubin*», «*Perrin*», «*Charlotte*», «*Claudine*», «*Martine*», «*Mathmine*». Латинский суффикс «-ius» встречается довольно часто: «*Marius*», «*Alexandrins*», «*Julius*», «*Aurelius*». Суффикс «-aut» имеет уменьшительное значение: «*Jehan*» – «*Jehannaut*», «*Jehunne*». При этом характерно удвоение согласной такое же, как и при образовании женского рода имён существительных.

В средние века во французском языке употребление предлогов «de», «à» перед личным именем указывало на родственные отношения: «*Ageorges*», «*Aufrère*», «*Deloncle*», «*Duclerc*». Предлоги могли при этом сопровождаться артиклем: «*Alagille*», «*Alaguillaume*», «*Aujean*», «*Alajouanine*», «*Alamargot*», «*Alamartine*», «*Alameunière*», «*Alapetite*». [9]

Таким образом, региональный аспект лексикографического описания ономастических единиц показывает значимость хронологических, социальных и территориальных помет, которые позволяют раскрыть специфику разных групп номинаций, особенности их порождения, мотивации и функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е.Н. Лингвокреативный потенциал Оренбуржья: от Куяна до Ваучера // Уральский филологический вестник. 2013. С. 5-12
2. Бестужев-Лада И.В. Исторические тенденции развития антропонимов // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. 1970. С. 24-33
3. Бойчук И.В., Лавриненко А.О. Особенности адаптации французских антропонимов в русском и украинском языках: лингвистический и экстралингвистический аспекты // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2016. № 21 (242). С. 36-41
4. Керова Л.В. Структурные особенности личных имён в английском и немецком именниках // Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2016. №1. С. 27-31
5. Махлина С.Т. Лекции по семиотике культуры и лингвистике / С.Т. Махлина. СПб.: Изд-во «СПбКО». 2010. 468 с.
6. Рут М.Э. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 59-64
7. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах / А.В. Сулова, А.В. Суперанская. Л.: Лениздат. 1991. 220с.
8. Шенкао Г.Х. Имя как социокультурный феномен: автореф. дис. ... д. филос. наук. 2002. 35 с.
9. Rey A. Le petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, Paris: Dictionnaires Le Robert, 2010, 2837 p.

© Ягмурова Мехри Сердаровна (mehrisha.yagmurowa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Abalueva S.** – Postgraduate student, Pacific State University (Khabarovsk)
- Alekseva Yu.** – Senior lecturer, Far Eastern Federal University
- Alikova S.** – PhD, Associate Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
- Alkova S.** – Assistant professor, associate professor, BU IN Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra "Surgut State University"
- Andreeva M.** – Candidate of Philological sciences, associate professor, Kazan State Medical University
- Asanova M.** – Ph.D., Senior Lecturer, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik
- Beliaeva Iu.** – St. Petersburg State Agrarian University
- Bleikher O.** – PhD, doctoral researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia (St Petersburg)
- Borodin M.** – Candidate of historical sciences, Associate Professor, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation General of the Army E.N. Zinicheva
- Boronikhina I.** – Senior lecturer, Russian Biotechnological University (Moscow)
- Cai Li** – Postgraduate student, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow
- Chernyshev V.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Leading researcher Pacific State University
- Chervony A.** – D. philol. Sc., professor, Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) FSBEI HPE "RGEU (RINH)"
- Daudova R.** – Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov (Makhachkala)
- Ermakova L.** – Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Pyatigorsk State University
- Fedorova T.** – Senior Teacher, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
- Fedortsova S.** – Associate Professor, A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) "RSEU (RINH)"
- Finko O.** – Candidate of Philology, Associate Professor, Kuban State University, branch in Slavyansk-on-Kuban
- Franchuk O.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov
- Galeeva T.** – Candidate of Sciences, Associated Professor, Moscow International University
- Galiakhmetova A.** – Candidate of Pedagogical sciences, associate professor, Kazan State Power Engineering University
- Gaynutdinova D.** – Candidate of Philological sciences, associate professor, Kazan Federal University

Our authors

- Gerasimova O.** – Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
- Gezha R.** – Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB-MVA named after K.I. Scriabin
- Globenko R.** – Senior lecturer, Sevastopol Economics and Humanities Institute (branch) Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Crimean Federal University V.I. Vernadsky", Sevastopol
- Golovinov A.** – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Altai State University (Barnaul)
- Golovinova Yu.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)
- Goltseva T.** – Senior Lecturer, Kosygin State University of Russia (Moscow)
- Goncharova T.** – Senior Lecturer, Luhansk State Pedagogical University
- Grigorashchenko-Aliyeva N.** – Ph.D., Associate Professor, Sochi State University
- Kargina A.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky
- Karimov T.** – C. h. s., senior scientific researcher, Institute of History. Sh. Marjani AS RT (Kazan)
- Khanipov T.** – BU IN Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra "Surgut State University"
- Khorokhorina G.** – Associate Professor, Russian Biotechnological University (Moscow)
- Khovyakova A.** – Ph.D., Associate Professor, Sochi State University
- Khutova E.** – Ph.D., Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik
- Kitcheva I.** – Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Pyatigorsk State University,
- Konobeyskaya A.** – Senior lecturer, Pacific State University
- Korol Y.** – Candidate of Philology, docent, Surgut State University
- Kurdina E.** – Postgraduate student, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra "Surgut State University"
- Leontieva A.** – Candidate of historical Sciences, docent, Trekhgornny Institute of technology-branch of «NATIONAL research nuclear University «MEPhI»
- Mardanova M.** – Candidate of Philology, senior lecturer, Surgut State University
- Matekhina O.** – Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Siberian State Industrial University (Novokuznetsk)

Merzlikina N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russian University of Transport (MIIT), Moscow

Mikhaylina O. – PhD, associate professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Morev D. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Police Colonel, UNK SP Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot

Mukova M. – Ph.D., Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik

Murashova E. – Ph.D. Philol. Sc., Associate Professor, Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) FSBEI HPE "RGEU (RINH)"

Musafirov M. – Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer, Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) «Orenburg State University»

Nyurksne L. – Art. Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB-MVA named after K.I. Scriabin

Platonov A. – Candidate of philosophical sciences, Associate Professor, Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Podgorskaya A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

Popova O. – Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Siberian State Industrial University (Novokuznetsk)

Pozdnyakova N. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

Qiang Zongyun – Northeast Normal University, Chengdu City, Sichuan Province, China

Resepova V. – Kuban State University

Rogozhina A. – Lecturer, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Semerzhidi V. – PhD, associate professor, Kuban State University

Shebalin I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) «Orenburg State University»

Shtukin N. – Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB-MVA named after K.I. Scriabin

Shtukin N. – Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB-MVA named after K.I. Scriabin

Shugaeva E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (the First Cossack University)

Shumbasova S. – PhD, Docent, State University of Humanities and Social Studies (Kolomna)

Sinitsyna I. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Snegurova V. – PhD, professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St Petersburg)

Stepanova N. – Cand. Sci. (Phylol.), Associate Professor, St. Petersburg University of Management and Economics

Surkov A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB-MVA named after K.I. Scriabin

Svintorzhitskaia I. – Leading Researcher, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Pyatigorsk State University

Tomin V. – Associate Professor, Orenburg State University

Tonoyan Kh. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (PKU)

Usov S. – Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Uymin A. – National University of Oil and Gas «Gubkin University», Moscow

Vorobyov G. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk State University

Vovk I. – Candidate of Historical Sciences, docent, Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) «Orenburg State University»

Vronskaya N. – Senior teacher, Far Eastern Federal University

Yagmurova M. – Postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University

Yalaeva N. – Associate Professor, Russian Technological University MIREA (Moscow)

Zuev A. – Candidate of historical sciences, Associate Professor, Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).